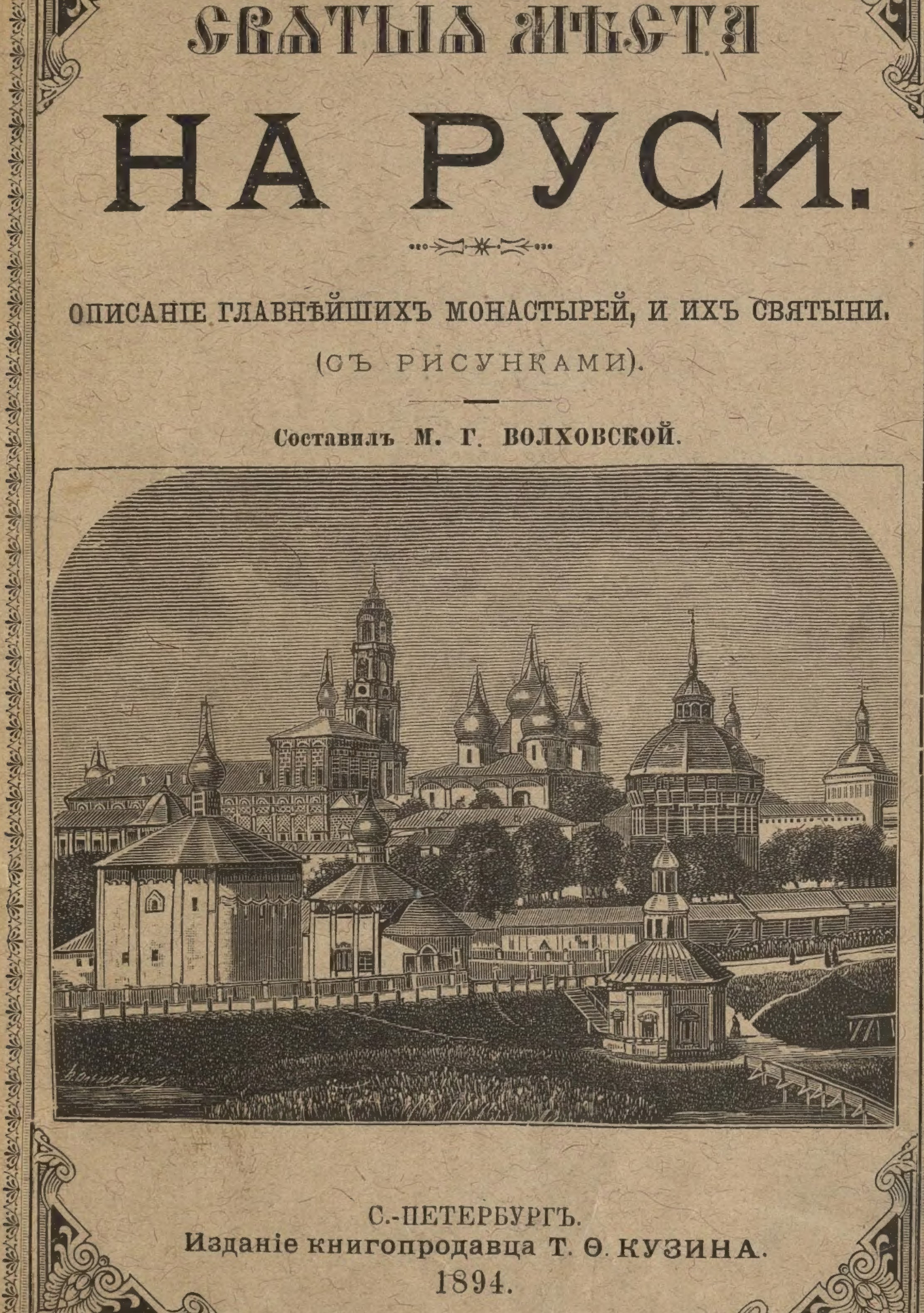
СВЯТЫЯ МѢСТА
НА РУСИ.

ОПИСАНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ МОНАСТЫРЕЙ, И ИХЪ СВЯТЫНИ.

(СЪ РИСУНКАМИ).

Составилъ М. Г. ВОЛХОВСКОЙ.



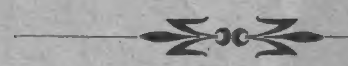
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Т. Ѳ. КУЗИНА.
1894.

СВЯТЫЯ МѢСТА
НА РУСИ.

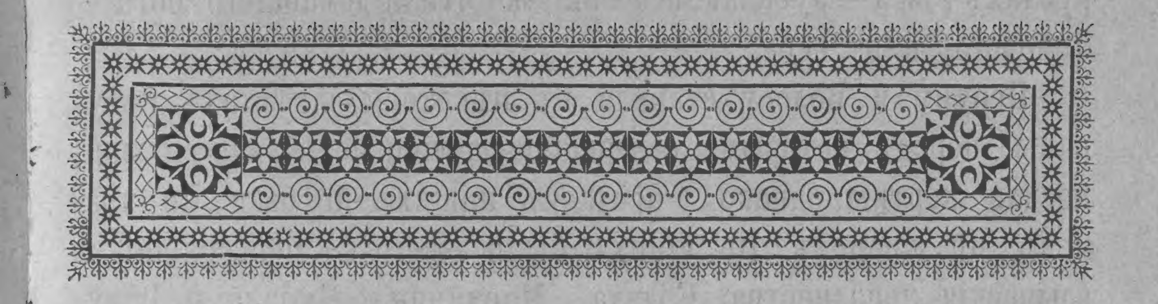
Описаніе главнѣйшихъ монастырей, ихъ исторія и святыни.

(СЪ РИСУНКАМИ).

Составилъ М. Г. ВОЛХОВСКОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Т. Ѳ. КУЗИНА.
1894.



Начало христіанства и первые монастыри на Руси.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, въ 862 году, на берегахъ рѣки Волхова, было положено начало могучему Русскому государству. Первый русскій князь, Рюрикъ, поселился въ Новгородѣ, и въ память этого событія тамъ поставленъ великолѣпный памятникъ тысячелѣтія Россіи.

Въ то время предки наши были еще грубыми язычниками. Они обоготворяли различныя силы природы. Небо они почитали подъ именемъ Сварога, а Солнце—подъ именемъ Дажь—бога. Кромѣ того они поклонялись Перуну—богу грома и молніи, и Волосу (или Велесу)—богу плодородія и покровителю стадъ. Всѣ эти боги считались дѣтьми одного божества,—бога неба, Сварога, и потому ихъ всѣхъ называли иногда Сварожичами. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, предки наши вѣрили во многихъ другихъ: въ лѣсу, по древнему вѣрованію, жилъ лѣсной богъ—Лѣшій, въ водѣ—Водяной, въ

руслахъ рѣкъ — русалки; особенно же чтили домашняго бога — Домового, или Чура.

Перуну и Волосу ставили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ истуканы, передъ которыми совершали различные обряды и приносили жертвы; однако, у предковъ нашихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ. Но у нихъ были ежегодно повторявшіяся языческія празднества: Коляда, Масляница, Купала и Радуница. Первыя три празднества были посвящены чествованію благой силы солнечнаго тепла и свѣта; Радуница посвящалась воспоминанію объ усопшихъ, такъ какъ предки наши, будучи еще язычниками, вѣрили въ безсмертіе душѝ и загробную жизнь.

Но уже въ IX вѣкѣ христіанская вѣра проникла въ русскую землю. Двое изъ дружинниковъ Рюрика, Аскольдъ и Диръ, отпросились у него идти со своими родичами въ Константинополь искать счастія. Плывя по Днѣпру, они достигли Кіева, помогли кіевлянамъ освободиться отъ власти хозаръ и стали властвовать здѣсь. Отсюда съ большой дружиной Аскольдъ и Диръ предприняли походъ на Константинополь (въ 865 году), но буря разсѣяла ихъ флотъ и они безъ успѣха воротились въ Кіевъ. Во время этого похода многіе изъ дружинниковъ Аскольда и Дира приняли крещеніе. Второй русскій князь, Олегъ, убилъ Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ, назвавъ его «матерью городовъ русскихъ»; съ этого времени Кіевъ сталъ главнымъ русскимъ городомъ.

При третьемъ русскомъ князѣ, Игорѣ (912—945 г.) значительная часть княжеской дружины состояла уже изъ христіанъ; въ Кіевѣ при немъ былъ уже соборный храмъ во имя св. Иліи. Со времени Аскольда и Дира христіанство стало понемногу распространяться среди русскихъ. Приходили въ Кіевъ греческіе проповѣдники, греческіе торговцы пріѣзжали сюда, могли тоже помочь распространенію христіанской

вѣры у нашихъ предковъ. Наконецъ, сами русскіе часто ѣздили въ Царьградъ (или Константинополь) и тамъ могли познакомиться съ христіанской вѣрой. Великолѣпіе греческихъ храмовъ и торжественность богослуженія возбуждали у нихъ удивленіе. Супруга Игоря, Ольга, могла, стало быть, у себя дома узнать, въ чемъ состоитъ христіанская вѣра; при ея умѣ, ей не трудно было понять, насколько христіанская вѣра выше языческой. Поэтому она первая изъ княжескаго рода рѣшила принять христіанство. Въ 957 году Ольга поѣхала въ Константинополь: она хотѣла принять крещеніе отъ самого патріарха. Императоръ Константинъ Багрянородный былъ крестнымъ отцемъ Ольги. Нарекли ее во св. крещеніи Еленою, въ честь матери Константина Великаго.

Сильно хотѣла Ольга обратить въ христіанство и сына своего, Святослава.

— «Вотъ я познала истиннаго Бога и радуюсь»,—говорила она сыну: «крестись! Познаешь и ты Бога, будетъ радость и въ твоей душѣ».

— «Какъ я приму одинъ иную вѣру?»—возражалъ Святославъ: дружина станетъ смѣяться надо мной».

— «Коли ты крестишься», — настаивала Ольга: — всѣ послѣдуютъ за тобой».

Но Святославъ оставался непреклоненъ: его воинственному характеру болѣе соотвѣтствовала языческая религія, чѣмъ христіанская.

Сынъ Святослава, Владиміръ, сначала былъ очень ревностнымъ язычникомъ. Съ первыхъ лѣтъ своего княженія сталъ онъ ставить въ Кіевѣ на видныхъ мѣстахъ, на холмахъ, идоловъ, или кумировъ, т. е., изображенія языческихъ боговъ. Идолъ главнаго бога, Перуна, былъ сдѣланъ изъ дерева, голова была серебряная, а усы золотые. Поставлены были кумиры и Дажь-бога, Стрибога и другихъ. Пе-

редъ этими идолами совершались языческіе обряды, приносились обильныя жертвы, приносили иногда въ жертву даже людей.

Вотъ какой случай разсказываетъ намъ лѣтописецъ. Послѣ удачнаго похода на ятвяговъ, старцы и бояре сказали: «Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ; на кого падетъ онъ, того принесемъ въ жертву богамъ». Жребій палъ на сына одного варяга, христіанина, жившаго въ Кіевѣ. Посланы были люди, чтобы у отца взять обреченнаго на жертву отрока. Варягъ сталъ противиться:

— «Ваши боги—дерево», говорилъ онъ: — «сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они ни ѣдятъ, ни пьютъ, они сдѣланы руками людей. Есть единый истинный Богъ, Котораго почитаютъ греки, который сотворилъ землю и звѣзды, луну и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? Они сами дѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!»

Узналъ народъ, что варягъ не выдаетъ сына; толпами съ оружіемъ въ рукахъ, повалилъ онъ ко двору варяга, разметалъ заборъ. Несчастный отецъ стоялъ на крыльцѣ своего дома и заслонялъ своего сына.

— «Отдай сына своего въ жертву богамъ!» — кричалъ народъ.

— «Если они боги, то пусть пошлютъ одного изъ среды своей, пусть онъ возьметъ у меня сына моего, а вы зачѣмъ требуете?»

Разсвирѣпѣли язычники, съ криками бросились на жилище варяга, подрубили сѣни, на которыхъ стоялъ отецъ съ сыномъ, и оба они погибли (983 г.). Это были Ѳеодоръ и Іоаннъ, — первые мученики христіане на Руси. Церковь чтитъ ихъ память 12-го іюля.

Событіе это картинно описывается въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Первые мученики на Руси (983 г.).

Взволновался стольный городъ Кіевъ,
Весь народъ повысыпалъ на стогны:
Бирючи стоятъ на перекресткахъ—
Кличутъ кличъ по княжему велѣнью:
Повелѣлъ де нынѣ князь великій,
Стольный князь Владиміръ Святославичъ
Городскимъ всѣмъ старцамъ и боярамъ,
Горожанамъ кіевскимъ и гостямъ
И инымъ честнымъ и вольнымъ людямъ
Предъ дворомъ теремнымъ собираться
Вкругъ холма, гдѣ страшному Перуну
Истуканъ поставленъ сереброглавый,
И метать тамъ жеребей всѣмъ міромъ
И кому бы жеребей не выпалъ,
Быть тому заколоту жрецами
На потребу грозному Перуну.
Да насытясь крови человѣчей,
Будетъ добръ онъ къ князю и дружинѣ
И ко всей землѣ великой Русской.

* * *

Собрался предъ княжій дворъ теремный
Весь народъ вокругъ бояръ и старцевъ
И метать сталъ жеребей всѣмъ міромъ,
И палъ жеребей на отрока варяга
(Тотъ варягъ былъ вѣры христіанской).
И къ отцу его послали старцы
Трехъ мужей, чтобъ выдалъ онъ имъ сына.
И пришли тѣ мужи въ домъ варяга
И такую рѣчь къ нему держали:
—„Насъ къ тебѣ прислали старцы наши,
И бояре княжіи, и гридни,

И весь міръ честной тебѣ повѣдать,
Что Перунъ и съ нимъ всѣ боги наши
Заколоть намъ нынѣ указали
Отроча твое себѣ въ потребу".

* * *

Отвѣчалъ на рѣчь ихъ христіанинъ:
„Не отдамъ вамъ дѣтища родного,
Не отдамъ его вамъ на закланье,
Не предамъ бѣсамъ на поруганье!
Я богамъ не кланяюся вашимъ;
Ваши боги—дерево простое,
Ничего не видятъ и не слышатъ
И рѣчей людскихъ не разумѣютъ.
Не отдамъ имъ отрока на жертву,
Не отдамъ,—такъ и скажите старцамъ
И всему народу повѣстите".

* * *

И пришли назадъ на холмъ Перуновъ
Посланцы съ отвѣтомъ отъ варяга;
Тотъ отвѣтъ услышавъ, лютой злобой,
Словно звѣрь, народъ весь распалился,
Завопилъ и въ слѣдъ жрецамъ и старцамъ
Къ воротамъ варяга повалилъ онъ.
А варягъ, заслыша крикъ народа,
Затворилъ тесовыя ворота
И засовомъ крѣпкимъ ихъ задвинулъ.
Сотворилъ онъ знаменіе крестно,
Осѣнилъ крестомъ и обнялъ сына
И поднялся молча съ нимъ на вышку,
Что была подъ кровлею теремной.

* * *

Привалилъ народъ къ двору варяга;
Лишь его на вышкѣ онъ завидѣлъ,
Пущей злобой въ сердцѣ распалился
И заразъ ему всѣмъ міромъ грянулъ:
„Выходи, ругатель окаянный,
Выходи на сходку передъ міромъ!

Покорись богамъ и волѣ княжей,
Покорись,—самъ отрока намъ выдай,
А не то возьмемъ его мы силой:
Весь твой дворъ размечемъ по тесницѣ
И тебя заколемъ вмѣстѣ съ сыномъ".

* * *

Отвѣчалъ народу христіанинъ:
„Я боговъ не знаю вашихъ, братья;
Какъ же имъ могу я покориться?!
Богъ единъ,—Онъ создалъ небо, землю;
Сотворилъ Онъ мѣсяцъ, солнце, звѣзды,
Сотворилъ изъ персти человѣка
И вдохнулъ въ него живую душу.
А что Вамъ создали ваши боги?
Ничего! Вѣдь боги ваши сами
Созданы всѣ вашими руками.
Что они? Повапленное древо!
Въ слѣпотѣ своей вы мните, братья,
Что себѣ въ угоду боги ваши
Проливать велятъ вамъ кровь людскую.
Хороши-жъ, по правдѣ, ваши боги,
Коли крови жаждутъ неповинной.

* * *

Не таковъ Богъ истинный, единый—
Тотъ, Кому мы молимся и служимъ:
Онъ есть благъ, незлобивъ, кротокъ сердцемъ,—
Онъ не жаждетъ, братья, нашей крови,
И за насъ, любви насъ научая,
Самъ Онъ кровь свою святую пролилъ,
Самъ терпѣлъ страданіе и муки,
Чтобъ спасти отъ муки насъ и смерти.
Коли вправду боги ваши—боги,
А не пни, бездушные во златѣ,—
Такъ пускай придутъ на дворъ мой сами
И изъ рукъ моихъ пусть силой вырвутъ
И пожрутъ мое родное чадо".

* * *

Не стерпѣлъ народъ разсвирѣпѣлый,
Не стерпѣлъ боговъ онъ поруганья:
Разметалъ, разнесъ заборъ тесовый,
И къ хоромамъ бросился онъ съ воплемъ.
Застучали ломы съ топорами;
Затряслись сосновыя хоромы,
Затряслись хоромы, пошатнулись...
Сотворилъ молитву христіанинъ,
Осѣнилъ крестомъ себя трикраты,
Осѣнилъ крестомъ трикраты сына
И къ груди своей широкой крѣпко
Дорогое дѣтище прижалъ онъ...
Затряслись опять подъ нимъ хоромы,
Затряслись, шатнулись, затрещали
И, качаясь, рухнули на землю.
И горой тяжелой на варяговъ
Груда брёвенъ съ трескомъ повалилась.

* * *

И народъ, какъ словно опьянѣлый,
Завопилъ отъ радости безумной,
Завопилъ, и съ хохотомъ и бранью
Принялся размётывать онъ брёвна,
Разметалъ, и видитъ онъ два тѣла—
Сынъ съ отцомъ; лежатъ они обнявшись—
Крѣпко сынъ къ груди отца прижался,
И сплелись и замерли ихъ руки,
И уста къ устамъ прильнули крѣпко.
И замолкъ народъ и утишился,
Словно вдругъ очнулся онъ отъ хмеля,
Отошелъ онъ молча отъ варяговъ,—
По домамъ въ раздумьи разошелся. . . .
. . . .
Не туманъ, не туча громовая
Божій свѣтъ надъ Кіевомъ затмила,
Не зашло за тучу солнце красно,
Не сошла по Божьему велѣнью

Середь дня на землю мать ночная:
То въ умѣ задумалъ крѣпку думу
Стольный князь Владимiръ Святославичъ.
Опустилъ онъ въ землю очи ясны...
И вздохнулъ великiй князь Владимiръ,
И, вздохнувъ, такое слово молвилъ:
—„Слышалъ всякъ, какое слово молвилъ
Про боговъ отецъ того варяга,
Что̀ богамъ на жертву обрекли вы.
Молвилъ намъ онъ истинную правду:
Наши боги нашихъ рукъ творенье...
Не хочу имъ больше покланяться,
Не хочу ихъ чествовать дарами,
Не хочу бездушнымъ истуканамъ
Приносить живыхъ людей на жертву.
Я хочу найти другую вѣру,
Чтобъ была та истинная вѣра;
Я хочу служить такому Богу,
Что не созданъ нашими руками".

* * *

Такъ сказалъ великiй князь Владимiръ
На пиру честномъ своей дружинѣ,
Проронилъ между друзьями слово
Супротивъ своей неправой вѣры.
А пошло то княжеское слово,
Понеслось стрѣлой по свѣту Божью:—
Пронеслось то слово за Карпаты,
Отдалось то слово въ Цареградѣ,
Отдалось въ великомъ градѣ Римѣ,
Отдалось за Волгою и Камой;
Пронеслось то слово, прокатилось,
Словно громъ небесный, надъ землею..
Всюду слухъ пронесся всѣмъ желанный:
Русскiй князь мѣнять задумалъ вѣру.

Б. Алмазовъ.

Видѣть такіе случаи и слышать такія рѣчи приходилось Владиміру, вѣроятно, не разъ.

Въ Кіевѣ было уже много христіанъ; не мало было ихъ и въ дружинѣ княжеской. Да и мудрая Ольга, бабка Владиміра, была христіанкой. Владиміръ, при его умѣ, легко могъ задуматься о томъ, гдѣ истина: въ томъ-ли язычествѣ, которому онъ сначала ревностно служилъ, или въ христіанствѣ?

Не трудно было Владиміру замѣтить высоту христіанскаго ученія сравнительно съ грубыми языческими вѣрованіями. Сталъ Владиміръ колебаться въ своемъ язычествѣ. Объ этомъ скоро узнали сосѣдніе народы; каждый изъ нихъ дѣлалъ попытки обратить Владиміра въ свою вѣру; каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлать такого сильнаго князя своимъ единовѣрцемъ.

Вотъ преданіе у нашего лѣтописца объ этомъ.

Въ 986 году пришли изъ земли волжскихъ болгаръ магометане къ Владиміру и сказали ему:

— «Ты, князь, мудръ и смышленъ, а истинной вѣры не знаешь. Прими нашу вѣру и поклонись Магомету!»

— «Какая же ваша вѣра?»—спросилъ Владиміръ.

— «Вѣруемъ мы въ единаго Бога»,—отвѣчали болгары: «а Магометъ заповѣдуетъ намъ свинины не ѣсть, вина не пить».

Затѣмъ разсказали они о раѣ, гдѣ люди, исполнявшіе законъ Магометовъ, будутъ вѣчно наслаждаться. Разсказъ о будущей жизни Владиміру пришелся по душѣ, но запретъ ѣсть свинину и особенно пить вино совсѣмъ не понравился.

— «Руси есть веселіе пить,—безъ того не можемъ быть!»—сказалъ онъ.

Затѣмъ пришли ко Владиміру нѣмцы, послы отъ папы (римскаго патріарха). Владиміръ выслушалъ ихъ и отпустилъ ни съ чѣмъ.— «Отцы наши», сказалъ онъ:—«не принимали вашей вѣры».

Пришли и евреи изъ земли хозарской.

— «Слышали мы»,—сказали они:—«что приходили къ тебѣ послы отъ магометанъ, христіанъ и проповѣдывали каждый свою вѣру. Но христіане вѣрятъ въ Того, Кого мы распяли. Мы-же вѣримъ въ единаго Бога,—Бога Авраама, Исаака и Іакова».

— «Въ чемъ состоитъ законъ вашъ?»—спросилъ Владиміръ.

— «Свинины не ѣсть и субботу чтить»,—сказали евреи.

— «Гдѣ-же ваша земля?» спросилъ Владиміръ.

— «Въ Іерусалимѣ!»—отвѣчали они.

— «Тамъ вы и живете!»—переспросилъ Владиміръ.

— «Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ»,—сознались евреи: «и разсѣялъ насъ за грѣхи наши по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ во власть христіанъ».

— «Какъ же вы учите другихъ»,—сказалъ Владиміръ:—«когда сами отвергнуты Богомъ и разсѣяны по разнымъ странамъ за грѣхи ваши? Если бы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ. Хотите-ли, чтобы и съ нами было тоже?»

Послѣ того прислали къ Владиміру и греки человѣка ученаго и краснорѣчиваго. Онъ сталъ говорить Владиміру о заблужденіяхъ магометанъ, объ ошибкахъ западныхъ христіанъ, подчиненныхъ папѣ. Владиміръ съ любопытствомъ слушалъ краснорѣчиваго грека.

— «Приходили ко мнѣ евреи»,—сказалъ онъ,—«и говорили, что въ Того, Кого они распяли, нѣмцы и греки вѣруютъ, какъ въ Бога». Правда ли это?»

— «Если хочешь послушать»,—сказалъ греческій философъ:—я разскажу тебѣ все съ начала, ради чего сошелъ Богъ съ неба на землю.

— «Радъ послушать!»—сказалъ Владиміръ.

И началъ греческій проповѣдникъ разсказывать о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и первыхъ людей, какъ блаженствовали они въ раю, какъ нарушили заповѣдь и лишились рая, какъ люди потомъ погрязли въ грѣхахъ и наказаны были всемірнымъ потопомъ. Разсказывалъ дальше проповѣдникъ объ исторіи евреевъ, пребываніи ихъ въ Египтѣ, о томъ, какъ Моисей вывелъ ихъ оттуда, какъ стали управлять евреями цари, какъ народъ сталъ забывать заповѣди Божіи, какъ Богъ посылалъ пророковъ, чтобы образумить заблуждающихся и предсказать рожденіе Спасителя.

Внимательно слушалъ Владиміръ чудный разсказъ проповѣдника.

— «Сбылось-ли то, что предсказали пророки, или теперь сбудется?» — спросилъ онъ.

И разсказалъ проповѣдникъ о рожденіи Господа Іисуса Христа, объ ученіи Его, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, объяснилъ, ради чего пострадалъ Господь, какую жизнь заповѣдалъ онъ христіанамъ. Разсказалъ о загробной жизни, о второмъ пришествіи Спасителя и въ заключеніе показалъ Владиміру картину страшнаго суда съ праведниками, идущими съ веселіемъ въ рай, по правую сторону, и съ грѣшниками, идущими въ адъ — по лѣвую. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ:

— «Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!»

— «Крестись!» — отвѣчалъ философъ: — «и будешь съ первыми въ раю».

Но Владиміръ, подумавъ немного, отвѣчалъ: — «Немного подожду!»

Онъ хотѣлъ испытать всѣ вѣры, а философа отпустилъ съ великою честью, одаривъ богато.

Приведемъ здѣсь стихотвореніе о посольствахъ разныхъ народовъ, явившихся ко Владиміру съ предложеніемъ своей вѣры.

Выборъ вѣры.

(Преданіе о Св. Князѣ Владимірѣ).

— Въ гриднѣ, убранной богато,
Въ стольномъ Кіевѣ своемъ,
Возсѣдаетъ князь Владиміръ
Съ озабоченнымъ челомъ.

* * *

Не блистаетъ взоръ орлиный,
Прежней удалью горя,
Омрачился тѣнью думы
Свѣтлый ликъ богатыря....

* * *

Не милы ему: ни ловля,
Ни веселый рокотъ струнъ,
Ни походы удалые,
Ни великій богъ—Перунъ!

* * *

Шепчетъ князь, нахмуря брови:
— „Идолъ!.. Дерева кусокъ!..
Отстоять себя не въ силахъ
Деревянный этотъ богъ!

* * *

Будь онъ богомъ,—онъ на мѣстѣ
Поразилъ бы христіанъ,
А не слушалъ ихъ глумленій
Неподвижно, какъ болванъ...

* * *

Да, пора принять мнѣ съ Русью
Вѣру, новую, пора!
Но какую? Какъ послушать—
Вѣра каждая мудра“.

* * *

И Владимiръ, оживяся,
Шлетъ немедленно гонцовъ,
Приказавъ ввести въ палату
Иноземныхъ мудрецовъ.

* * *

Чинно въ гридницу княжую
Старцы мудрые вошли.
Первый былъ въ чалмѣ зеленой
Аравiйскiя земли.

* * *

Съ рѣчью важной и цвѣтистой,
Съ длинной бѣлой бородой,
А другой—съ орлинымъ носомъ,
Юркiй, смуглый и худой...

* * *

Третiй былъ царьградскiй инокъ
Съ блѣднымъ, вдумчивымъ лицомъ
И съ очами, что сiяли
Подъ высокимъ клобукомъ...

* * *

И промолвилъ князь Владимiръ,
Отвѣчая на поклонъ:
Пусть изъ васъ разскажетъ каждый,
Чѣмъ хорошъ его законъ?

* * *

Духъ мой жаждетъ силой вѣры
Разогнать безвѣрья тьму:
Чья полюбится мнѣ болѣ,—
Ту съ народомъ и приму".

* * *

Первый началъ представитель
Правовѣрныхъ мусульманъ
И, Аллаха восхваляя,
Онъ цитировалъ коранъ;

* * *

Объяснялъ, что такъ отраденъ
Магометовъ чудный рай
Для бойцовъ, погибшихъ честью,
Что ложись да умирай!

* * *

„Тамъ въ садахъ, гдѣ слышенъ говоръ
Сладкозвучныхъ ручейковъ
И на солнцѣ ярко рдѣютъ
Кисти сочныя плодовъ,—

* * *

Вѣчно воины пируютъ
Съ сонмомъ гурій—райскихъ дѣвъ,
И ласкаетъ ихъ, и нѣжитъ
Чудной музыки напѣвъ...

* * *

Все прекрасно въ раѣ нашемъ,
Лишь одно запрещено:
Сокъ изъ гроздій винограда
Опьяняющій—вино!“

* * *

И промолвилъ князь, нахмурясь:
Безъ вина не можемъ быть!
Или ты не слышалъ развѣ,
Что Руси веселье—пить?“

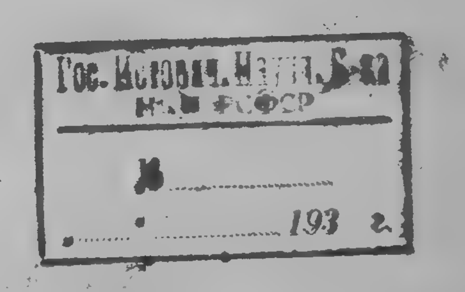
* * *

Тотчасъ выступилъ со словомъ
Смугловатый іудей
И повѣдалъ о законѣ.
Что оставилъ Моисей

* * *

О величьи Іеговы,
Спасшемъ избранный народъ
Посреди песковъ пустыни,
Посреди мятежныхъ водъ...

* * *



„Но страна то ваша гдѣ-же?"
Тутъ Владимiръ вопросилъ.
И отвѣтилъ тотъ со вздохомъ:
„Богъ во гнѣвѣ расточилъ

* * *

Свой народъ когда-то славный,
По лицу всея земли!"
—„Какъ"?—разгнѣвался Владимiръ
—„Какъ же вы дерзнуть могли

* * *

Насъ учить,—когда вы сами
По землѣ расточены?...
Нѣтъ, ступайте во свояси,
Здѣсь вы также не нужны!"

* * *

Тутъ приблизился и инокъ...
Оживился блѣдный ликъ,
Страстнымъ жаромъ вдохновенья
Озарившiйся на мигъ.

* * *

Говорилъ онъ о прощеньи,
О Спасителѣ Христѣ,
Искупившемъ грѣхъ вселенной
Смертной мукой на крестѣ.

* * *

Какъ апостолы Святые
Шли къ Нему изъ разныхъ странъ,
Какъ крестилъ Его водою
Iордана—Iоаннъ...

* * *

И—символомъ жизни новой,
Очищенiемъ грѣховъ
Стало таинство крещенья
Для Его учениковъ...

* * *

Какъ, страдая, Онъ—Распятый,—
Предъ кончиною Своей
За враговъ своихъ молился,
За безумныхъ палачей!

* * *

Какъ воскреснувшій изъ мертвыхъ,
Онъ вознесся къ небесамъ...
Смолкнулъ инокъ и—дивится...
Глядь—у князя по щекамъ

* * *

Заструились тихо слезы:
Онъ заплакалъ въ первый разъ,
Въ первый разъ слеза катилась
Изъ суровыхъ этихъ глазъ!

* * *

Поднялъ голову Владиміръ,
Засвѣтился взоръ очей,
И вскричалъ онъ: „Эта вѣра
Будетъ вѣрою моей

* * *

Пусть же свѣтъ ея разсѣетъ
Окружающую тьму
Въ день, когда со всею Русью
Я крещеніе приму!“

О. Чюмина (Михайлова).

Послѣ того Владиміръ созвалъ своихъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ и сказалъ имъ:

— «Вотъ ко мнѣ приходили болгаре, убѣждавшіе принять ихъ вѣру; потомъ приходили нѣмцы и хвалили свою вѣру; за ними приходили и евреи. Послѣ всѣхъ приходили греки. Они порицали всѣ религіи, а свою восхваляли, разсказывали много о началѣ міра, объ устройствѣ вселенной. Рѣчи ихъ прекрасны, слушать ихъ пріятно; они говорятъ о существо-

ваніи другого міра, о томъ, что человѣкъ вступившій въ ихъ вѣру, хотя и умретъ, но потомъ воскреснетъ и будетъ жить вѣчно; тотъ же, кто вѣру ихъ отвергнетъ, будетъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть. Какъ думаете, что отвѣтите?»

Отвѣчали бояре и старѣйшины:

— «Ты знаешь, князь, что своего никто не порицаетъ, а восхваляетъ; если хочешь основательно испытать, то снаряди мужей своихъ, чтобы они побывали у каждаго народа, узнали его законъ и его богослуженіе».

Князь и всѣ люди согласились съ этимъ мнѣніемъ. Были выбраны надежные и разумные мужи, числомъ 10, и имъ было сказано:—«Ступайте сначала въ Болгарію и испытайте вѣру ея народа». Мужи пошли, увидѣли въ Болгаріи скверныя дѣла, поклоны въ мечетяхъ, и вернулись обратно.

Владиміръ имъ сказалъ:—«Идите теперь къ нѣмцамъ, присмотритесь тамъ, а оттуда ступайте къ грекамъ». Они пришли къ нѣмцамъ присмотрѣлись къ ихъ богослуженію, затѣмъ отправились въ Царьградъ и явились къ императору. Императоръ спросилъ о причинѣ ихъ прибытія, они ему разсказали, въ чемъ дѣло.

На слѣдующій день императоръ послалъ сказать патріарху слѣдующее:—«Пришли русскіе, чтобы испытать нашу вѣру; устрой церковь и клиросъ, самъ облачись въ святительскія ризы; пусть русскіе увидятъ славу Бога нашего».

Услышавъ это, патріархъ устроилъ торжественное богослуженіе, велѣлъ зажечь паникадила и собрать пѣвчихъ. Когда послы русскіе вошли въ соборъ, ихъ поставили на просторномъ мѣстѣ, откуда видно было великолѣпіе храма, все духовенство въ богатомъ облаченіи и слышно было пѣніе. Приставленный къ нимъ дьяконъ объяснялъ имъ божественную службу. Послы были въ восторгѣ, удивлялись и хвалили богослуженіе.

Когда послы возвратились въ отечество, Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старѣйшинъ и сказалъ:

— «Вотъ пришли посланные мужи наши; послушаемъ, что они видѣли».

Послы разсказывали такъ: «Когда мы были у болгаръ, то видѣли, какъ они кладутъ поклоны въ храмѣ своемъ, т. е. мечети, стоя безъ пояса. Молящійся поклонится, потомъ сядетъ и глядитъ по сторонамъ, словно бѣшеный; нѣтъ у нихъ веселья, но печаль и великій смрадъ; вѣра ихъ не хороша. Были потомъ мы у нѣмцевъ, видѣли въ ихъ храмахъ разныя службы, но красоты не замѣтили никакой. Когда же, послѣ прибытія въ Грецію, насъ повели туда, гдѣ греки служатъ своему Богу, то мы не знали, были ли на небесахъ, или на землѣ, ибо на землѣ не бываетъ ни такого вида, ни такой красоты, которой мы не въ состояніи выразить; лишь то знаемъ, что именно тамъ Богъ пребываетъ съ людьми; греческая служба — лучше, чѣмъ во всѣхъ странахъ. Мы не въ состояніи забыть этой красоты, а какъ всякій человѣкъ, попробовавшій сладкаго, не пожелаетъ потомъ принять горькаго, такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной».

Въ свою очередь бояре сказали: «Когда бы законъ греческій не былъ лучше другихъ, то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не приняла бы его». Тогда великій князь рѣшился принять христіанство.

Но гордость не позволяла Владиміру унизиться передъ греками искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и просить у нихъ крещенія. Онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать у грековъ ихъ вѣру и принять ее рукою побѣдителя. Поэтому, собравъ многочисленное войско, Владиміръ пошелъ войною на греческій городъ Корсунь, или Херсонесъ (на южномъ берегу Крымскаго полуострова, близъ нынѣшняго Севастополя), и осадилъ городъ со всѣхъ сто-

ронъ. Осажденные храбро защищались. Владиміръ послалъ сказать имъ:

— «Если не сдадитесь, буду стоять подъ городомъ три года».

Владиміръ приказалъ у стѣнъ города сдѣлать земляную насыпь: въ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. Но корсунцы прорыли подъ стѣною подземный ходъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго бы Владиміру пришлось простоять подъ городомъ, да нашелся доброхотъ русскимъ въ Корсуни. Одинъ корсунянинъ, по имени Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу: на которой было написано Владиміру:

— «Прегради воду, идущую по трубамъ изъ колодцевъ, которые находятся за тобою, къ востоку».

Владиміръ, услышавъ это и, взглянувъ на небо, сказалъ:

— «Если это сбудется и Корсунь сдастся, то я крещусь».

Онъ велѣлъ немедленно рыть и разрушить трубы, преградилъ доступъ водѣ къ городу, и осажденные, томимые жаждою, сдались.

Войдя въ городъ вмѣстѣ съ дружиною, Владиміръ послалъ къ царямъ Василію и Константину и велѣлъ имъ сказать:

— «Я взялъ вашъ славный городъ; слыхалъ я, что у васъ есть сестра дѣвица; если не отдадите ее за меня, то и съ вашей столицей поступлю такъ же, какъ и съ Корсунемъ».

Услышавъ это, цари опечалились и послали сказать, что нѣтъ обычая у христіанъ выдавать родственницъ своихъ за язычниковъ.

— «Если крестишься»,— прибавили они,— «то и желаніе твое будетъ исполнено, и получишь царствіе небесное, и будешь единовѣрцемъ нашимъ; если же этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать за тебя замужъ сестру нашу».

Услышавъ это, Владиміръ сказалъ посланникамъ царскимъ:

— «Скажите царямъ, что я крещусь, потому что еще раньше ознакомился съ вашей вѣрой; вѣра ваша и богослуженіе ваше понравились мнѣ по разсказамъ мужей, которыхъ я посылалъ».

Цари, услышавъ это, возрадовались, умолили свою сестру Анну согласиться на бракъ и послали Владиміру слѣдующій отвѣтъ:

— «Крестись, и тогда отправимъ къ тебѣ сестру!»

Владиміръ-же сказалъ:

— «Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня».

Цари послушались, послали сестру съ нѣсколькими сановниками и священниками. Анна шла неохотно и говорила:

— «Иду будто въ полонъ, лучше бы мнѣ умереть».

Немалаго труда стоило царямъ уговорить сестру; они такъ убѣждали ее:

— «Вѣдь черезъ тебя Богъ приведетъ Русскую землю къ покаянію, ты избавишь Грецію отъ жестокой войны. Ты знаешь, сколько зла причинила Русь грекамъ; теперь, если откажешься идти, Русь снова вооружится на насъ».

Такимъ образомъ Анну принудили согласиться: она простилась съ родными, сѣла на корабль и съ плачемъ поплыла къ Корсуни. Когда она прибыла, то корсунцы вышли съ поклономъ ей навстрѣчу, привели ее въ городъ и помѣстили во дворцѣ. У Владиміра, по волѣ Божьей, въ то время разболѣлись глаза, такъ что онъ ничего не видѣлъ и былъ очень опечаленъ. Царевна Анна послала сказать ему:

«Если хочешь избавиться отъ этой болѣзни, немедленно крестись; если же этого не сдѣлаешь, то не излѣчишься».

Услышавъ это, Владиміръ сказалъ:

— «Если это сбудется, то по истинѣ великъ христіанскій Богъ!»

И велѣлъ окрестить себя. Епископъ корсунскій вмѣстѣ съ священниками царевны крестилъ Владиміра. Лишь только епископъ возложилъ на Владиміра руку, послѣдній немедленно прозрѣлъ. Увидѣвъ свое чудесное исцѣленіе, Владиміръ сказалъ:

— «Теперь я познал истиннаго Бога!»

Многіе изъ дружины его, видя это, также крестились. Затѣмъ совершено было бракосочетаніе Владиміра съ Анною.

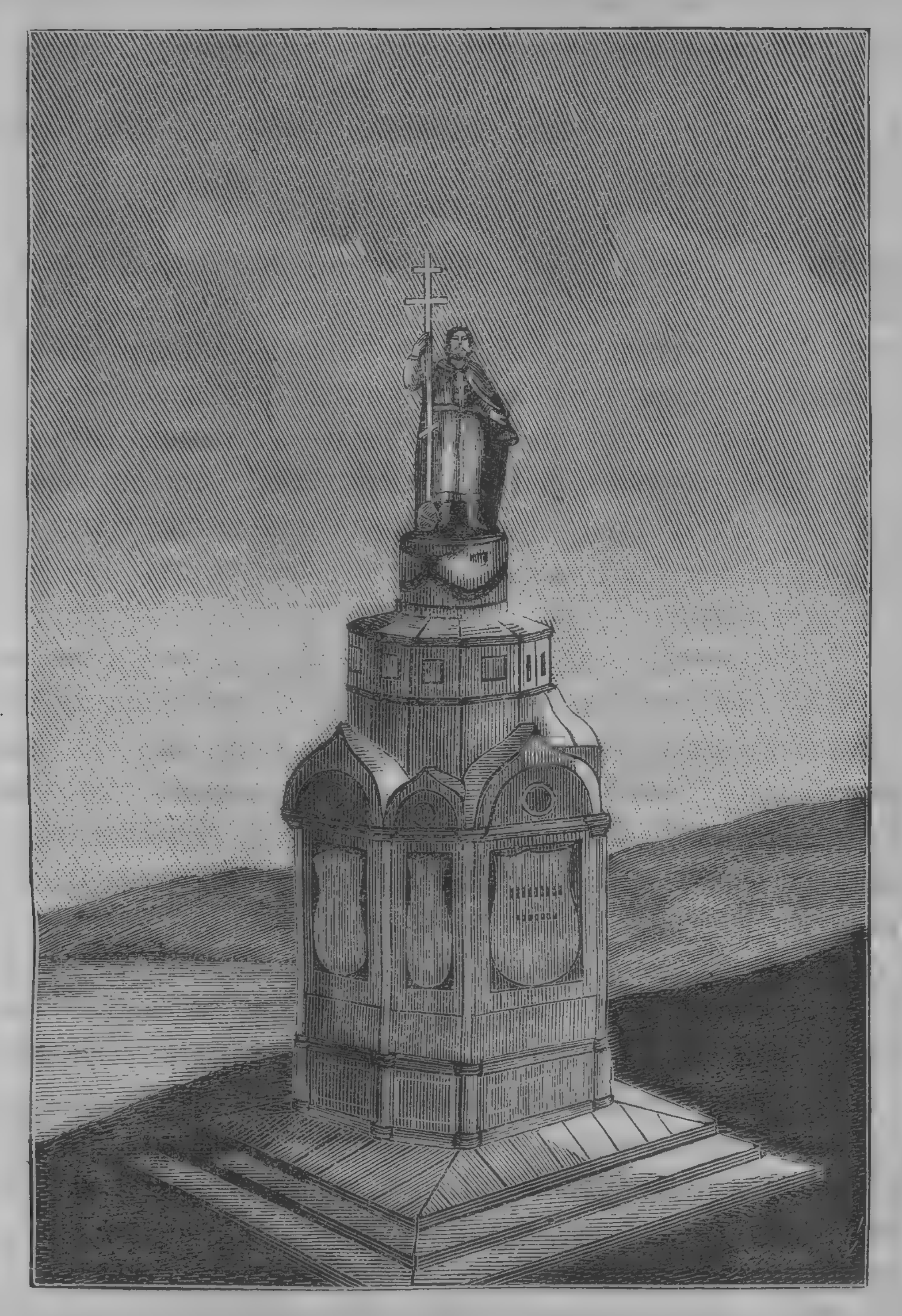
Затѣмъ Владиміръ взялъ изъ Корсуни священниковъ, мощи св. Климента и св. Фива, церковные сосуды и иконы и воротился въ Кіевъ.

Здѣсь прежде всего крестилъ онъ своихъ сыновей и близкихъ людей. Затѣмъ велѣлъ истребить идоловъ, однихъ изрубить, другихъ предать огню; Перуна же онъ приказалъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ рѣку; двѣнадцать человѣкъ били его палками для большаго поруганія язычества. Когда идола влекли къ Днѣпру, многіе язычники плакали; наконецъ, идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ, Владиміръ приставилъ къ нему людей и сказалъ:

— «Если онъ гдѣ-либо пристанетъ къ берегу, отталкивайте его до тѣхъ поръ, пока онъ перейдетъ за пороги, и тогда бросьте».

Приставленные исполнили повелѣніе. Въ то время, какъ идолъ, колыхаясь, плылъ по теченію и, то скрывался подъ водою, то показывался на поверхности, нѣкоторые язычники бѣжали по берегу и кричали: «Выдыбай Перуне» (т. е., выплывай)!

Затѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ слѣдующее:



Памятникъ Владиміру Святому.

— «Каждый, богатый-ли, убогій ли, нищій-ли, рабъ-ли, кто не пойдетъ къ рѣкѣ, будетъ мнѣ противенъ».

На слѣдующій день вышелъ Владиміръ съ епископомъ и священниками на берегъ Днѣпра, гдѣ собралось безчисленное множество народу: одни вошли въ воду по шею, другіе— по грудь, малыя дѣти стояли у берега, взрослые держали на рукахъ младенцевъ. Священники читали молитвы. И была великая радость на небѣ отъ спасенія столькихъ душъ! Владиміръ, въ восторгѣ отъ того, что позналъ истиннаго Бога и просвѣтилъ народъ свой, воззрѣлъ на небо и произнесъ:

— «Боже, создавшій небо и землю! Благослови сихъ новыхъ чадъ твоихъ! Дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую! Будь мнѣ помощью въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!»... (въ 988 году)

Тотчасъ послѣ крещенія, Владиміръ велѣлъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли прежде кумиры; на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, онъ построилъ церковь во имя св. Василія (Владиміръ во св. крещеніи названъ былъ Василіемъ). Онъ велѣлъ строить церкви и по другимъ городамъ, назначалъ туда священниковъ, заставлялъ народъ по городамъ и селамъ принимать христіанство.

Послѣ крещенія, Владиміръ сильно измѣнился: изъ князя жестокосердаго и разгульнаго онъ сталъ кроткимъ, человѣколюбивымъ и умѣреннымъ. Онъ не хотѣлъ даже казнить смертью разбойниковъ. Сами епископы убѣждали его, чтобы онъ построже каралъ преступниковъ. Даже и склонность къ войнѣ у Владиміра ослабѣла: большихъ походовъ на сосѣдей онъ уже не предпринималъ; только съ печенѣгами приходилось вести постоянную борьбу.

За щедрость и доброту народъ въ своихъ былинахъ называетъ Владиміра «ласковымъ княземъ», «краснымъ сол-

нышкомъ». Вотъ одна изъ былинъ, составленная С. Дрожжинымъ:

Былина о крещенiи Руси.

Отчего вокругъ
На святой Руси
Колокольный звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божiи
Собирается?!

* * *

Много съ той поры
Утекло воды,
Много дивныхъ дѣлъ
Совершилося,
Когда колоколъ
Въ первый разъ гудѣлъ,
Когда въ первый разъ
Русь крестилася...

* * *

Гой, широкiй Днѣпръ,
Уноси пѣвца
Въ стольный Кiевъ-градъ
По своимъ волнамъ!
Пойся, пѣснь моя,
Подъ гуслярный ладъ,
Ты греми по всѣмъ
Золотымъ струнамъ!...

* * *

У Владимiра,
Князя въ Кiевѣ,
Былъ великiй пиръ—
Столованiе;
Среди княжескихъ

Царчевыхъ порфиръ,
Люди разнаго
Были званія:

* * *

Тутъ сидѣлъ Илья,
И Микулушка,—
Богатырь—мужикъ
Селяниновичъ,
Хотенъ Блудовичъ,
Михаилъ Потыкъ,
Добрый молодецъ
Ставръ Годиновичъ.

* * *

Всѣ промежъ собой
Разговоръ вели.
Съ медомъ турій рогъ
Обходилъ кругомъ,
Изъ ковшей рѣзныхъ
Пилъ кто, сколько могъ
Пива хмѣльнаго
Съ дорогимъ виномъ.

* * *

Только князь одинъ
Не мочилъ усовъ,
И вокругъ стола
Лишь похаживалъ,
А гусляръ давно
Про его дѣла
По былинному
Гусли слаживалъ,—

* * *

Заигралъ—запѣлъ,
Какъ разсыпался;
Подхватилъ народъ
Пѣсню славную,
И до сей поры
Онъ ее поетъ,

Оглашая Русь
Православную.

* * *

Есть ли гдѣ нибудь
Уголокъ такой,
Гдѣ бы—гдѣ она
Не сказалася,
Изъ какой души
Какъ съ морского дна,
Скатнымъ жемчугомъ
Не поднялася?

* * *

Пѣлъ гуслярь про то,
Какъ во Кіевѣ,
У Днѣпра, Перунъ
На скалѣ стоялъ,—
И самъ мыслію,
Чуть касаясь струнъ,
Краснымъ кречетомъ
Въ облака леталъ.

* * *

Тлѣлся жертвенникъ
Передъ идоломъ,
И шелъ дымъ вокругъ
Отъ кажденія
До тѣхъ поръ, пока
Вслѣдъ за княземъ вдругъ
Не принялъ народъ
Самъ крещенія.

* * *

Вотъ съ чего былъ пиръ
У Владиміра,
А сегодня звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается.

С. Дрожжинъ.

Недавно, въ 1888 году, вся Россія торжественно праздновала девятисотлѣтіе крещенія русскаго народа. Въ Кіевѣ, на высокомъ берегу Днѣпра, поставленъ памятникъ Владиміру, а на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, крестились кіевляне, воздвигнутъ памятникъ крещенія.

Великое дѣло совершилъ Владиміръ, обративъ народъ свой въ христіанство: оно мало-по-малу стало проникать въ нравы народа и смягчать ихъ. Церковь наша признала Владиміра послѣ его смерти Святымъ и Равноапостольнымъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ явилась у насъ и грамотность. Книжное искусство въ древнее время было въ рукахъ духовенства и сосредоточивалось преимущественно въ монастыряхъ.

Монашество впервые явилось на Востокѣ, въ третьемъ вѣкѣ по Р. Хр. Ученіе I. Христа и набожность такъ увлекали нѣкоторыхъ людей, что они отказывались отъ всякихъ мірскихъ утѣхъ и житейскихъ заботъ, уходили въ пустыню и здѣсь проводили одинокую жизнь въ тяжкихъ лишеніяхъ, постѣ и молитвѣ.

Съ востока монашество перешло и въ Грецію. Въ Царьградѣ (Константинополѣ) и въ другихъ большихъ и богатыхъ городахъ Греціи нравственный упадокъ въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ доходилъ до крайней степени. Богачи утопали въ роскоши, въ излишествахъ всякаго рода, въ порокахъ, а чернь отъ нищеты грубѣла, тупѣла и становилась склонна къ звѣрству, къ насилію. Тщеславіе, зависть, жадность, лесть, обманъ, воровство и насиліе встрѣчались на каждомъ шагу. Напрасно лучшіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ громили общество, обличали пороки его, напоминали о христіанскихъ обязанностяхъ. Ничто не помогало! Тяжело, душно было жить всякому истинно-нравственному человѣку въ такомъ обще-

ствѣ. Люди, полные благочестія и христіанскаго чувства, не выносили подобной жизни. Отказывались они отъ семейной жизни, отъ родныхъ и близкихъ людей, отказывались отъ всякихъ благъ земныхъ, раздавали свое имѣніе нищимъ, удалялись въ пустыни и проводили жизнь въ благочестивомъ размышленіи, покаяніи и молитвѣ. Богачи жили въ раззолоченныхъ палатахъ, одѣвались въ златотканныя одежды, украшенныя драгоцѣнными камнями, и питались самою утонченною и дорогою пищей, а отшельники находили себѣ пріютъ въ мрачныхъ пещерахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ, одѣвали грубую, жесткую власяницу, питались сухимъ хлѣбомъ и то не всякій день. Это отшельники или аскеты (подвижники), какъ ихъ называли въ Греціи, даже нарочно старались изнурять свое тѣло голодомъ, жаждою: зимою они подвергали себя холоду, а лѣтомъ жгучему зною. Тѣло, по понятіямъ этихъ подвижниковъ, было только обузою, бременемъ для души, помѣхою для душевнаго спасенія. На земную жизнь смотрѣли эти подвижники, какъ на временное испытаніе для души. Жизнь праведника, по ихъ понятіямъ, должна была состоять въ неустанной борьбѣ съ тѣлесными потребностями, при помощи которыхъ лукавый искушалъ людей и старался ввести въ грѣхъ. Отшельникъ, изможденный голодомъ, жаждою и безсонницей, но сильный духомъ, могущій проводить и дни, и ночи въ непрестанной молитвѣ, покаяніи и слезахъ, сталъ образцомъ истиннаго христіанина, подвижника.

Понятно, что среди изнѣженнаго, малодушнаго и своекорыстнаго люда, такіе могучіе духомъ подвижники возбуждали всеобщее удивленіе и вызывали свѣжихъ людей на покаяніе. По близости нѣкоторыхъ изъ такихъ отшельниковъ селились ихъ подражатели—другіе подвижники. Каждый жилъ особнякомъ. Такимъ образомъ, возникали уединенныя жили-



Памятникъ крещенія.

ща—монастыри. Обитатели этихъ монастырей—монахи (слово «монахъ» значитъ одиноко живущій, инокъ) считались какъ бы братьями, подчинялись старѣйшему (игумену, настоятелю) и чтили его, какъ отца.

Вслѣдъ за крещеніемъ земли Русской, какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Иларіонъ, у насъ «монастыреве на горахъ сташя, черноризцы явишася»; они явились, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ первыми пастырями, пришедшими къ намъ изъ Греціи.

Преданіе говоритъ, что первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кіевскихъ монастырь и церковь во имя архистратига Михаила, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ прежде стоялъ Перунъ.

Иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близъ Вышгорода, на высокой горѣ.

Существуетъ преданіе, будто самъ св. Владиміръ, въ 996 году, создалъ вмѣстѣ съ Десятинной церковью и монастырь при ней во имя Пресвятой Богородицы. Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ «до излиха», монастыри стали еще болѣе умножаться. Онъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ: одинъ мужской, во имя своего ангела—Георгія, другой, женскій, во имя ангела супруги Ирины.

Есть извѣстія, что и въ другихъ областяхъ земли Русской были основаны тогда обители.

Такъ преданіе гласитъ, что вскорѣ послѣ крещенія новгородцевъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ свергнутъ былъ истуканъ Перуна, стоявшій на холмѣ при истокѣ Волхова изъ озера Ильменя, основанъ на этомъ самомъ мѣстѣ мужской монастырь съ храмомъ Рождества Богородицы, прослывшій въ народѣ подъ именемъ Перыня, или Перынскаго; названіе монастыря показываетъ, что онъ получилъ свое начало тогда, когда еще очень свѣжа была память о свергнутомъ Перунѣ.

Второй новгородскій монастырь, находящійся неподалеку отъ Перынскаго, тоже у истоковъ Волхова изъ озера Ильменя, Юрьевскій или Георгіевскій, основанъ во время великаго князя кіевскаго Георгія (т. е., Ярослава) около 1030 г.

На одномъ изъ островов Ладожскаго озера, Валаамѣ, также издревле появилась обитель, основанная преподобными Сергіемъ и Германомъ, жившими, по однимъ преданіямъ, еще во времена св. княгини Ольги, по другимъ—во времена Владиміра святого и даже позже.

Ко времени Ярослава относится еще основаніе Новоторжскаго монастыря. Основателемъ его былъ преподобный Ефремъ, Новоторжскій чудотворецъ. Родомъ онъ былъ изъ Венгріи и вмѣстѣ съ братьями своими, Георгіемъ и Моисеемъ, служилъ при князѣ ростовскомъ Борисѣ, сынѣ Владиміра Святого. Когда этотъ святой князь, по приказанію брата своего, Святополка, былъ умерщвленъ на берегахъ рѣки Альты, то вмѣстѣ съ нимъ погибъ и любимый отрокъ его, братъ Ефрема, Георгій, которому убійцы отрубили голову. Въ неутѣшной скорби, не отыскавъ тѣла своего убитаго брата, взялъ Ефремъ эту братнюю главу, какъ сокровище, съ собою, оставилъ міръ и, принявъ иноческій образъ, удалился въ уединенное мѣсто неподалеку отъ города Торжка. Здѣсь онъ на свои средства построилъ на правомъ берегу рѣки Тверцы каменную церковь во имя святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и при ней монастырь. Подвизаясь день и ночь, особенно съ достойнымъ ученикомъ своимъ Аркадіемъ, преподобный Ефремъ успѣлъ собрать иноковъ, утвердить ихъ въ правилахъ монашескаго житія и скончался въ глубокой старости (въ 1053 году), завѣщавъ положить вмѣстѣ съ собою въ гробъ главу брата своего Георгія. Обитель преподобнаго подвергалась многократнымъ разореніямъ и опустошеніямъ; но созданный имъ храмъ во имя святыхъ мучениковъ

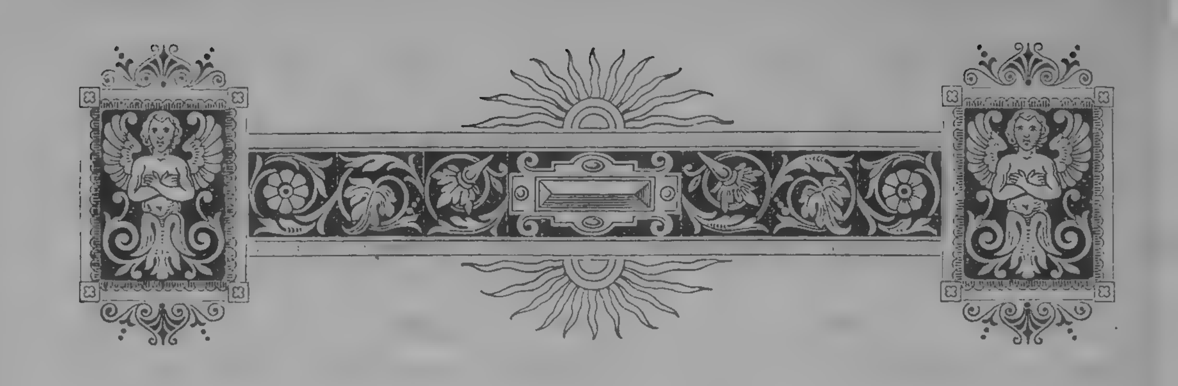
оставался цѣлъ среди всѣхъ бурь и переворотовъ, и, перестроенный въ 1781 году, существуетъ доселѣ. Мощи преподобнаго Ефрема открыты въ 1572 году, января 28, когда основанная имъ обитель считалась уже архимандріею и окружена была поселеніемъ, называвшимся «Новый Торжокъ». А потому основателю этой обители присвоили съ того времени наименованіе архимандрита и Новоторжскаго чудотворца.

Много и другихъ монастырей появилось у насъ вскорѣ послѣ принятія христіанства; но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ Кіево-Печерская лавра *).

Кромѣ нея огромное значеніе какъ въ религіозной, такъ и въ исторической жизни нашего отечества имѣютъ: Троицко-Сергіевская лавра, Соловецкій монастырь, Александро-Невская лавра и Валаамскій монастырь. На нихъ мы пока и остановимся.



*) „Лавра“—есть названіе нѣкоторыхъ первоклассныхъ монастырей; у насъ, въ Россіи, это титулъ, данный четыремъ монастырямъ: Кіево-Печерскому (1688 году), Троицко-Сергіевскому (въ 1744 году), Александро-Невскому (въ 1797 году) и Почаевскому-Успенскому (въ 1833 году). Въ Іерусалимѣ лаврой называется обитель святаго Саввы. Въ Сербіи извѣстна лавра Студеницка, самый обширный и богатый монастырь, основанный въ XII вѣкѣ.



I. Кіево-печерская лавра.

Кіево-Печерская лавра—одинъ изъ старѣйшихъ монастырей въ Россіи. Начало она получила при Ярославѣ Мудромъ, а устроена при сынѣ его Изяславѣ. Основателями этого монастыря были преподобный Антоній и Ѳеодосій.

Антоній, въ мірѣ Антипа, родился въ 983 году, въ мѣстечкѣ Любечѣ, въ 50 верстахъ отъ Чернигова. Здѣсь понынѣ показывается пещера, въ которой юный Антипа испытывалъ силы свои для великихъ подвиговъ иночества. Исполненный страха Божія и по внушенію свыше, онъ рѣшился идти на Аѳонъ, который тогда уже славился на всемъ востокѣ святостью своихъ отшельниковъ и служилъ какъ-бы средоточіемъ и разсадникомъ православнаго монашества. Обходя монастыри св. Горы и видя благочестивый образъ жизни подвижниковъ, Антипа еще болѣе воспламенялся желаніемъ поревновать этому чудному житію и въ одной изъ тамошнихъ обителей молилъ игумена возложить на него иноческій

образъ. Игуменъ согласился, постригъ его, далъ ему имя Антоній и разъяснилъ всѣ монашескія обязанности.

По примѣру большей части тогдашнихъ черноризцевъ аѳонскихъ, Антоній избралъ для себя образъ жизни отшельническій; неподалеку отъ одного монастыря аѳонскаго, Евсигмена, доселѣ показываютъ пещеру, вмѣстѣ съ церковію, гдѣ началъ свои подвиги преподобный Антоній. Его благочестіе и строгая отшельническая жизнь обратила на него общее вниманіе братіи. Тогда игуменъ, постригшій его, сказалъ ему:

— «Антоній! Иди снова въ Русскую землю! Да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы! Отъ тебя произойдутъ многіе черноризцы».

Пришелъ Антоній въ Кіевъ и размышлялъ, гдѣ ему поселиться. Онъ посѣщалъ монастыри, но ни въ одномъ изъ нихъ не захотѣлъ остаться. Тогда онъ началъ ходить по лѣсамъ и горамъ и пришелъ на холмъ, гдѣ существовала уже небольшая, въ двѣ сажени, пещера, возлюбилъ это мѣсто, поселился здѣсь и такъ молился Богу со слезами:

— «Господи! Утверди меня въ мѣстѣ семъ и да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе Святой Горы и игумена, постригшаго меня!»

Пещеру эту выкопалъ Иларіонъ, священникъ изъ села Берестова, сдѣлавшійся потомъ митрополитомъ; Иларіонъ любилъ уединяться для молитвы въ лѣсъ и на случай непогоды ископалъ себѣ въ крутомъ обрывѣ прибрежнаго холма небольшую пещерку.

Поселившись въ ней, Антоній началъ копать пещеру глубже; онъ пребывалъ постоянно въ трудахъ, постѣ бдѣніи и молитвѣ, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Сухой хлѣбъ, и то черезъ день, былъ его пищей; простая вода въ умѣренномъ количествѣ,—единственнымъ напиткомъ. Это было въ 1051 году, въ княженіе Ярослава.

Вскорѣ о подвигахъ Антонія узнали добрые люди и начали приходить къ нему и приносить все необходимое для жизни. Приходящіе просили у него благословенія, а нѣкоторые просились къ нему и въ сожительство. Прежде всѣхъ удостоился этой великой чести преподобный Никонъ. Кто былъ онъ, откуда пришелъ къ Антонію и въ какихъ лѣтахъ, неизвѣстно. Извѣстно только, чтоонъ былъ саномъ іерей и что преподобный Антоній поручалъ ему постригать тѣхъ, которыхъ впослѣдствіи принималъ къ себѣ для пещерныхъ подвиговъ.

Послѣ Никона прибылъ къ Антонію и другой сподвижникъ—Ѳеодосій.

Замѣчательна исторія этого избранника Божія съ самыхъ первыхъ лѣтъ его жизни. Родился Ѳеодосій (около 1009 года) въ городѣ Василевѣ, неподалеку отъ Кіева; но вскорѣ родители его переселились отсюда въ Курскъ. Здѣсь провелъ Ѳеодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ набожность и благочестіе; каждый день ходилъ онъ въ церковь и со всѣмъ вниманіемъ слушалъ чтеніе божественныхъ книгъ; чуждался дѣтскихъ игръ, не любилъ богатыхъ цвѣтныхъ одеждъ, какіе давали ему родители, а облекался въ простыя и убогія. Самъ упросилъ родителей отдать его на ученіе книжное къ одному изъ городскихъ учителей, и вскорѣ такъ успѣлъ въ божественномъ писаніи, что всѣ чудились премудрости и разуму дѣтища; отличался совершенною скромностью и покорностью своему учителю.

Въ тринадцать лѣтъ лишившись отца своего и оставшись подъ надзоромъ матери, - женщины старой и упорной, не сочувствовавшей влеченію сердца его, хотя и пламенно любившей сына, Ѳеодосій еще болѣе началъ подвизаться. Смиреніе его простиралось до того, что онъ съ рабами своими, въ простой одеждѣ, ходилъ на работы, по

прежнему удалялся игръ съ сверстниками и не хотѣлъ облачаться въ свѣтлую одежду, не смотря на увѣщанія матери, ни даже на сильные отъ нея побои. Помышляя только о томъ, какъ-бы спастись, и услышавъ о св. мѣстахъ, гдѣ Господь совершилъ наше спасеніе, Ѳеодосій воспламенился ревностью посѣтить эти мѣста и поклониться имъ.

Вскорѣ случилось, что черезъ Курскъ проходили странники, шедшіе въ Іерусалимъ. Ѳеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою, и тайно отъ матери, ничего не имѣя, кромѣ худой одежды, отправился вслѣдъ за ними. Когда мать его узнала, что сынъ ея ушелъ съ богомольцами, она бросилась въ погоню за нимъ и черезъ три дня догнала его. Гнѣвъ ея не зналъ границъ. Въ ярости схватила она его за волосы, бросила на земь, била его ногами. Связаннаго, словно злодѣя, привела она сына домой. Здѣсь, послѣ новыхъ побоевъ, заключила его въ особую храмину, гдѣ два дня онъ оставался безъ пищи. Потомъ возложила на ноги его оковы и держала его въ такомъ видѣ нѣсколько дней, пока не умилостивилась.

Тогда Ѳеодосій по прежнему сталъ ежедневно ходить въ церковь и, замѣтивъ, что иногда не служатъ литургіи по недостатку просфоръ, самъ рѣшилъ заниматься этимъ дѣломъ: покупалъ пшеницу, мололъ ее своими руками, пекъ просфоры и однѣ изъ нихъ приносилъ въ церковь для Божественной службы, другіе продавалъ и вырученную плату частію употреблялъ для покупки новой пшеницы, частію раздавалъ нищимъ. Всѣ сверстники Ѳеодосія насмѣхались надъ нимъ, укоряли его, ругали его. Но онъ сносилъ молча всѣ поруганія, тайно радуясь въ сердцѣ своемъ. Не вынесло материнское сердце насмѣшекъ надъ сыномъ; стала снова мать умолять сына, съ любовью увѣщевать его:

— «Молю тебя, дитя мое»,— говорила она,— «оставь это



Кіево-Печерская лавра.

дѣло, не позоръ своего рода: нестерпимо для меня слышать отъ всѣхъ укоры тебѣ. Неприлично тебѣ такое дѣло дѣлать!»

— «О мать моя!»—отвѣчалъ Ѳеодосій,—«послушай меня. Господь нашъ Іисусъ Христосъ Самъ подалъ намъ примѣръ смиренія: былъ Онъ и поруганъ, и оплеванъ, и заушаемъ,—все перенесъ Онъ спасенія нашего ради. Намъ же, грѣшнымъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ терпѣть. А что до моего дѣла, то послушай: если Самъ Господь назвалъ хлѣбъ Своею Плотію, то какъ-же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня приготовлять Его Плоть?»

Подивилась мать разуму сына своего и оставила его въ покоѣ,—но не надолго. Черезъ нѣсколько времени, увидѣвъ на немъ обжоги, стала снова его укорять, грозить, умолять, чтобы онъ оставилъ неподходящее его званію дѣло, и, наконецъ, довела сына своего до того, что опять онъ тайно удалился изъ Курска въ близъ—лежащій городъ къ одному священнику и тамъ продолжалъ свое любимое дѣло. Но и здѣсь мать отыскала сына и, строго наказавъ, привела домой и рѣшительно запретила ему печь просфоры.

Ѳеодосій, какъ и прежде, началъ ежедневно ходить въ церковь и своимъ смиреніемъ и покорностью заслужилъ такое благоволеніе начальника города, что онъ взялъ Ѳеодосія къ себѣ въ домъ и дарилъ ему богатыя одежды, но Ѳеодосій всегда отдавалъ ихъ нищимъ, предпочитая одѣваться въ рубища, за что еще больше любилъ его градоначальникъ. Мало того: онъ велѣлъ кузнецу сковать тяжелыя вериги и носилъ ихъ подъ платьемъ. Желѣзо перетирало ему тѣло до крови, но онъ не показывалъ и виду, что ему больно. Случайно мать увидала кровь на одеждѣ его, узнала, что онъ истязуетъ себя, снова пришла въ ярость, сорвала съ него вериги и подвергла его жестокимъ побоямъ.

Но ничто уже не могло удержать юношу отъ его стремленія къ подвижнической жизни. Однажды, при чтеніи св. Евангелія, Θеодосій услышалъ слова Господа: «*Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ*», (Матθ. X, 37) и далѣе: «*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ*» (Матθ. XI, 28, 29). Онъ до того воспламенился Божественною любовью, что каждый день и часъ началъ помышлять только о томъ, какъ бы удалиться изъ дому матери и облечься въ иноческій образъ. Вскорѣ мать его отлучилась изъ дому на нѣсколько дней: Θеодосій воспользовался ея отсутствіемъ и, помолившись Богу, взявъ съ собою только одежду, въ которую былъ облеченъ, и нѣсколько хлѣба, рѣшился идти въ Кіевъ, гдѣ, какъ слышалъ, были уже монастыри. Не зная самъ дороги, онъ, къ счастію, увидѣлъ купеческій обозъ, медленно тянувшійся туда же, издали послѣдовалъ за обозомъ и черезъ три недѣли достигъ желанной цѣли.

Въ Кіевѣ Θеодосій обходилъ всѣ монастыри, просился въ каждомъ, чтобы его приняли въ монахи, но по своей бѣдности и убогимъ одеждамъ не былъ принятъ ни въ одномъ. Тогда, услышавъ о преподобномъ Антоніи, подвизавшемся въ пещерѣ, пламенный юноша устремился къ нему, повергся къ стопамъ отшельника и со слезами умолялъ принять его къ себѣ.

— «Видишь-ли, чадо», - сказалъ ему Антоній, — «пещера моя скорбна и тѣсна? А ты юнъ и, какъ думаю, не въ состояніи выносить скорби на мѣстѣ семъ».

Θеодосій отвѣчалъ:

— «Самъ Христосъ Богъ привелъ меня къ твоей свя-

тынѣ, честный отче, да спасуся тобою, и потому я буду творить все, что ты повелишь».

Антоній благословилъ юношу, принялъ его къ себѣ и повелѣлъ преподобному Никону постричь его и облечь въ иноческую одежду. Новый инокъ предался со всѣмъ жаромъ и ревностью трудамъ подвижничества, такъ что преподобные Антоній и Никонъ дивились его смиренію, послушанію, великому воздержанію, благонравію, крѣпости и бодрости, и прославляли Бога.

Но Ѳеодосію предстояло новое тяжелое испытаніе. Узнавъ о бѣгствѣ сына, мать его была въ отчаяніи. Напрасно она разыскивала Ѳеодосія сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Тщетно искали его всюду посланные ею люди. Щедрую награду обѣщала она тому, кто его приведетъ,—все напрасно. Прошло четыре года. Вдругъ, случайно, отъ путниковъ, пришедшихъ изъ Кіева, она узнаетъ, что Ѳеодосія видѣли тамъ. Немедленно спѣшитъ она въ Кіевъ, обходитъ всѣ монастыри. Наконецъ, ей сказали, что Ѳеодосій въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ къ пустыннику и узнаетъ, что сынъ ея живъ и находится здѣсь. Захотѣла мать повидать своего сына; но Ѳеодосій, отдавшій себя Богу, рѣшается отказать матери въ свиданіи. Никакія моленія не могутъ измѣнить его рѣшенія. Даже увѣщанія самого Антонія не дѣйствуютъ на Ѳеодосія. Тогда его мать отъ мольбы переходитъ къ угрозамъ.

— «Покажи мнѣ моего сына»,—говорила она въ отчаяніи Антонію,—«если ты мнѣ его не покажешь, то я погублю себя у твоей пещеры!»

Антоній, въ тяжелой скорби, входитъ въ пещеру и умоляетъ Ѳеодосія выйти къ матери. Ѳеодосій, наконецъ, повинуется и выходитъ. Увидѣла мать своего сына блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго, бросилась къ нему на шею, горь-

ко рыдала, обливала его своими слезами. Успокоившись немного, стала óна умолять его:

— «Возвратись въ домъ свой, дѣтище мое! Все, что тебѣ надо для спасенія души,—все ты будешь творить по своей волѣ, только не отлучайся отъ меня. Умру я,—погребешь ты меня,—тогда возвращайся въ пещеру эту. Не могу я жить и не видѣть тебя!»

Но напрасны были мольбы матери. Ѳеодосій, вѣрный данному монашескому обѣту, былъ непреклоненъ. Онъ предложилъ матери, если она хочетъ видаться съ нимъ, постричься въ одномъ изъ кіевскихъ ближнихъ женскихъ монастырей. Послѣ долгой борьбы материнское чувство взяло верхъ надъ всѣми мірскими утѣхами; мать Ѳеодосія, не будучи въ силахъ разстаться навсегда съ сыномъ, постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая.

— «И можно было»,—замѣчаетъ вслѣдъ затѣмъ преподобный Несторъ:—«видѣть три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую всякою молитвою и постомъ; разумѣю преподобнаго Антонія, блаженнаго Ѳеодосія и Великаго Никона. Они въ пещерѣ молились Богу, и Богъ былъ съ ними».

Около этого времени къ нимъ присоединился еще одинъ подвижникъ Моисей Угринъ. Онъ былъ родной братъ Георгія и Ефрема (основателя Новоторжскаго монастыря), съ которыми и служилъ вмѣстѣ при князѣ Ростовскомъ Борисѣ Владиміровичѣ. Въ 1015 году, когда св. Борисъ былъ умерщвленъ на рѣкѣ Альтѣ, Моисей одинъ только изъ всей свиты Бориса избѣгъ смерти и укрылся отъ преслѣдованій Святополка. Потомъ онъ долго находился въ плѣну въ Польшѣ. Освободившись изъ плѣна, онъ пришелъ въ пещеру къ преподобному Антонію и здѣсь въ постѣ и молитвахъ, въ бдѣніи и безмолвіи и прочихъ иноческихъ добродѣтеляхъ благоугождая Богу, черезъ десять лѣтъ по прибытіи, преставился.

Съ восшествіемъ на престолъ кіевскаго великаго князя Изяслава Ярославича (въ 1054 году), молва о днѣпровской пещерѣ и трехъ подвижникахъ ея: Антоніи, Никонѣ и Ѳеодосіи далеко разносилась по Русской землѣ. Со всѣхъ концовъ ея стала стекаться братія изъ всѣхъ сословій, прося у Антонія постриженія. Въ числѣ первыхъ прибыли двое вельможъ. Одинъ былъ сынъ перваго боярина Изяслава, по имени Іоанна. Молодой человѣкъ, имѣвшій уже жену, часто приходилъ къ преподобнымъ обитателямъ пещеры, наслаждался ихъ сладкою бесѣдою и почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе поселиться вмѣстѣ съ ними и презрѣть всѣ блага жизни. Однажды онъ открылъ свое желаніе преподобному Антонію, который хотя одобрилъ святость намѣренія, но объяснилъ и трудность подвига и всю опасность отказаться отъ него впослѣдствіи. Юноша еще болѣе воспламенился, такъ что на другой же день, облекшись въ свѣтлую одежду, на богатоубранномъ конѣ, окруженный отроками, прибылъ къ пещерѣ и, когда отцы-пещерники при встрѣчѣ поклонились ему, по обычаю, какъ вельможѣ, онъ самъ поклонился имъ до земли; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее передъ Антоніемъ, поставилъ передъ нимъ своего коня и сказалъ:

— «Твори съ ними, что хочешь; я уже презрѣлъ все мірское, хочу быть инокомъ, жить съ вами въ пещерѣ и никогда не возвращусь въ домъ свой».

Старецъ снова напомнилъ ему о важности монашескихъ обѣтовъ и указалъ на власть отца, который можетъ насильно взять его изъ пещеры. Юноша отвѣчалъ, что онъ готовъ потерпѣть даже мученія, но уже не возвратится въ міръ, и умолялъ скорѣе постричь его. Тогда Никонъ, по повелѣнію Антонія, постригъ его, облекъ въ монашескія одежды и назвалъ Варлаамомъ.

Въ то же время пришелъ къ Антонію и другой придворный великаго князя Изяслава, любимый княземъ и «предержай у него вся». Онъ съ мольбою открылъ старцу свое желаніе быть черноризцемъ; старецъ поучилъ его о спасеніи души и передалъ Никону. Никонъ постригъ его и назвалъ Ефремомъ.

Узнавъ объ этомъ, Изяславъ сильно разгнѣвался и потребовалъ къ себѣ Никона.

— «Ты-ли», —спросилъ его съ гнѣвомъ Изяславъ: — «постригъ боярина моего и слугу въ монахи безъ повелѣнія моего?»

— «Божіею благодатію», —отвѣчалъ Никонъ:—«я постригъ ихъ повелѣніемъ Царя Небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго ихъ на подвигъ».

— «Иди», —сказалъ князь: — «и увѣщай ихъ, чтобы они возвратились къ себѣ домой; иначе я пошлю тебя и всѣхъ живущихъ съ тобою въ заточеніе и пещеру вашу раскопаю»!

— «Владыко! Какъ тебѣ угодно, такъ и твори, а я не могу отнимать воиновъ у Царя Небеснаго» —отвѣчалъ Никонъ.

Но пока Никонъ находился еще у великаго князя, преподобный Антоній и его сожители, взявъ свои одежды, удалились отъ своей пещеры съ намѣреніемъ перейти въ другую область. Изяславъ, устрашившись гнѣва Божія и побуждаемый своею женой, послалъ упрашивать Антонія и его спутниковъ вернуться на прежнее мѣсто; но только послѣ трехдневныхъ увѣщаній согласились они возвратиться въ свою пещеру.

Между тѣмъ отецъ Варлаама, узнавъ, что великій князь простилъ ихъ, отправился къ нимъ самъ, со множествомъ отроковъ, силою взялъ изъ пещеры сына своего, сорвалъ съ него монашескія одежды и насильно увлекъ его до-

мой. Здѣсь сначала посадилъ его съ собою за трапезу; но Варлаамъ ничего не вкушалъ и только смотрѣлъ въ землю; потомъ отпустилъ его въ собственныя хоромы, повелѣвъ женѣ дѣйствовать на него ласками и убѣжденіями, а отрокамъ—прислуживать ему и вмѣстѣ сторожить его. Но Варлаамъ, удалившись въ одну изъ клѣтей, сѣлъ въ углу и, не обращая никакого вниманія на ласки жены, въ продолженіе трехъ дней сидѣлъ молча и неподвижно, не вкушалъ ни пищи, ни питія, а только непрестанно молился въ тайнѣ сердца, чтобы Господь подкрѣпилъ его. Наконецъ, на четвертый день отецъ сжалился надъ сыномъ, опасаясь, чтобы онъ не умеръ голодною смертью, призвалъ его къ себѣ и, съ любовію облобызавъ, отпустилъ,—и Варлаамъ, сопутствуемый общимъ плачемъ отца, матери, жены и слугъ, съ радостью возвратился въ свою пещеру.

Съ этого времени начало еще болѣе стекаться народу за благословеніемъ отшельниковъ; даже самъ великій князь Изяславъ приходилъ къ преподобному Антонію съ дружиною просить его благословенія и молитвъ. Нѣкоторые тутъ же принимали и иночество. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ прежнихъ братій стали оставлять пещеру; такъ, Никонъ удалился на островъ Тмутаракань и основалъ тамъ монастырь съ церковію во имя Пресвятой Богородицы. Пресвитеромъ послѣ Никона былъ сдѣланъ преподобный Ѳеодосій. Число братій въ пещерѣ въ это время простиралось до 12 или даже до 15. Всѣ они жили въ пещерѣ, ископали въ ней себѣ кельи и церковь, въ которой отправляли свое богослуженіе и всѣми ими управлялъ непосредственно великій Антоній. Таково было самое начальное состояніе Кіево-Печерской обители!

Вскорѣ послѣдовали въ ней перемѣны. Любя уединеніе, преподобный Антоній удалился на сосѣдній холмъ, ископалъ здѣсь для себя новую пещеру и поселился въ ней, а

вмѣсто себя поставилъ надъ братіею перваго игумена Варлаама.

Варлаамъ, видя умноженіе числа братій, когда пещерная церковь сдѣлалась для нихъ тѣсною, съ общаго согласія и съ благословенія преподобнаго Антонія, построилъ небольшую открытую церковь надъ пещерою во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, хотя кельи оставались пока въ пещерѣ. Спустя немного, когда число иноковъ еще увеличилось, они вмѣстѣ съ игуменомъ положили совѣтъ построить открыто цѣлый монастырь и обратились за благословеніемъ къ преподобному Антонію. Антоній, преподавъ благословеніе, послалъ сказать великому князю Изяславу:

— «Князь мой! Вотъ Богъ умножаетъ братію, а мѣста у насъ мало. Отдай намъ всю гору, находящуюся надъ пещерою!»

Изяславъ съ радостью на это согласился. И братія съ игуменомъ заложили большую церковь, оградили монастырь тыномъ, поставили много келлій, окончили церковь и украсили ее иконами. Съ того времени начался въ собственномъ смыслѣ монастырь, названный Печерскимъ - отъ пещеръ, въ которыхъ прежде жили его иноки. Переселеніе братіи изъ пещеръ въ этотъ новоустроенный монастырь совершилось около 1062 года, уже въ игуменство Ѳеодосія.

— «Сколько скорби и печали», — пишетъ преподобный Несторъ въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, — «понесли иноки отъ тѣсноты мѣста своего, вѣдаетъ одинъ Богъ, а человѣческими устами исповѣдать невозможно. Пищею для братіи служили только хлѣбъ и вода. Въ субботу и воскресенье вкушали сочиво; но часто и въ эти дни сочива не обрѣталось и они ѣли одно свареное зеліе. Для содержанія себя трудились и работали: плели клобуки изъ волны и занимались другими рукодѣліями; все это относили въ городъ и

продавали; на вырученныя деньги покупали жита, которое и раздѣляли между собою, чтобы каждый во время ночи измололъ свою часть для испеченія хлѣбовъ. Затѣмъ отправляли утреннее богослуженіе. Послѣ утрени одни продолжали свои рукодѣлія, другіе копали гряды въ огородѣ и ходили за овощами, пока не наступалъ часъ божественной литургіи. Тогда собирались всѣ въ церковь, пѣли часы и совершали святую службу. По окончаніи литургіи вкушали мало хлѣба и снова принимались каждый за свое дѣло: и такъ трудились во всѣ дни, пребывая въ любви Божіей. Болѣе всѣхъ отличался смиреннымъ смысломъ, послушаніемъ и трудами преподобный Ѳеодосій, который и тѣломъ былъ благъ и крѣпокъ. Онъ прислуживалъ всѣмъ: носилъ на себѣ воду и дрова изъ лѣсу.

Ночи проводилъ безъ сна въ славословіи Божіемъ, и иногда, когда братія спала, бралъ раздѣленное жито и, измоловъ часть каждаго, поставлялъ на свое мѣсто; въ другое время, когда случалось ночью много оводовъ и комаровъ, выходилъ изъ пещеры, обнажалъ тѣло свое до пояса и отдавалъ себя имъ въ пищу, а самъ, между тѣмъ, сидя неподвижно, пряль волну и пѣлъ псалмы Давидовы. Когда приходило время заутрени, прежде всѣхъ являлся въ церковь, становился неподвижно на свое мѣсто, благоговѣйно совершалъ божественное славословіе и послѣ всѣхъ выходилъ изъ церкви. За то всѣ сильно любили его и дивились его смиренію и послушанію».

Такимъ-то образомъ, Кіево-Печерскій монастырь, по выраженію лѣтописца, пошелъ отъ благословенія святой горы Аѳонской и поставленъ былъ не отъ богатства, а слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ.

Въ 1057 году великій князь Изяславъ построилъ монастырь во имя святого Димитрія и перевелъ туда настоятелемъ игумена печерскаго Варлаама. Тогда братія, по благословенію Антонія, избрала игуменомъ Ѳеодосія. Принявъ ста-

рѣйшинство въ обители, Θеодосій не оставилъ своего прежняго смиренія и правила жизни; напротивъ того,—еще болѣе подвизался онъ въ послушаніи, постничествѣ и другихъ иноческихъ трудахъ, такъ что всѣмъ былъ слугою и для всѣхъ представлялъ образецъ. Первымъ дѣломъ его было окончаніе работъ по устройству монастыря и затѣмъ перемѣщеніе братіи изъ пещеръ въ новоустроенный монастырь, которое и случилось въ 1062 году. Затѣмъ Θеодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря. Уставъ этотъ былъ общежительный; его потомъ приняли отъ Печерскаго монастыря всѣ прочія русскія обители, вслѣдствіе чего преподобный Θеодосій и названъ начальникомъ общаго житія монашескаго въ Россіи, а Печерскій монастырь — старѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей русскихъ.

Въ Печерскомъ монастырѣ, кромѣ игумена, явились и другія, подчиненныя ему, должностныя лица. Такъ, доместикъ, или уставщикъ, распоряжался и управлялъ чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви. Экономъ завѣдывалъ монастырской казной и вообще всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Келарь имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи братскую трапезу, просфорню и всѣ съѣстные припасы. Ключникъ, помощникъ ключаря, хранилъ у себя ключи отъ погребовъ и другихъ мѣстъ, гдѣ содержались запасы. Церковные строители, или пономари, завѣдывали церковнымъ виномъ, масломъ для освѣщенія церкви, церковнымъ звономъ и пр. Были еще: начальникъ хлѣбопековъ, распоряжавшійся въ кухнѣ, и вратарь, постоянно находившійся при вратахъ обители. Доместикомъ при Θеодосіи былъ Стефанъ, сдѣлавшійся потомъ его преемникомъ въ игуменствѣ.

Братія обители раздѣлялась на четыре класса: одни еще не были пострижены и ходили въ мірской одеждѣ; другіе хотя еще не были пострижены, но ходили въ монаше-

ской одеждѣ; третьи были уже пострижены и носили мантію; четвертые были облечены въ великую схиму. Это были какъ бы четыре степени иноческой жизни. Преподобный Ѳеодосій не отвергалъ никого изъ приходящихъ и просившихъ отъ него постриженія, былъ-ли кто богатъ или убогъ; напротивъ, всякаго принималъ съ радостью. Только не вдругъ постригалъ, а приказывалъ вступающему въ обитель сначала ходить въ мірской одеждѣ, пока онъ не привыкалъ ко всему монастырскому строю; потомъ облекалъ его въ монашескую одежду и искушалъ во всѣхъ монастырскихъ службахъ; далѣе—постригалъ и облачалъ въ мантію; это состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока чернецъ не оказывался искуснымъ въ честномъ житіи иноческомъ; наконецъ удостоивалъ такого чернеца принять на себя великій ангельскій образъ.

Все въ обители совершалось не иначе, какъ съ благословенія игумена и освящалось молитвой. Когда наступало время для службъ церковныхъ, одинъ изъ пономарей приходилъ въ келлію преподобнаго Ѳеодосія и испрашивалъ его благословенія созывать братію. Точно также поваръ, намѣреваясь варить пищу или печь хлѣбы, прежде всего бралъ благословеніе у отца игумена, потомъ клалъ три земныхъ поклона передъ алтаремъ, зажигалъ отъ алтаря свѣчу, разводилъ ею огонь и начиналъ свое дѣло. Если же какой братъ совершалъ что-либо безъ благословенія, то подвергался отъ игумена эпитиміи. А пищу, приготовленную безъ благословенія, преподобный Ѳеодосій приказывалъ, обыкновенно, бросать въ огонь или въ рѣку.

Въ церкви, куда собиралась братія ежедневно на всѣ службы, преподобный Ѳеодосій имѣлъ обычай предлагать ей духовныя поученія. А иногда повелѣвалъ читать такія поученія изъ книгъ великому Никону, который возвратился изъ

Тмутаракани въ Печерскую обитель и которому, какъ отцу своему духовному и старѣйшему изъ всѣхъ въ обители, Ѳеодосій поручалъ братію, если самъ куда либо отлучался.

Въ келліяхъ не дозволялось братіи держать ничего своего, ни пищи, ни одежды, сверхъ положенной, ни другого какого либо имущества. И потому, если преподобный Ѳеодосій, обходя келліи, находилъ что либо подобное, то приказывалъ бросать въ огонь, а самъ давалъ провинившемуся брату наставленіе въ нестяжаніи.

Занятія братій въ келліяхъ, состояли въ молитвѣ, чтеніи и пѣніи псалмовъ и рукодѣліяхъ. Послѣ повечерія запрещено было инокамъ ходить другъ къ другу и бесѣдовать вмѣстѣ. Для наблюденія за всѣмъ этимъ преподобный Ѳеодосій имѣлъ обычай каждую ночь обходить всѣ келліи, и если слышалъ въ келліи молитву инока, то благодарилъ Бога, а если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, то ударялъ рукою въ двери келліи и отходилъ; на утро призывалъ виновныхъ и обличалъ; раскаявающихся прощалъ, а на другихъ налагалъ эпитимію.

Такъ какъ большую часть ночи и все утро братія проводила въ молитвахъ и службахъ церковныхъ, то для отдохновенія ея назначалось полуденное время. Потому приказано было вратарю запирать монастырь сряду послѣ обѣда и не впускать въ обитель никого до самой вечерни.

При взаимныхъ отношеніяхъ братіи, преподобный Ѳеодосій всего болѣе заповѣдывалъ смиреніе и покорность. Это смиреніе должно было, между прочимъ, выражаться въ томъ, чтобы иноки при встрѣчѣ кланялись другъ другу, слагая руки на персяхъ.

Преподобный Ѳеодосій слѣдилъ съ чрезвычайною заботливостью и любовью за нравственнымъ состояніемъ своихъ братій, и не упускалъ ни одного случая преподать

каждому приличное наставленіе. Когда онъ поучалъ, то говорилъ тихо, смиренно, съ мольбою; когда обличалъ,—слезы текли изъ глазъ его. Если онъ слышалъ, что какой либо братъ подвергался искушеніямъ отъ бѣсовъ, то призывалъ его, убѣждалъ не ослабѣвать въ борьбѣ, училъ какъ побѣждать діавола, указывалъ на опыты изъ собственной жизни или подкрѣплялъ искушаемаго силою своей молитвы. Если случалось, что какой либо инокъ отходилъ изъ обители, преподобный Ѳеодосій крайне скорбѣлъ о немъ и ежедневно со слезами молился Богу, чтобы Онъ возвратилъ отлучившееся овча къ своему стаду. Когда инокъ дѣйствительно возвращался, преподобный съ радостью принималъ его и поучалъ впредь стоять тверже противъ козней искусителя.

Но не столько правилами устава, какой принялъ преподобный Ѳеодосій для своей обители, не столько устными наставленіями онъ поучалъ и руководилъ свою братію, сколько примѣромъ своей святой, высокой, истинно-подвижнической жизни.

Присутствуя за братскою трапезой, онъ обыкновенно вкушалъ только сухой хлѣбъ и вареное зелье безъ масла, а пилъ одну воду. Одежду носилъ ветхую, худую, имѣя подъ нею на тѣлѣ своемъ острую власяницу. Для сна никогда не ложился, но если иногда послѣ повечерни хотѣлъ отдохнуть, то спалъ сидя. Ночи проводилъ, большею частію, безъ сна въ слезныхъ молитвахъ за себя и за всю братію; много разъ церковные пономари, приходившіе къ нему за благословеніемъ передъ заутренею, заставали его еще на молитвѣ и слышали его стоны и шумъ отъ его земныхъ поклоновъ.

Когда наступалъ великій постъ, Ѳеодосій, простившись съ братіею, ежегодно уединялся въ пещеру, извѣстную донынѣ подъ именемъ Ѳеодосіевой, и тамъ заключался до вербной недѣли; изъ этой пещеры иногда совершенно тайно

переходилъ въ другую, еще болѣе уединенную и тѣсную, находившуюся въ одномъ изъ монастырскихъ селъ; въ пятокъ передъ Лазаревою субботой, во время вечерни, возвращался въ монастырь и, ставъ въ дверяхъ церковныхъ, поучалъ и утѣшалъ братію. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ церковь, прежде всѣхъ являлся на монастырскія работы. Часто входилъ въ хлѣбную и, будучи игуменомъ, самъ раздѣлялъ труды съ хлѣбопеками, мѣсилъ тѣсто, приготовлялъ хлѣбы.

Однажды, передъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, когда келарь донесъ Ѳеодосію, что въ поварни нѣтъ воды и некому носить ее, онъ немедленно всталъ и началъ носить воду изъ колодца; услышавъ объ этомъ, иноки сбѣжались и наносили воды до избытка.

Въ другой разъ, когда не было приготовлено дровъ для кухни и тотъ же келарь просилъ Ѳеодосія, чтобы онъ приказалъ кому либо изъ братій, праздному, нарубить дровъ, преподобный сказалъ: «я празденъ!» — и, повелѣвъ братіи идти за трапезу, — такъ какъ было время обѣда, — самъ взялъ топоръ и пошелъ рубить дрова. По окончаніи трапезы, братія, увидѣвъ своего игумена сѣкущимъ дрова, послѣдовала его примѣру и наготовила дровъ на много дней.

Третій подобный случай. Разъ преподобный Ѳеодосій замедлилъ до вечера у великаго князя Изяслава, находившагося тогда далеко отъ города. Князь приказалъ одному изъ своихъ отроковъ отвезти преподобнаго въ обитель. Слуга, видя инока въ худой одеждѣ и не зная, кто онъ, сказалъ ему во время пути:

— «Ты, чернецъ, всегда празденъ, а я живу въ постоянныхъ трудахъ. Пусти меня отдохнуть въ повозкѣ, а самъ сядь на коня».

Ѳеодосій безпрекословно согласился, и впродолженіи всей

ночи, то ѣхалъ верхомъ на конѣ, то шелъ подлѣ него, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло, бояре, ѣхавшіе къ великому князю, при встрѣчѣ съ Ѳеодосіемъ, сходили съ коней и низко ему кланялись. Слуга, увидѣвъ это, испугался, но преподобный предложилъ только ему пересѣсть на коня. Когда они приблизились къ обители и братія, вышедшая на встрѣчу игумену, поклонилась ему до земли, слуга еще болѣе устрашился, но Ѳеодосій успокоилъ его, велѣлъ накормить и, наградивъ, отпустилъ въ обратный путь.

Многоучительны также были дѣла милосердія Ѳеодосія къ бѣднымъ и несчастнымъ. Онъ не могъ ихъ видѣть безъ соболѣзнованія и слезъ. И потому построилъ близъ монастыря особый дворъ съ церковью во имя первомученика Стефана, принималъ туда для жительства нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ, и для содержанія ихъ удѣлялъ десятую часть отъ всего монастырскаго имѣнія. Кромѣ того, каждую субботу отсылалъ цѣлый возъ хлѣбовъ находившимся въ узахъ и темницахъ. Любовь преподобнаго простиралась даже на людей, замышлявшихъ сдѣлать зло его обители. Разъ привели къ нему воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ. Увидѣвъ ихъ связанныхъ и скорбныхъ, онъ прослезился, велѣлъ развязать ихъ и накормить, преподалъ имъ наставленіе впередъ не творить никому обиды и, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Тронутые этимъ злодѣи дѣйствительно исправились.

Притѣсняемые и гонимые обращались къ Ѳеодосію, какъ къ своему защитнику и ходатаю. Однажды бѣдная вдовица, обиженная неправильнымъ приговоромъ судьи, пришла къ Печерскому монастырю и, встрѣтивъ самого Ѳеодосія, котораго не знала, спросила его объ игуменѣ.

— «Чего ты требуешь отъ него?»—Спросилъ преподобный:—«Онъ человѣкъ грѣшный».

Вдова отвѣчала:

— «Грѣшенъ-ли онъ,—не знаю; но знаю, что онъ многихъ избавляетъ отъ печали и напасти; потому и я пришла къ нему просить заступничества и помощи».

Ѳеодосій разспросилъ ее о дѣлѣ и, обѣщавъ передать объ этомъ игумену, отпустилъ ее домой, а самъ отправился къ судьѣ и своимъ ходатайствомъ сдѣлалъ то, что вдовѣ возвращено было все, несправедливо у нея отнятое.

Подъ руководствомъ такого высокаго наставника въ духовной жизни воспитывались его ученики.

«Такихъ черноризцевъ собралъ Ѳеодосій», — говоритъ преподобный Несторъ,—«которые, какъ звѣзды, сіяютъ въ землѣ русской. Одни изъ нихъ были великіе постники, другіе отличались бдѣніемъ, третьи—колѣнопреклоненіемъ для молитвъ. Одни принимали пищу черезъ день или черезъ два, другіе питались только хлѣбомъ съ водою, иные вкушали вареную зелень, а иные и не вареную. Младшіе покорялись старшимъ и не смѣли говорить передъ ними, а если что нужно было, то говорили съ покорностью и послушаніемъ великимъ. Равно и старшіе имѣли любовь къ младшимъ, наставляли ихъ, какъ возлюбленныхъ чадъ. Если какой братъ впадалъ въ прегрѣшенье, его утѣшали и положенную на него епитимію раздѣляли между собою трое или четверо по великой любви. Такова была любовь въ братіи той, таково воздержаніе! Если иной братъ выходилъ изъ монастыря, всѣ братіи о немъ скорбѣли, посылали къ нему, призывали его снова въ обитель, и когда онъ возвращался, умоляли игумена принять его и принимали съ великою радостью».

Какъ на высшій и многотруднѣйшій родъ подвижничества смотрѣли въ Печерскомъ монастырѣ на затворничество. Образцомъ этого рода жизни служилъ самъ Антоній. Передавъ начальство надъ братіею Варлааму, а потомъ Ѳеодосію,

и затворившись въ своей новой пещерѣ, онъ проводилъ жизнь въ непрерывной борьбѣ съ невидимыми врагами спасенія, пребывая въ постѣ, молитвахъ и богомысліи, и за высокіе подвиги удостоился отъ Бога *дара чудотвореній* и пророчества. Впрочемъ, при всемъ своемъ затворничествѣ, Антоній не чуждался людей. Въ важныхъ случаяхъ приходили къ нему изъ монастыря за совѣтами; по временамъ стекались къ нему и изъ міра, и онъ преподавалъ всѣмъ благословеніе. Случалось, что онъ самъ прислуживалъ больнымъ и давалъ имъ свою постническую пищу вмѣсто лѣкарства, и больные, по молитвѣ святого, выздоравливали.

Тремъ князьямъ-братьямъ: Изяславу, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ, которые, отправляясь въ 1067 году въ походъ противъ половцевъ, приходили къ нему за благословеніемъ и молитвою, старецъ предсказалъ ожидающее ихъ пораженіе, которое дѣйствительно и послѣдовало.

Только однажды великій отшельникъ долженъ былъ разстаться съ своею любимою пещерой на довольно значительное время. Это было въ 1068 году, когда Изяславъ, изгнанный изъ Кіева полоцкимъ княземъ Всеславомъ, снова вступилъ на престолъ кіевскій и началъ гнѣваться на Антонія «за Всеслава». Услышавъ объ этомъ, Святославъ черниговскій прислалъ за Антоніемъ ночью и взялъ его къ себѣ. Въ Черниговѣ пустынникъ избралъ себѣ мѣсто на Болдиныхъ горахъ, ископалъ здѣсь себѣ пещеру и поселился въ ней. Сколько времени онъ подвизался здѣсь,—неизвѣстно: но окончить дни Господь судилъ ему въ пещерѣ кіевской (въ 1073 году).

Изъ другихъ затворниковъ, начавшихъ свои подвиги еще при Антоніи и Ѳеодосіи, извѣстны Исаакій и Агапитъ, которые, впрочемъ не постоянно пребывали въ затворѣ.

Исаакій прежде былъ богатый торопецкій купецъ; по-

томъ, раздавъ все свое имущество на монастыри и нищимъ, пришелъ къ преподобному Антонію, принялъ отъ него постриженіе и затворился въ небольшой пещерѣ, простиравшейся едва на четыре локтя. Семь лѣтъ провелъ онъ въ ней безвыходно, подвизаясь въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ; вкушалъ только просфору, которую черезъ день приносилъ ему великій Антоній и подавалъ сквозь малое окошко. Наконецъ, въ одну ночь Исаакій подвергся страшному искушенію; на утро преподобные Антоній и Ѳеодосій нашли его едва живымъ и совершенно разслабленнымъ и вынесли изъ пещеры. Сначала прислуживалъ больному самъ преподобный Антоній, затѣмъ преподобный Ѳеодосій перенесъ Исаакія въ собственную келлію и ходилъ за нимъ болѣе двухъ лѣтъ. Подъ конецъ жизни онъ снова заключился въ своей пещерѣ, изъ которой только за восемь дней до смерти, совершенно больной, перенесенъ былъ въ монастырь, гдѣ и скончался.

Преподобный Агапитъ былъ родомъ кіевлянинъ, постригся при великомъ Антоніи и подвизался сначала въ пещерѣ, близъ Антонія, а потомъ жилъ въ монастырѣ, посреди братіи.

Здѣсь, когда кто либо заболѣвалъ, Агапитъ оставлялъ свою келлію, шелъ къ больному и прислуживалъ ему. Для уврачеванія больныхъ онъ давалъ имъ вареное быліе, которымъ самъ питался,—и больные, по молитвѣ подвижника, получившаго отъ Бога даръ исцѣленій, получали здравіе. Вѣсть объ Агапитѣ распространилась по всему городу и многіе больные изъ города приходили къ нему и исцѣлялись. Однажды подвергся тяжкой болѣзни Владиміръ Мономахъ, бывшій тогда еще княземъ черниговскимъ, и прислалъ просить къ себѣ Агапита. Агапитъ не согласился выйти изъ монастыря, изъ котораго не выходилъ со дня своего постриженія; но отправилъ къ князю часть вареннаго зелья, которое

давалъ всякому больному, — и князь выздоровѣлъ. Врачуя больныхъ, Агапитъ ни отъ кого ничего не бралъ за труды; не принялъ и присланнаго злата отъ князя Владиміра Мономаха. Поэтому онъ прослылъ врачемъ «безмезднымъ».

Кромѣ этихъ подвижниковъ, много было при Θеодосіи и другихъ, прославившихся высокимъ благочестіемъ. Таковы: Исаія, впослѣдствіи епископъ ростовскій; Стефанъ, впослѣдствіи епископъ владимірскій; старецъ Іеремія, помнившій крещеніе Русской земли и имѣвшій отъ Бога даръ предвидѣть будущее; Матθій—прозорливецъ, удостоившійся разнообразныхъ видѣній; Даміанъ пресвитеръ — великій постникъ, который до самой смерти своей не вкушалъ ничего, кромѣ хлѣба и воды, ночи проводилъ безъ сна въ прилежномъ чтеніи книгъ и молитвѣ, и отличался необыкновенною кротостью.

Высокое благочестіе преподобныхъ Антонія и Θеодосія и прочихъ печерскихъ иноковъ естественно привлекало къ нимъ всеобщее уваженіе. Не только простой народъ, но и многіе вельможи приходили въ Печерскій монастырь, чтобы принять благословеніе подвижниковъ и пользоваться ихъ наставленіями. Многіе изъ знатныхъ избирали себѣ въ духовные отцы преподобнаго Θеодосія и, какъ сами посѣщали его, такъ нерѣдко удостоивались и его посѣщеній. Въ числѣ такихъ лицъ, особенно любимыхъ Θеодосіемъ, находились — Шимонъ Варягъ, принявшій, по убѣжденіямъ его, православіе, и кіевскій воевода Янъ съ супругою своею, Маріею. Сами великіе князья—Изяславъ и Святославъ оказывали Θеодосію высокое уваженіе. Изяславъ часто приходилъ въ обитель, любилъ бесѣдовать съ святымъ подвижникомъ и въ церкви, и въ его келліи, а часто приглашалъ его и къ себѣ.

Кроткій и смиренный Θеодосій былъ въ то же время суровъ, твердъ и непоколебимъ, когда надо было изобличить неправду. Когда Святославъ не по праву завладѣлъ Кіев-

скимъ княженіемъ, изгнавъ изъ Кіева старшаго брата своего Вячеслава, Ѳеодосій строго обличалъ за это Святослава. Когда приходили въ обитель бояре или княжьи люди, Ѳеодосій изобличалъ князя за его несправедливость къ брату и насиліе, и просилъ бояръ передать свои слова князю. Мало того, онъ самъ написалъ князю большое посланіе, гдѣ сравнивалъ поступокъ его съ преступленіемъ Каина.

Князь, прочитавъ посланіе, пришелъ въ ярость. Братія, опасаясь за Ѳеодосія; умоляла его смириться и не раздражать князя. Многіе бояре, приходившіе въ обитель, упрашивали игумена не гнѣвить князя и говорили Ѳеодосію, что князь грозитъ послать его въ заточеніе.

— «Радуюсь я этому»,—сказалъ Ѳеодосій:—«для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ бояться? Потери-ли имущества и богатства? Лишусь-ли дѣтей или селъ? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими же подобаетъ намъ и уйти изъ него».

Ѳеодосій продолжалъ свои обличенія. И пришлось великому князю смириться передъ инокомъ, сіявшимъ своимъ благочестіемъ. Сила смирилась передъ правдою. Князь старался даже сблизиться съ Ѳеодосіемъ: часто пріѣзжалъ въ обитель къ нему, искалъ его бесѣды, кротко выслушивалъ укоры его, съ радостью принималъ наставленія. Къ Ѳеодосію часто обращались міряне съ просьбою, чтобы онъ заступился за нихъ, попросилъ бы за нихъ у князей и бояръ; Ѳеодосій помогалъ имъ. Князья и бояре чтили Ѳеодосія, какъ праведника, и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами къ Ѳеодосію, но нерѣдко приглашали его къ себѣ. Разъ пришелъ Ѳеодосій къ Святославу во время пира; гремѣла музыка, раздавались пѣсни, скоморохи плясали. Ѳеодосій сѣлъ поодаль грустно опустилъ голову и, наконецъ, обратившись къ князю проговорилъ:

— «Будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ?!»

Князь понялъ, какъ оскорбляетъ мірское веселіе смиреннаго инока, проводящаго все время свое въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ, и велѣлъ тотчасъ же прекратить веселіе. Съ тѣхъ поръ, какъ только докладывали князю о приходѣ игумена, музыка и веселіе прекращались. Князь такъ уважалъ Ѳеодосія, что говорилъ ему:

— «Если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не былъ бы обрадованъ этимъ, какъ твоимъ приходомъ!»

Ѳеодосій, не смотря на то, что Святославъ благоговѣлъ передъ нимъ и много добра сдѣлалъ братіи, всетаки не простилъ князю его проступка. На эктеніяхъ, во время богослуженія въ монастырѣ, всегда молились сначала за Изяслава, какъ законнаго великаго князя, а за нимъ уже поминали Святослава.

По мѣрѣ того, какъ возрастала слава Кіево-Печерской обители и увеличивалось число посѣтителей ея, умножались средства къ ея содержанію. Многіе князья и бояре, особенно духовныя дѣти Ѳеодосія приносили къ нему часть отъ имѣній своихъ на устроеніе монастыря и церкви, а нѣкоторые жертвовали и села. Въ этихъ селахъ, подъ надзоромъ иноковъ, жили приставники и слуги, содержался монастырскій скотъ и заготовлялись разные житейскіе припасы.

Впрочемъ, не смотря на улучшеніе средствъ къ содержанію обители, они не всегда оказывались достаточными. Однажды экономъ сказалъ Ѳеодосію, что не на что купить пищи для братіи; въ другой разъ келарь доложилъ, что нечего братіи подать за трапезой; въ третій разъ начальникъ хлѣбопековъ донесъ, что вовсе нѣтъ муки для хлѣбовъ; иногда не доставало деревяннаго масла для лампадъ, иногда—церковнаго вина. И только внезапная помощь благотворителей и чудодѣйственная вѣра Ѳеодосія спасали обитель отъ голода и недостатка.

Заботясь преимущественно о внутреннемъ благоустройствѣ и процвѣтаніи своей обители, преподобный Өеодосій не оставлялъ безъ вниманія и внѣшняго ея состоянія. Съ умноженіемъ числа иноковъ, онъ распространилъ монастырь, поставилъ въ немъ новыя кельи, обнесъ монастырскій дворъ оградой, работая самъ съ братіей. Подъ конецъ своей жизни, когда прежняя деревянная церковь оказалась тѣсною, онъ рѣшился съ согласія преподобнаго Антонія, построить каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Мѣсто для новой церкви подарилъ великій князь Святославъ, неподалеку отъ монастыря, на Берестовомъ полѣ, самъ первый началъ копать ровъ для основанія ея и первый пожертвовалъ Өеодосію на сооруженіе ея сто гривенъ золота. Церковь, при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, заложена была въ 1073 году юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ. Өеодосій съ братіей ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ея: онъ сильно занемогъ и скоро почувствовалъ приближеніе кончины. Созвалъ онъ всю братію; всѣ плакали.

— «Чада мои, любимая братія!»—говорилъ онъ:—«отхожу я уже къ Владыкѣ нашему Господу Іисусу Христу. Изберите себѣ сами игумена и повинуйтесь ему, какъ духовному отцу, бойтесь его».

Затѣмъ умирающій заповѣдалъ, чтобы погребли его въ той пещерѣ, куда онъ обыкновенно удалялся во время великаго поста. Горько плакали всѣ иноки. Өеодосій утѣшалъ ихъ:

— «Обѣщаюсь вамъ, что я только тѣломъ отхожу отъ васъ, а духомъ вѣчно пребуду съ вами».

Онъ скончался 3 мая 1074 года, на 65 году отъ роду. За годъ передъ тѣмъ скончался Антоній, 90 лѣтъ.

Долго строилась Успенская церковь; окончена построй-

ка была черезъ 16 лѣтъ послѣ закладки. Освященіе церкви торжественно совершено при игуменѣ Іоаннѣ, въ 1089 году, митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ. Церковь эта отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ и красотою. Ея стѣны и иконостасъ блисталъ золотомъ, разноцвѣтной мозаикой и прекрасною иконною живописью. Полъ состоялъ изъ разноцвѣтныхъ камней, расположенныхъ узорами. Верхи были позолочены, а большой крестъ на главномъ куполѣ былъ сдѣланъ изъ чистаго золота.

Въ 1096 году дикіе половцы подъ предводительствомъ Боняка, сдѣлавъ внезапное нападеніе на Кіевъ (іюля 20), опустошили его окрестности, выжгли нѣкоторые монастыри и приблизились къ Печерскому. Время было послѣ заутрени, когда иноки отдыхали. Враги, поднявъ страшный крикъ, ворвались въ монастырь, ограбили келліи и церковь, и подожгли монастырь. Многіе иноки и слуги монастырскіе были убиты, другіе отведены въ плѣнъ. Но вскорѣ обитель, благодаря своимъ средствамъ, обстроилась лучше прежняго.

И послѣ преподобнаго Ѳеодосія Печерская обитель не переставала отличаться внутреннимъ благоустройствомъ и святостью своихъ иноковъ. Изъ нихъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка наиболѣе извѣстны слѣдующіе:

Преподобный Никита затворникъ. Онъ былъ родомъ кіевлянинъ и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ Печерскую обитель. Стремясь къ высшимъ подвигамъ, онъ вскорѣ рѣшился сдѣлаться затворникомъ, но подвергся искушеніямъ и возвратился въ обитель, гдѣ пошелъ путемъ истиннаго смиренія, воздержанія и послушанія и мало-по-малу достигъ того, что превзошелъ всѣхъ своею добродѣтелью. За высокую добродѣтель подвижникъ возведенъ былъ въ санъ епископа новгородскаго (въ 1096 году) и въ теченіе 11 лѣтъ не переставалъ служить образцомъ благочестія для своей паствы.

Господь удостоилъ своего угодника еще при жизни дара чудотвореній; двукратно онъ спасалъ Новгородъ отъ бѣдствій: однажды своею молитвою свелъ дождь съ неба во время продолжительной засухи, въ другой разъ молитвою же остановилъ страшный пожаръ, истреблявшій городъ.

Преподобный Евстратій постникъ. Когда въ 1096 году половцы сдѣлали нападеніе на Кіево-Печерскій монастырь и его окрестности, то увели съ собою множество плѣнныхъ и въ числѣ ихъ преподобнаго Евстратія, котораго и продали, вмѣстѣ съ 50 другими плѣнными, одному еврею въ Корсунь. Еврей сталъ принуждать ихъ къ отреченію отъ Христа голодомъ. Плѣнники, подкрѣпляемые наставленіями преподобнаго Евстратія, рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ, и, дѣйствительно, скончались всѣ голодною смертью.

Тогда озлобленный жидовинъ въ самый день христіанской Пасхи распялъ Евстратія на крестѣ и издѣвался надъ нимъ съ друзьями своими. Страдалецъ благодарилъ Господа Іисуса Христа, за то, что Онъ удостоилъ его страдать такъ, какъ нѣкогда пострадалъ Самъ.

— «Я вѣрую», — говорилъ мученикъ своимъ мучителямъ: — «наступитъ день и мнѣ Господь скажетъ, какъ сказалъ разбойнику: днесь со Мною будеши въ раю!»

При этомъ преподобный предсказалъ мучителямъ своимъ о казни, которая скоро должна постигнуть ихъ самихъ. Раздраженный еврей пронзилъ страдальца копьемъ и бросилъ тѣло его въ море. Предсказаніе Евстратія исполнилось немедленно: въ тотъ же день получено было повелѣніе отъ греческаго императора, чтобы всѣхъ евреевъ, за ихъ притѣсненія христіанамъ, изгнать изъ Корсуни, имѣнія ихъ отнять, а старѣйшинъ предать смерти; при этомъ, между другими, погибъ и мучитель преподобнаго Евстратія. Прочіе евреи, бывшіе свидѣтелями этихъ событій и пораженные чу-

десами отъ мощей преподобнаго Евстратія, приняли святое крещеніе.

Преподобный Никонъ Сухой. Онъ также попался въ плѣнъ къ половцамъ и достался въ рабы одному половчанину. Богатые родственники хотѣли выкупить его изъ плѣна, но онъ не согласился на это.

— «Если бы Господу было угодно», — сказалъ Никонъ: — «чтобы я былъ свободенъ, Онъ не отдалъ меня въ руки беззаконниковъ. Охотно перенесу все, что случится со мною по волѣ Его».

Не получивъ выкупа, половцы озлобились, начали мучить плѣнника разными муками: морили голодомъ, били, жгли на огнѣ, рѣзали ножами, лѣтомъ сажали на солнце, зимой держали на морозѣ. Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ. Такъ прошло три года. Страдалецъ только молился Богу и, наконецъ, удостоившись откровенія, предсказалъ, что черезъ три дня онъ будетъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Половчанинъ, полагая, что его плѣнникъ хочетъ бѣжать, подрѣзалъ у ногъ его жилы и сталъ стеречь его со всею бдительностью. Но на третій день въ шестомъ часу Никонъ, дѣйствительно, исчезъ и внезапно явился, окованный цѣпями и съ подрѣзанными жилами, въ церкви Кіево-Печерскаго монастыря, къ общему изумленію братіи. По заключеніи мира съ половцами, бывшій господинъ преподобнаго Никона случайно пришелъ въ Печерскій монастырь и увидѣлъ здѣсь своего узника; это до того поразило язычника, что онъ тутъ же принялъ крещеніе со всѣмъ родомъ своимъ и даже поступилъ въ число братіи Кіево-Печерскаго монастыря, гдѣ и скончался.

Преподобный Григорій чудотворецъ. Онъ постригся еще при Θеодосіи, но жилъ долго и по смерти его. Отличался нестяжательностью, смиреніемъ, послушаніемъ, непрестанною молитвою и даромъ чудотвореній. Изгонялъ бѣсовъ изъ лю-

дей однимъ приближеніемъ своимъ; троекратно своими чудесами обратилъ къ покаянію воровъ, покушавшихся обокрасть его. Предсказалъ князю Ростиславу Всеволодовичу, что онъ утонетъ въ рѣкѣ, и за это предсказаніе, которое, дѣйствительно, потомъ исполнилось въ 1093 году, утопленъ былъ самъ въ Днѣпрѣ отроками князя, но черезъ три дня найденъ мертвымъ въ своей келліи.

Преподобный Алимпій иконописецъ. Научившись иконному искусству у греческихъ мастеровъ, расписывавшихъ великую печерскую церковь, онъ принялъ постриженіе при Игуменѣ Никонѣ и безплатно писалъ иконы для игумена, братіи и для кіевскихъ церквей. Если же случалось, что получалъ плату за свой трудъ, то часть полученнаго отдавалъ нищимъ, другую употреблялъ на матеріалы для иконнаго писанія. Ночи проводилъ большею частію въ бдѣніи и молитвѣ; днемъ постоянно занимался рукодѣліемъ. За свои добродѣтели возведенъ былъ въ санъ пресвитера и прославленъ отъ Бога даромъ врачеваній, который и употреблялъ на пользу ближнихъ.

Преподобный Іоаннъ Многострадальный. Онъ представляетъ собою образецъ самой усиленной борьбы съ похотію плоти. Томимый этою плотію, онъ сначала, по вступленіи своемъ въ монастырь, оставался по два и по три дня безъ пищи, а иногда и цѣлую недѣлю ничего не вкушалъ, изнурялъ себя жаждою, лишалъ себя сна ночью и въ такихъ страданіяхъ провелъ три года. Но, не находя себѣ покоя, онъ удалился въ Антоніеву пещеру и еще 30 лѣтъ боролся съ плотію, усугубилъ свое бдѣніе и постъ, надѣлъ на себя тяжелыя желѣзныя вериги, измождалъ себя стужею и голодомъ. Когда и это оказалось недостаточнымъ,—выкопалъ глубокую яму, влѣзъ въ нее, засыпалъ себя землей по плечи, такъ что только голова и руки оставались свободными, и въ

этомъ состояніи провелъ цѣлый великій постъ. Наконецъ, Господь услышалъ многострадальнаго и, по молитвамъ другого великаго подвижника, Моисея Угрина, котораго мощи покоились въ той-же пещерѣ, даровалъ Іоанну побѣду надъ страшнымъ врагомъ и душевный покой.

Преподобный Николай Святоша. Онъ былъ сынъ Черниговскаго князя Давида Святославича и въ мірѣ назывался Святославъ-Панкратій; это былъ первый изъ русскихъ князей, добровольно принявшій въ 1106 году иночество въ Печерской обители. Сначала онъ проходилъ здѣсь разныя послушанія: три года работалъ на братію въ поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ съ рѣки воду на плечахъ своихъ и приготовлялъ пищу; еще три года стоялъ у воротъ монастырскихъ, какъ стражъ, не отходя никуда, кромѣ церкви; отсюда взятъ былъ служить при трапезѣ и своимъ усердіемъ пріобрѣлъ общее благоволеніе.

Послѣ такихъ подвиговъ послушанія, преподобный долженъ былъ, по совѣту игумена и всей братіи, поселиться въ келліи и заботиться только о собственномъ спасеніи. Онъ повиновался и никто не видѣлъ его никогда празднымъ; своими руками онъ посадилъ передъ своею кельею небольшой садъ, и постоянно занимался какимъ-либо рукодѣльемъ, имѣя на устахъ молитву Іисусову. Не вкушалъ ничего, кромѣ общей монастырской пищи на трапезѣ и не имѣлъ у себя никакой собственности. Если же иногда получалъ что отъ своихъ сродниковъ, немедленно раздавалъ все нищимъ и на устроеніе церкви, въ которую пожертвовалъ и многія свои книги. Блаженная кончина князя-инока послѣдовала въ 1142 году, октября 14, и на погребеніе его собрался почти весь Кіевъ.

Кіево-Печерскій монастырь много помогалъ дѣлу просвѣщенія Русской земли христіанствомъ.

Одинъ изъ бывшихъ иноковъ монастыря, святой Ле-

онтій, сдѣлался епископомъ въ Ростовѣ. Первые два епископа ростовскіе, Ѳеодоръ и Иларіонъ, греки по происхожденію, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ. Святой Леонтій не бѣжалъ, хотя язычники бранили его, били, выгнали изъ города и грозили убить его. Онъ поселился за городомъ, привлекалъ къ себѣ ласками дѣтей и училъ ихъ. Онъ видѣлъ какъ трудно обратить въ христіанство людей взрослыхъ, закоренѣвшихъ въ язычествѣ, и думалъ дѣйствовать на молодое поколѣніе; онъ собиралъ дѣтей въ церковь, наставлялъ ихъ въ истинахъ спасительной вѣры и крестилъ.

Язычники поднялись противъ него за то, что онъ отвращаетъ ихъ дѣтей отъ старой вѣры; съ оружіемъ и дубинами бросились они къ церкви.

Всѣ, окружавшіе епископа, трепетали отъ ужаса, но Леонтій облачился въ святительскія ризы и съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ дикой толпѣ. Спокойная твердость его поразила язычниковъ.

Сильное наставленіе святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Подвиги святого Леонтія кончились, однако, мученическою смертью его (около 1077 года). Нетлѣнныя мощи святого обрѣтены въ 1164 году и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Святой Исаія, епископъ ростовскій; былъ преемникомъ святого Леонтія. Онъ принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ во дни преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія; за высокіе подвиги благочестія онъ былъ возведенъ на каѳедру ростовской епархіи (1077 году). Святой Исаія усердно продолжалъ дѣло святого Леонтія: онъ ходилъ по всей Ростовской и Суздальской землѣ, всюду проповѣдывалъ, крестилъ народъ, уничтожалъ идоловъ и строилъ церкви. Онъ окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и

умеръ въ 1090 году. Мощи святителя обрѣтены нетлѣнными въ 1164 году и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Изъ Кіево-Печерской обители вышелъ также просвѣтитель Вятичей, преподобный Кукша. Въ его житіи говорится, что онъ «бѣсовъ прогналъ, Вятичей крестилъ, дождъ съ неба свелъ, озеро изсушилъ и многія чудеса творилъ и, послѣ многихъ мукъ, усѣченъ былъ съ ученикомъ своимъ Никономъ». Это было въ началѣ XII вѣка.

Кромѣ этихъ подвижниковъ достопамятные печерскіе преподобные того времени:

Прохоръ чудотворецъ, прозванный Лебедникомъ, потому-что питался только хлѣбомъ изъ лебеды (умеръ въ 1103 году).

Несторъ лѣтописецъ (1056—1113), положившій начало нашимъ лѣтописямъ, отецъ русской исторіи. Образцомъ для него послужили византійскія лѣтописи, такъ называемые хронографы. Извѣстія о древнѣйшихъ событіяхъ онъ могъ записать по преданіямъ.

Старцы-иноки могли сообщить ему свѣдѣнія о минувшихъ событіяхъ, которыя совершились на ихъ памяти. Кромѣ того, въ монастырь сходились богомольцы съ разныхъ концовъ земли Русской; они могли разсказать многое. Въ монастырь пріѣзжали часто князья, бояре, дружинники: отъ нихъ можно было узнать подробности разныхъ походовъ, битвъ. Кромѣ того, Несторъ могъ пользоваться разными монастырскими и церковными записями, сдѣланными задолго до него. Начальная лѣтопись («Повѣсть временныхъ лѣтъ»), доходящая до 1110 года, послужила образцомъ для всѣхъ русскихъ лѣтописцевъ. Они обыкновенно въ началѣ списывали «Повѣсть временныхъ лѣтъ», а затѣмъ уже продолжали лѣтопись, дѣлали замѣтки, преимущественно о мѣстныхъ событіяхъ тѣхъ областей и городовъ, гдѣ жили они сами.

Маркъ гробокопатель, занимавшійся постоянно копаніемъ могилъ въ пещерахъ для усопшей братіи (умеръ около 1090 года).

Θеодоръ и Василій, подвизавшіеся попеременно то въ пещерѣ, то въ обители и вкусившіе смерть отъ князя Мстислава (въ 1093 году).

Пименъ многоболѣзненный, двадцать лѣтъ страдавшій отъ болѣзни и только передъ смертью получившій исцѣленіе (умеръ въ 1139 году).

Спиридонъ и Никодимъ просфорники, тридцать лѣтъ трудившіеся въ печеніи просфоръ.

Пименъ постникъ, имѣвшій даръ прозорливости, Григорій—творецъ канонoвъ, Онисифоръ прозорливецъ и многіе другіе.

Болѣе пятидесяти человѣкъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ были епископами. Нѣкоторые иноки становились игуменами другихъ монастырей; всюду они старались водворить порядки, уставъ и духъ Кіево-Печерской обители.

Кіево-Печерская обитель, а затѣмъ и другіе монастыри помогли не только распространенію христіанства и утвержденію его, но и распространенію книжнаго искусства и просвѣщенія на руси: монахи, знавшіе книжное искусство, усердно трудились по монастырямъ надъ перепиской книгъ; дѣло это было и богоугодное и выгодное для монастыря, такъ какъ плата за книгу шла въ пользу монастыря; многіе монастыри содержали на свой счетъ школы для народа.

Много невзгодъ перенесъ Кіево - Печерскій монастырь: то жгли и разоряли его половцы, то грабили татары, то притѣсняли поляки.

При нашествіи Батыя, въ 1240 году, монастырь былъ совершенно разграбленъ и разоренъ, и оставался въ запустѣніи болѣе двухъ вѣковъ, хотя въ пещерахъ и не переста-

вали подвизаться отшельники. «Нечестивіи варвары овнами или таранами, стѣны каменныя монастырскія столкши и до основанія сокрушивши, въ святую обитель войдоша, людей всякаго чина посѣкоша, иныхъ плѣниша и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша, отъ всего украшенія обнажиша и крестъ со главы церковныя златокованный сняша, а верхъ до полуцеркви, по окна, повелѣніемъ проклятаго Батыя испровергоша; такожде и верхъ алтаря великаго по перси иконы Пресвятыя Богородицы избиша и весь монастырь, со всѣми украшеніями и каменными стѣнами, до основанія искорениша и разметаша». Послѣ этого монахи лѣтъ тридцать скрывались въ окрестныхъ лѣсахъ, тайкомъ сходясь на богослуженіе въ уцѣлѣвшій придѣлъ.

Съ поступленіемъ Кіева подъ власть Литвы и Польши положеніе монастыря стало понемногу улучшаться. Первымъ возобновителемъ его былъ князь Симеонъ Оленьковичъ, изъ рода Ольшанскихъ, который возстановилъ церковь Успенія, освященную въ 1470 году; однакоже, въ 1482 году, Менгли Гирей, ханъ Крымскій, опять выжегъ монастырь, но церковь была пощажена. Въ XVI вѣкѣ польскій король Сигизмундъ призналъ древнія права Кіево-Печерскаго монастыря. Но только послѣ присоединенія Кіева къ Россіи Лавра начала опять цвѣсти внѣшнимъ благолѣпіемъ. Въ 1716 году Лавра была истреблена страшнымъ пожаромъ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ возобновлена императоромъ Петромъ I.

Въ настоящее время Кіево-Печерская лавра состоитъ изъ трехъ частей: въ первой, возвышенной и ближайшей къ городу, находится собственно Лавра, съ особымъ больничнымъ монастыремъ внутри ограды, у святыхъ воротъ; во второй, къ востоку отъ первой, расположенъ на долу монастырь Ближнихъ, или Антоніевыхъ Пещеръ; къ юго-востоку высится на холмѣ

монастырь Дальнихъ, или Ѳеодосіевыхъ пещеръ, отдѣляемый отъ предыдущихъ глубокимъ оврагомъ.

Всѣхъ церквей въ Лаврѣ 16, изъ нихъ 6 подземныхъ: 3 въ Дальнихъ и 3 въ Ближнихъ пещерахъ. Изъ этихъ 16 церквей самая замѣчательная соборный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, о семи куполахъ, съ золочеными главами, и девяти придѣлахъ. Въ этой церкви находятся богатѣйшія ризницы, богатѣйшіе образа, сосуды и облаченія, усыпанныя драгоцѣнными камнями, принесенными въ даръ нашими государями и вельможами. Престолъ и жертвенникъ главнаго алтаря обложены серебряными вызолоченными досками. Надъ царскими вратами находится украшенная богатѣйшимъ окладомъ храмовая икона Успенія Пресвятыя Богородицы—первая въ Россіи по древности и, какъ думаютъ, перенесенная изъ Греціи въ 1073 году. Въ этой церкви покоятся мощи преподобнаго Ѳеодосія, въ серебропозлащенной ракѣ, святая глава Равноапостольнаго князя Владиміра, которая хранится въ ковчегѣ, по правой сторонѣ алтаря, мощи перваго кіевскаго митрополита Михаила, крестившаго русскій народъ.

Всѣхъ мощей въ обѣихъ кіевскихъ пещерахъ находится 126. Между ними мы укажемъ на мощи преподобнаго Антонія—первоначальника Лавры; Нестора—перваго русскаго лѣтописца; Ильи Муромца—знаменитаго богатыря временъ Владиміра Святого; одиннадцать грековъ – зодчихъ, строившихъ лаврскую Успенскую церковь, и многихъ другихъ.

Ближнія Пещеры (Антоніевы), съ наружною церковью Воздвиженія Креста Господня, сохраняютъ въ себѣ мощи 73 святыхъ угодниковъ, изъ коихъ 12 почиваютъ въ затворѣ; изъ нихъ особенно извѣстны: преподобный Антоній и преподобный Варлаамъ, игуменъ печерскій; въ церкви во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы; за алтаремъ, сохраняются 30 главъ неизвѣстныхъ преподобныхъ.

Въ Дальнихъ Пещерахъ (Ѳеодосіевыхъ) стоитъ церковь во имя Зачатія святой Анны; внутри пещеръ почиваютъ открыто мощи 30 угодниковъ Божіихъ, въ затворахъ 15 и сохраняются 31 глава мироточивыхъ преподобныхъ.

При Лаврѣ обширная гостинница съ флигелями, сараями, навѣсами и страннопріимною трапезною, постоянно наполненной богомольцами. Бѣдныхъ странниковъ не только принимаютъ безплатно въ гостинницу, но еще и кормятъ ихъ; для остановившихся въ номерахъ также не положено никакой таксы въ сутки; каждый пріѣзжающій живетъ, сколько хочетъ, требуетъ, что хочетъ и, при выѣздѣ изъ гостинницы жертвуетъ, сколько хочетъ, по своему собственному усмотрѣнію. Въ два часа ночи начинаютъ на лаврской колокольнѣ звонить къ заутренѣ. Вслѣдъ затѣмъ по всѣмъ корридорамъ гостинницы проходитъ послушникъ съ маленькимъ звонкомъ, тихо возвѣщая желающимъ о времени утренней молитвы. Ворота гостепріимнаго двора уже настежь, и странники, еще въ сумракѣ ночи, стремятся—кто къ Ближнимъ Пещерамъ, кто къ Дальнимъ, а другіе въ больничную церковь или въ большую соборную. Всѣ лаврскія церкви всегда полны молящихся и во всѣхъ богослуженіе ежедневно совершается съ такой торжественностью, какой не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ въ самые великіе праздники.

Русскій народъ до сихъ поръ высоко чтитъ кіевскія святыни и особенно Кіево-Печерскую Лавру. Съ наступленіемъ весны особенно въ послѣднія недѣли великаго поста, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Кіевъ, можно встрѣтить множество богомольцевъ, по большей части пѣшихъ, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ,—идутъ они иной разъ очень издалека въ Кіевъ, чтобы поклониться кіе-

во-печерскимъ угодникамъ и встрѣтить праздникъ Пасхи въ стѣнахъ святой обители. Во время богослуженія громадная пестрая толпа наполняетъ знаменитую Успенскую церковь Кіево-Печерскаго монастыря, и весь дворъ вокругъ церкви. Тутъ можно видѣть въ толпѣ богомольцевъ и жителя крайняго сѣвера и южанина, великорусса и малоросса; тутъ можно услышать разные говоры, увидѣть разныя мѣстныя одежды; но вся эта пестрая толпа сливается здѣсь воедино; одной и той же святынѣ поклоняется, однѣ и тѣ-же молитвы творитъ, У церковныхъ дверей, у входа на монастырскій дворъ множество нищихъ калѣкъ, слѣпыхъ. Сбрелись эти убогіе тоже съ разныхъ концовъ Русской земли сюда въ Лавру; здѣсь монахи, по старому преданію, даютъ имъ пріютъ и кормятъ ихъ. Иной разъ слѣпцы, сидя на церковной паперти съ деревянными чашками въ рукахъ, поютъ заунывнымъ голосомъ духовные стихи, поютъ стихъ о Лазарѣ,—поютъ такъ, какъ пѣлся этотъ стихъ лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. И кладетъ православный людъ ради душевнаго спасенія свои трудовые гроши въ чашки нищихъ-калѣкъ, немощныхъ тѣломъ, но, по убѣжденію народа, сильныхъ у Бога своею молитвою.





II. Троицко-Сергіевская лавра.

Въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ Москвы, древней столицы нашей, находится Троицко Сергіевская лавра. Каждый годъ со всѣхъ концовъ Россіи сходятся туда тысячи богомольцевъ поклониться мощамъ преподобнаго Сергія, основателя Лавры, и его сподвижниковъ. Идутъ туда молодые и здоровые, бредутъ старые и убогіе. Всѣ чтутъ прославленнаго угодника и чудотворца Радонежскаго.

Болѣе пятисотъ лѣтъ прошло со времени основанія Лавры. Много перемѣнъ совершилось съ тѣхъ поръ на Руси, и много послужила отечеству Святая Обитель. Въ Смутное на Руси время она крѣпко стояла противъ враговъ, давала въ своихъ стѣнахъ пріютъ больнымъ и увѣчнымъ, посылала утѣшеніе несчастнымъ и призывала православный народъ возстать на защиту православной вѣры и отечества. Поэтому понятно, какъ свято и дорого это мѣсто каждому русскому.

Преподобный Сергій, называвшійся въ мірѣ Варѳоломеемъ,

родился около 1319 года въ Ростовской области, въ княженіе московскаго великаго князя Юрія Даниловича. Родители его, Кириллъ и Марія, были бояре знатные и богатые, но потомъ обѣднѣвшіе, и отличались благочестивою жизнію. Еще до рожденія преподобнаго начался рядъ знаменій, указывавшихъ на его особенное предназначеніе. Однажды, когда мать его была въ церкви за литургіею, онъ трижды прокричалъ во чревѣ ея: въ первый разъ—передъ чтеніемъ Евангелія, въ другой,—еще сильнѣе,—при начатіи херувимской пѣсни, такъ что голосъ его слышенъ былъ по всей церкви и мать пришла въ ужасъ; въ третій разъ—послѣ возгласа священника: «святая святымъ»,—и опять съ такою силою, что устрашенная мать едва не упала на землю и залилась слезами. Стоявшіе около нея женщины, думая, что она держитъ младенца подъ одеждой, просили ее показать имъ младенца. Тогда Марія должна была открыться, что младенецъ кричалъ у нея не на рукахъ, а во чревѣ. Всѣ, бывшіе въ церкви, были поражены такимъ необыкновеннымъ происшествіемъ и, выходя изъ церкви, спрашивали сами себя: «что убо отроча сіе будетъ?» Послѣ этого мать въ остальное время до рожденія ребенка не употребляла ни мяса, ни молока, ни рыбы, ни вина, а питалась только хлѣбомъ и овощами и пила одну воду. Когда младенецъ родился, то замѣтили, что онъ не бралъ сосцевъ матери, если она питалась мясомъ, а въ среды и пятки оставался вовсе безъ пищи.

Когда Варѳоломею исполнилось семь лѣтъ, родители отдали его для обученія грамотѣ вмѣстѣ съ двумя братьями его, старшимъ—Стефаномъ, и младшимъ—Петромъ. Но тѣ учились успѣшно, а Варѳоломей, при всѣхъ усиліяхъ и побужденіяхъ, крайне плохо. А между тѣмъ не лѣность была причиною неуспѣха его въ наукѣ: онъ самъ сильно желалъ выучиться. Горько ему было видѣть свою неспособность и

онъ со слезами молился, чтобы Господь послалъ ему способность къ ученію. «Господи! Вразуми и научи меня!»—молился ребенокъ и сердечная молитва его была услышана.

Однажды отецъ послалъ Варѳоломея въ поле искать коней. Здѣсь подъ дубомъ, онъ увидалъ старца-инока, который со слезами молился. Варѳоломей почтительно остановился вблизи, ожидая окончанія молитвы старца. Когда старецъ окончилъ молитву, Варѳоломей подошелъ къ нему, поклонился и принялъ благословеніе. Старецъ спросилъ его:

— «Что тебѣ надобно, дитя мое?»

Ребенокъ поспѣшилъ высказать ему свое горе:

— «Я учусь грамотѣ и мнѣ очень хочется выучиться ей, но никакъ не могу понять ея и не знаю, что мнѣ дѣлать. Помолись обо мнѣ, отче святый, чтобы Господь далъ мнѣ разумъ».

Старецъ помолился вмѣстѣ съ отрокомъ, благословилъ его, далъ ему часть просфоры и сказалъ:

— «Сіе дается тебѣ въ знаменіе благодати Божіей и разумѣнія Святаго Писанія».

Потомъ, утѣшивъ отрока надеждою, что онъ съ этого времени будетъ успѣвать въ ученіи, старецъ отправился съ нимъ въ домъ его родителей. Благочестивые Кириллъ и Марія приняли старца съ великою честью. Войдя въ домъ, старецъ прежде всего сталъ на молитву и велѣлъ Варѳоломею читать псаломъ. Отрокъ отказывался по неумѣнію читать, но старецъ снова приказалъ ему читать не смущаясь и не сомнѣваясь, и, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, отрокъ внятно и точно прочиталъ псаломъ, хотя раньше онъ еле-еле, съ трудомъ, могъ разбирать по складамъ.

Съ этого времени Варѳоломей полюбилъ чтеніе священныхъ книгъ; въ то же время онъ неопустительно посѣщалъ церковныя службы, а, спустя нѣсколько, до того началъ из-

нурять свою плоть, что въ среды и пятки ничего не ѣлъ; въ прочіе же дни употреблялъ только хлѣбъ и воду, и часто ночи проводилъ безъ сна въ молитвѣ, хотя ему не исполнилось тогда и двѣнадцати лѣтъ.

Вскорѣ родители Варѳоломея, пришедши въ бѣдность, вслѣдствіе частыхъ нашествій монгольскихъ, тяжелой дани въ орду и по случаю неурожайныхъ лѣтъ, а, главное, спасаясь отъ притѣсненій воеводы великаго князя московскаго, Іоанна Калиты, переселились со всѣмъ своимъ семействомъ въ городъ Радонежъ, въ 50 верстахъ отъ Москвы, гдѣ предоставлялись переселенцамъ нѣкоторыя льготы. Здѣсь братья Варѳоломея женились, но онъ продолжалъ прежній, подвижническій образъ жизни и многократно просилъ родителей отпустить его въ монашество. Родители удерживали его:

— «Потерпи немного»,—говорили они:—«мы стары, бѣдны и немощны, братья твои болѣе заботятся о своихъ женахъ, нежели о насъ. Послужи намъ, проводи насъ во гробъ, а тамъ дѣлай, что хочешь».

Кроткій Варѳоломей послушался и остался съ ними, служилъ имъ со всѣмъ усердіемъ сына, пока оба они, подъ конецъ жизни не постриглись въ Хотьковомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ и умерли. Отдавъ послѣдній долгъ отцу и матери и передавъ оставшееся послѣ нихъ имѣніе младшему брату своему, Петру,—такъ какъ старшій—Стефанъ, овдовѣвъ, былъ уже черноризцемъ Хоткова монастыря, Варѳоломей уговорилъ этого послѣдняго, чтобы онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ отыскивать мѣсто для пустынножительства. Они долго ходили по лѣсамъ, пока имъ понравилось одно мѣсто, находившееся въ 12 верстахъ отъ Радонежа. Здѣсь братья срубили избу и построили маленькую церковь. Эта церковь, послужившая началомъ знаменитой Сергіевской лавры, освящена во имя Пресвятой Троицы, по благословенію

митрополита Θеогноста, въ началѣ княженія великаго князя Симеона Іоанновича, около 1340 года.

Однажды Стефанъ недолго оставался въ пустынѣ, въ которой приходилось терпѣть крайній недостатокъ во всемъ, потому что вокругъ нея не было ни жилья, ни даже пути людского, а былъ только густой лѣсъ; никто въ нее не приходилъ и ничего не приносилъ. Онъ перешелъ въ московскій Богоявленскій монастырь, гдѣ впослѣдствіи удостоился быть игуменомъ и духовникомъ великаго князя Симеона. Но младшій братъ остался непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи. Первою заботою его было облечься, наконецъ, въ ангельскій образъ и, пригласивъ для этого къ себѣ игумена одного изъ монастырей, Митрофана, Варθоломей принялъ отъ него въ своей церкви и постриженіе въ монашество и новое имя Сергія, на двадцать четвертомъ году своей жизни (около 1342 г.).

Въ дремучемъ лѣсу, въ полномъ одиночествѣ, Сергій прожилъ въ своей пустынѣ около двухъ лѣтъ. Среди глухого, непрогляднаго лѣса жилъ юноша отшельникъ. Голодъ, жажду, зимнюю стужу, страхъ, уныніе приходилось вытерпѣть ему. Подкрѣплялъ онъ себя непрестанной молитвой. Не разъ въ ночное время, когда отъ сильнаго вѣтра стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли подлѣ его кельи, жутко ему становилось. Ужасъ овладѣвалъ имъ; слышались ему чьи-то страшныя слова: «Бѣги отсюда! Чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!»

Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи. Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость. Пересталъ онъ бояться и лютыхъ звѣрей.

Спокойно встрѣчался онъ съ ними, и они не трогали его. Разъ Сергій увидѣлъ передъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что онъ голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ

на пнѣ передъ звѣремъ. Медвѣдю понравилось гостепріимство пустынника; онъ сталъ часто приходить къ келліи Сергія и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скудную трапезу. Бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Преподобный Сергій не искалъ ни славы, ни шума мірскихъ. Онъ проводилъ время въ трудахъ, постѣ и молитвѣ, но не долго скрывался онъ. Объ его святой жизни скоро узнали благочестивые люди и стали приходить къ нему, прося позволенія поселиться съ нимъ. Мало-по-малу къ нему собралось двѣнадцать человѣкъ. Въ пустынѣ были построены кельи и обнесены деревянной оградой. Сергій, по своему смиренію, не хотѣлъ, однако, принять санъ священника и настоятеля. Онъ по прежнему неустанно работалъ: кололъ дрова, носилъ воду, мололъ рожь и шилъ платье и обувь для братіи. Братія ежедневно собиралась въ церковь и отправляла полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечеріе, а часто и молебствія. Для совершенія же литургіи приглашали со стороны какого либо пресвитера или игумена. Черезъ нѣсколько времени въ обитель прибылъ игуменъ Митрофанъ, постригшій Сергія, и послѣдній радовался, что у нихъ теперь будетъ настоятель. Но дряхлый Митрофанъ скоро умеръ и братія стала просить, чтобы Сергій принялъ игуменство, говоря, что въ противномъ случаѣ они всѣ разойдутся. Сергій, послѣ долгихъ отказовъ, долженъ былъ согласиться и былъ рукоположенъ въ санъ пресвитера переяславскимъ епископомъ Аѳанасіемъ, который назначилъ его и игуменомъ Троицкой обители.

Сдѣлавшись настоятелемъ обители, преподобный Сергій нерѣдко поучалъ братію словомъ, но еще болѣе продолжалъ поучать собственнымъ примѣромъ. Онъ ежедневно совершалъ литургію, прежде всѣхъ шелъ въ церковь и на

всякіе труды, самъ мололъ пшеницу; сѣялъ муку, пекъ просфоры, варилъ кутью, дѣлалъ свѣчи и всегда носилъ самую бѣдную одежду, покрытую заплатами. Около трехъ лѣтъ число братій оставалось не больше, не меньше двѣнадцати, кромѣ игумена. Но слухъ о подвигахъ его началъ привлекать къ нему со всѣхъ сторонъ желавшихъ поселиться въ его обители. Первый пришелъ сюда архимандритъ Симонъ, который оставилъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, чтобы подчиниться такому руководителю и, принесши съ собою довольно имѣнія, далъ ему возможность построить болѣе просторную церковь для быстро умножавшейся братіи. Съ этихъ поръ Сергій не ограничивалъ уже числа братіи въ своемъ монастырѣ, постригалъ всякаго желающаго, подвергнувъ предварительно строгому испытанію.

Для наблюденія за братіею преподобный Сергій, между прочимъ, имѣлъ обычай, подобно преподобному Ѳеодосію Печерскому, поздно вечеромъ и ночью обходить всѣ кельи иноковъ. И если слышалъ и видѣлъ, что инокъ молится, или читаетъ книгу, или занимается рукодѣліемъ, то радовался и благодарилъ Бога. А если слышалъ, что два или три брата сошлись вмѣстѣ и празднословятъ, то очень скорбѣлъ и ударялъ рукою въ дверь или въ окно, чтобы прекратить непозволенную бесѣду, и удалялся. На утро призывалъ виновныхъ къ себѣ и, не обличая ихъ прямо, приводилъ ихъ къ сознанію своей виновности кроткою и назидательною бесѣдою; упорныхъ же и нераскаянныхъ обличалъ и подвергалъ эпитиміи.

Сначала монастырь былъ очень бѣденъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершалось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы сдѣланы были изъ простой крашенины. Случа-

лось, что по нѣскольку дней не было хлѣба, и братія голодала. Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его принимали за нищаго. Однако, онъ постановилъ строгимъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостыню строго запрещено; позволялось только принимать добровольныя, невыпрошенныя даянія. Самъ преподобный Сергій нерѣдко терпѣлъ такой недостатокъ, что проводилъ по цѣлымъ днямъ безъ пищи. Однажды у него вышли весь хлѣбъ и соль, и онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ. На четвертый онъ вызвался пристроить сѣни къ кельѣ одного монаха за гнилой хлѣбъ, который монахъ отложилъ за негодностью. Преподобный проработалъ цѣлый день и только къ вечеру, окончивъ сѣни, помолившись съѣлъ съ водою заработанный хлѣбъ.

Впрочемъ, такое состояніе продолжалось не долго. Еще во время великаго князя Іоанна Іоанновича (1353—1359) въ окрестностяхъ Сергіевской пустыни стали селиться многіе земледѣльцы, путь къ ней сдѣлался удобнѣе и близъ самаго монастыря проложена была большая дорога изъ Москвы въ сѣверные города. Тогда многіе и часто начали посѣщать обитель и приносили въ нее все потребное въ большомъ количествѣ. Въ числѣ приходившихъ были и поселяне, и вельможи, и князья. Поселяне въ своихъ взаимныхъ дѣлахъ обращались къ Сергію, какъ къ судьѣ и миротворцу.

Жизнеописатель Сергія разсказываетъ такой случай. Одинъ житель монастырскаго посада взялъ у другого кабана и не заплатилъ за него денегъ. Обиженный прибѣгнулъ къ Сергію. Сергій призвалъ къ себѣ обидчика и сказалъ ему такъ: «Чадо мое, вѣришь-ли ты, что есть Богъ? Знай же, что Онъ отецъ сиротамъ и вдовицамъ, судья праведнымъ и грѣшнымъ; тѣ, кто грабятъ другихъ и недовольны дарован-

нымъ отъ благости Божіей, безпрестанно желаютъ чужого, тѣ сами обнищаютъ, и домы ихъ опустѣютъ, и забудется сила ихъ, и въ будущей жизни ждетъ ихъ безконечное мученіе. Отдай же тому сиротѣ то, что ему слѣдуетъ и впредь такъ не поступай! Виновный послушался.

Преподобный Сергій еще при жизни совершилъ нѣсколько чудесъ, и вѣсть о его чудесахъ и подвигахъ, распространившаяся повсюду, привлекала къ нему не только изъ ближнихъ, но изъ дальнихъ городовъ и весей. Многіе иноки совсѣмъ оставляли свои монастыри и переселились въ его обитель.

Вблизи обители не было воды и за нею нужно было ходить далеко. Нѣкоторые изъ братіи, жалуясь на это, говорили преподобному:

— «Для чего создалъ ты на такомъ мѣстѣ обитель?»

Преподобный отвѣчалъ:

— «Я хотѣлъ безмолствовать здѣсь одинъ; Богу угодно было воздвигнуть здѣсь обитель; помолитесь съ вѣрою; если Господь въ безводной пустынѣ далъ воду непокорному народу еврейскому, то тѣмъ болѣе услышитъ васъ, работающихъ ему день и ночь».

Взявъ нѣсколькихъ изъ братіи, преподобный вышелъ за ограду монастыря и, найдя небольшую лужу застоявшейся дождевой воды, помолился Господу. Тотчасъ послѣ его молитвы мутная лужа, на глазахъ присутствовавшихъ обратилась въ обильный, чистый источникъ, который существуетъ и до сихъ поръ. Братія стала, было, называть этотъ источникъ Сергіевымъ, но преподобный строго запретилъ имъ: «Не я, но Господь далъ сію воду намъ недостойнымъ»,— сказалъ онъ. Чудесное изведеніе воды было началомъ чудесъ преподобнаго Сергія. За его святую жизнь Господь даровалъ ему силу исцѣлять больныхъ и воскрешать мертвыхъ.

Недалеко отъ монастыря у одного поселянина заболѣлъ единственный сынъ. Отецъ, особенно уважавшій преподобнаго, поспѣшилъ къ нему съ больнымъ сыномъ, прося помолиться о его выздоровленіи. Но едва больной былъ внесенъ въ келлію, какъ съ нимъ сдѣлался припадокъ и онъ умеръ. Сильно горевалъ отецъ о потерѣ сына и пошелъ готовить гробъ. Жаль стало преподобному Сергію бѣднаго отца и онъ усердно молился, чтобы Господь умилосердился надъ огорченнымъ поселяниномъ. Господь услышалъ молитву праведника: отрокъ воскресъ. Когда отецъ возвратился съ гробомъ для умершаго, преподобный Сергій возвратилъ ему сына живымъ. Обрадованный и изумленный отецъ палъ къ ногамъ преподобнаго и со слезами благодарилъ его за воскрешеніе сына. Преподобный не любившій славы, отвѣчалъ ему:

— «Ты ошибаешься; сынъ твой не умиралъ, а только отъ стужи сдѣлался съ нимъ припадокъ; когда-же онъ согрѣлся, то пришелъ въ себя».

Когда - же благодарный отецъ настойчиво сталъ увѣрять, что отрокъ дѣйствительно былъ мертвъ, преподобный Сергій сказалъ:

— «Не говори этого, если не хочешь совсѣмъ лишиться сына».

На берегахъ рѣки Волги одинъ человѣкъ впалъ въ изступленіе ума и бѣснованіе, такъ что его связывали желѣзными цѣпями. Родственники больного рѣшились привести его къ преподобному Сергію и просить его молитвъ. Большого труда стоило довести больного до монастыря; онъ сильно противился и кричалъ дикимъ голосомъ· «Не хочу не только видѣть Сергія, но слышать о немъ». Когда же дотащили его до монастыря, бѣсноватый сталъ сильно биться, разорвалъ цѣпи и ужаснымъ голосомъ кричалъ: «Не хочу! не хочу! возвращусь туда, откуда вышелъ!» Когда сказали объ этомъ

преподобному Сергію, онъ велѣлъ собраться въ церковь всей братіи и началъ молебствіе о здравіи болящаго. Бѣсноватый сталъ постепенно стихать и его ввели въ монастырь. Преподобный Сергій вышелъ изъ церкви съ крестомъ и осѣнилъ бѣсноватаго. Тотъ съ воплемъ отскочилъ, бросился въ воду, бывшую недалеко, крича, что горитъ страшнымъ пламенемъ, и тотчасъ-же выздоровѣлъ. Исцѣленный разсказалъ, что когда преподобный осѣнилъ его крестомъ, то отъ креста вышелъ великій пламень, объявшій больного, отчего онъ и бросился въ воду.

Слава объ обители Святой Троицы распространилась далеко за предѣлы Русской земли и достигла Константинополя. Константинопольскій патріархъ Филофей, въ знакъ уваженія, прислалъ преподобному свое благословеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ крестъ парамандъ *) и схиму и въ своемъ письмѣ совѣтовалъ устроить въ монастырѣ общежитіе. Когда посланные отъ патріарха пришли къ преподобному, онъ усумнился, точно-ли ему присланы эти дары, и сказалъ имъ:

— «Не къ другому-ли кому вы посланы? Кто я, грѣшный и недостойный, чтобы мнѣ сподобиться такихъ даровъ отъ святѣйшаго патріарха?»

Но посланные утверждали, что они именно къ нему посланы. Преподобный, поклонившись имъ до земли, угостилъ ихъ трапезою и донесъ объ этомъ московскому митрополиту Алексію. Святой Алексій посовѣтовалъ преподобному исполнить желаніе патріарха и въ монастырѣ преподобнаго Сергія было устроено общежитіе. Все богатство обители было сдѣлано общимъ, запрещено инокамъ имѣть отдѣльную собственность, введена одинаковая для всѣхъ строгость относительно образа жизни. Братія была распредѣлена по службамъ; былъ

*) Парамандъ (обрученіе)—четырехугольный платъ со снурками по угламъ, носится монахами крестообразно на груди, плечахъ и спинѣ.

назначенъ казначей для общей монастырской казны, келарь для веденія хозяйства, повары, хлѣбники, больничные служители и пр.

Видя, что средства обители постоянно увеличивались отъ приношеній и вкладовъ, преподобный Сергій установилъ при ней страннопріимство, такъ что всѣ, нуждавшіеся въ помощи, нищіе, больные получали въ ней все необходимое, а иногда проживали въ ней многіе дни въ полномъ довольствѣ и успокоеніи; никому не отказывалось ни въ пищѣ, ни въ пристанищѣ. И до сихъ поръ обычай этотъ соблюдается неизмѣнно, до сихъ поръ богомольцы получаютъ въ Лаврѣ даровой столъ и помѣщеніе.

Своими высокими подвигами святой старецъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе въ отечествѣ. Самъ митрополитъ московскій Алексій посѣщалъ его, пользовался его совѣтами и, приближаясь къ могилѣ, желалъ имѣть его своимъ преемникомъ (1378 г.). Во время бесѣды святитель Алексій велѣлъ принести золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и подарилъ его преподобному Сергію. Этотъ подарокъ смутилъ смиреннаго инока.

— «Прости мнѣ, владыко святый!» — сказалъ онъ съ глубокимъ поклономъ: — «отъ юности я не носилъ злата, а въ старости тѣмъ болѣе желаю пребывать въ нищетѣ».

Отъ сана митрополита преподобный Сергій рѣшительно отказался; сколько не уговаривалъ его Алексій, а послѣ его смерти—бояре, Сергій не поддался ни на какія убѣжденія.

Но, удалившись отъ шумной мірской жизни, преподобный не забывалъ о своемъ отечествѣ и не переставалъ служить ему по мѣрѣ силъ. Въ тѣ смутныя времена князья русскіе часто враждовали между собою, и Сергій нерѣдко своими кроткими рѣчами мирилъ враждовавшихъ. Такъ, по порученію московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича

Донского, онъ ходилъ въ Нижній Новгородъ съ цѣлью примирить враждовавшихъ тамъ братьевъ Бориса и Димитрія Константиновичей, и склонить ихъ къ повиновенію великому князю, желавшему, чтобы Нижній принадлежалъ старшему, Димитрію. Не успѣвъ достичь своей цѣли убѣжденіемъ, Сергій, съ разрѣшенія митрополита, велѣлъ прекратить службу въ церквахъ Нижняго и тѣмъ помогъ великому князю смирить неповинующихся князей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ снова оставилъ свое уединеніе и ѣздилъ въ Рязань увѣщевать Олега, князя Рязанскаго, прекратить враждебныя отношенія свои къ Димитрію Донскому. Чудныя рѣчи святого мужа объ общемъ мирѣ, о любви евангельской, кроткіе упреки такъ устыдили Олега, что онъ обѣщалъ быть вѣчнымъ другомъ московскаго великаго князя.

Но кромѣ распрей и междоусобицъ между князьями, кромѣ всякихъ смутъ и неурядицъ, надъ Русской землей въ то время тяготѣла, словно черная туча, еще другая бѣда— татарское иго.

Около 150 уже лѣтъ татары издѣвались надъ Русью, брали съ нея дань, грабили, сожигали селенія, уводили въ плѣнъ мужчинъ, женъ и дѣтей. Земля наша стонала подъ игомъ невѣрныхъ; никто не осмѣливался противиться татарамъ; на нихъ смотрѣли, какъ на бичъ Божій, какъ на кару небесную. Князья, занятые своими усобицами, долго не хотѣли соединиться противъ общаго врага; каждый заботился о своей области. При такихъ порядкахъ татарамъ легко было хозяйничать въ русскихъ земляхъ.

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ средѣ русскихъ княжествъ возвысилось московское; къ концу этого столѣтія оно усилилось настолько, что московскій великій князь Димитрій Іоанновичъ рѣшился вступить въ борьбу съ татарами, чтобы



Троицко-Сергіевская лавра.

освободить отъ нихъ Русскую землю. Татарскій ханъ Мамай, не видя въ Димитріи Іоанновичѣ покорности себѣ, двинулся со своими полчищами на Русскую землю. Народъ въ ужасѣ ждалъ погрома. Великій князь Димитрій Іоанновичъ поѣхалъ въ Троицкую обитель просить совѣта у преподобнаго Сергія, котораго онъ очень любилъ и уважалъ и часто посѣщалъ раньше. Сергій благословилъ его на борьбу съ врагами.

— «Мужайся, Государь!» — сказалъ святой старецъ:— «тебѣ должно пещись о врученномъ тебѣ отъ Бога христоименитомъ стадѣ и съ помощью Его получить побѣду. Кровопролитіе будетъ великое, многіе пріимутъ вѣнцы съ вѣчною памятью, но Господь подастъ помощь: ты побѣдишь и вернешься со славою. Нечестиваго Мамая ждетъ вѣчное погубленіе».

Затѣмъ Сергій отслужилъ напутственный молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водой и далъ князю въ сподвижники двухъ своихъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя, бывшихъ въ мірѣ воинами и отличавшихся своею тѣлесною силою. Ободренный и утѣшенный благословеніемъ преподобнаго Сергія, Димитрій выступилъ противъ враговъ, но, узнавъ, что татаръ собралось несмѣтное множество, снова смутился и не рѣшался вступить въ бой. Тогда Сергій послалъ ему съ скороходомъ въ лагерь хлѣбъ Богородичный и письменное посланіе, въ которомъ увѣщевалъ его не бояться сильнаго врага, а съ Божьей помощью вступить съ нимъ въ бой. Димитрій рѣшился и велѣлъ переправляться своимъ войскамъ за Донъ. Это было вечеромъ 7 сентября 1380 года, а утромъ на другой день все было готово къ битвѣ и до 200,000 русскихъ ратниковъ занимало Куликово поле.

Великій князь ѣздилъ по рядамъ войска и ободрялъ ратниковъ. Но не одно ободреніе княжеское дѣйствовало на нихъ: они знали, что благочестивой и праведной жизни Сергій

благословилъ его на битву и предрекъ побѣду. Между ними находились два воина, покрытые схимой, безстрашно глядѣвшіе на татарскую рать и готовые во имя Бога пожертвовать собой для спасенія своей родины.

Ободренные благословеніемъ святителя и примѣромъ своего князя, находившагося въ рядахъ ихъ, полки наши шли рѣшительно и безстрашно навстрѣчу безчисленной татарской рати, толпы которой, какъ туча, густо и тѣсно двигались на нихъ. Наконецъ изъ рядовъ непріятельскихъ отдѣлился огромнаго роста татарскій богатырь, Телебей, и сталъ громко похваляться своею силой и удалью, и вызывать себѣ поединщика. Тогда выступилъ Пересвѣтъ. Онъ былъ нѣкогда бояриномъ брянскимъ и отличался своимъ мужествомъ; теперь же шлемъ его покрывала схима, возложенная на него преподобнымъ Сергіемъ. Принявъ благословеніе священника, онъ сѣлъ на боеваго коня и съ громкимъ крикомъ: «Отцы и братія, простите меня грѣшнаго!»—во всю лошадиную прыть понесся на татарина. Оба богатыря налетѣли другъ на друга и разомъ ударили въ копья. Кони отъ сильнаго удара присѣли на заднія ноги, и богатыри оба мертвые свалились на землю. Тогда затрубили трубы, возвѣщая общій бой, и обѣ рати двинулись другъ противъ друга.

Въ то время, какъ наши войска мужественно бились съ татарами, преподобный Сергій стоялъ съ братіею на молитвѣ въ своей обители и утѣшалъ иноковъ, предсказывая побѣду. Преданіе говоритъ, что онъ называлъ по имени убіенныхъ и приносилъ молитвы за упокой души ихъ. Такъ народъ вѣрилъ въ сочувствіе иноковъ и дорожилъ молитвами ихъ. Всѣмъ извѣстенъ исходъ Куликовской битвы; многихъ пришлось помянуть преподобному Сергію, но побѣда осталась за нами, и князь Димитрій Іоанновичъ Донской пріѣхалъ вскорѣ благодарить преподобнаго за помощь, оказанную ему совѣ-

томъ и воодушевленіемъ войскъ, и далъ монастырю нѣсколько селъ во владѣніе.

Монастырь богатѣлъ, а игуменъ продолжалъ смирять себя болѣе всѣхъ. По прежнему день проводилъ онъ въ трудахъ, а ночь въ молитвѣ; стоя на колѣняхъ, молилъ Бога не оставить его обители. Царь небесный внялъ молитвамъ Своего избранника.

Однажды преподобный ночью молился въ келліи и внезапно услышалъ, что кто-то зоветъ его. Сергій, отворивъ окно, увидѣлъ небесное сіяніе, озарившее всю обитель; множество красивыхъ птицъ при яркомъ свѣтѣ со всѣхъ сторонъ слетались къ монастырю. Сергій былъ изумленъ и услышалъ голосъ:

— «Сергій! Господь принялъ твою молитву объ обители и о чадахъ твоихъ. Подобно симъ птицамъ умножится число учениковъ твоихъ».

Спустя нѣкоторое время, въ глубокую ночь, преподобный Сергій вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Михеемъ читалъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ и молилъ Пречистую Дѣву принять созданную имъ обителъ и учениковъ подъ Свой всесильный покровъ. Окончивъ молитву, Сергій сѣлъ немного отдохнуть, но вдругъ онъ обратился къ Михею и сказалъ:

— «Бодрствуй, чадо! Сейчасъ мы узримъ чудное посѣщеніе!»

Едва онъ сказалъ это, какъ послышался голосъ:

«Пречистая грядетъ!»

При этихъ словахъ небесная Царица, въ свѣтозарномъ сіяніи, въ сопровожденіи апостоловъ Петра и Іоанна, явилась въ келліи преподобнаго. Въ страхѣ упали ницъ сподобившіеся Божественной милости. Пречистая прикоснулась къ Сергію и сказала:

— «Не бойся, избранникъ мой! Я пришла посѣтить тебя, ибо услышана молитва твоя. Не скорби объ ученикахъ твоихъ,

о которыхъ молишься. При тебѣ и послѣ тебя неотступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее».

Послѣ сихъ словъ Пресвятая Дѣва сдѣлалась невидима. Преподобный нѣсколько времени былъ внѣ себя отъ благоговѣйной радости; придя въ себя, онъ увидѣлъ ученика своего полумертвымъ отъ страха и поднялъ его. Позвавъ двухъ благоговѣйныхъ иноковъ, Исаакія и Симона, преподобный возвѣстилъ имъ объ этой общей для нихъ радости. Всѣ вмѣстѣ совершили они благодарственное молебствіе Премилосердой Владычицѣ. Благодатное обѣщаніе Пречистой исполнилось и исполняется на нашихъ глазахъ.

Не смотря на дружбу великаго князя, который сдѣлалъ его воспріемникомъ двухъ сыновей своихъ, преподобный Сергій продолжалъ держать себя смиренно и только любовь его къ родинѣ заставляла его оставлять свои тяжелые труды и являться совѣтникомъ князю. Основавъ знаменитую обитель, давъ ей внутреннее благоустройство, насадивъ въ ней сѣмена глубокаго благочестія и приготовивъ достойныхъ себѣ учениковъ преподобный Сергій скончался 25 сентября 1392 года, 72 лѣтъ (а по другимъ извѣстіямъ 1398 года, 78 лѣтъ отъ роду). За шесть мѣсяцевъ до кончины преподобный предупредилъ своихъ учениковъ, что въ этотъ именно день Богъ возьметъ его къ Себѣ, въ горнія селенія. Передъ кончиною онъ назначилъ игуменомъ своей обители ученика своего Никона, благословилъ братію, далъ имъ послѣднія наставленія и, пріобщившись Святыхъ Таинъ, тихо скончался. Въ минуту смерти его, небесное благоуханіе разлилось по келліи и лице его было чисто и свѣтло, какъ у живого.

Со слезами похоронила братія своего незабвеннаго наставника вблизи церкви Св. Троицы, имъ самимъ сооруженной. 5 іюля 1422 года обрѣтены были нетлѣнныя мощи св. Сергія; тогда же подъ ними заложенъ былъ новый храмъ изъ бѣлаго камня.

Православная церковь причислила преподобнаго Сергія къ лику святыхъ и установила праздновать день его кончины 25 сентября и обрѣтеніе честныхъ мощей угодника Божія 5 іюля.

Заслуга преподобнаго Сергія для русскаго монашества состояла не въ томъ одномъ, что онъ основалъ Свято-Троицкую Лавру, но также и въ томъ, что его трудами или при его участіи и благословеніи устроено нѣсколько другихъ обителей въ сѣверо восточной Руси: Благовѣщенскій монастырь на Киржачѣ (Владимірской губерніи), Борисоглѣбскій близъ Ростова, Симоновъ въ Москвѣ, Высотскій близъ Серпухова, Дубенскій на Стромыни въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ Троицкой Лавры, Дубенскій на острову, въ 40 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Троицкой Лавры, Голутвинскій близъ Коломны. Во всѣхъ этихъ монастыряхъ игуменами были ученики преподобнаго Сергія.

При Никонѣ монастырь былъ опустошенъ Эдигеемъ; но братія спаслась вмѣстѣ съ настоятелемъ своимъ. Вернувшись по удаленіи непріятеля, преподобный Никонъ, съ помощію князя Звенигородскаго, воздвигнулъ новый храмъ во имя Св. Троицы, и съ этихъ поръ обитель стала богатѣть и распространяться; государи наши не переставали заботиться о ней, дѣлали дорогіе вклады и ходили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ преподобнаго. Такія путешествія назывались «троицкими походами» и совершались не только лѣтомъ, но и зимою и особенно въ дни памяти преподобнаго Сергія: 5 іюля и 25 сентября. По дорогѣ цари и царицы собственноручно подавали милостыню нищимъ и дарили народъ.

Не смотря на богатство обители, монахи долго помнили заповѣдь преподобнаго Сергія, — сохранять во всемъ воз-

держаніе и не выходить ни подъ какимъ предлогомъ за ограду церковную. Такъ, они не могли проводить въ XV вѣкѣ епископа боровскаго Пафнутія, посѣтившаго ихъ, и сохраняли до временъ Іоанна Грознаго обычай не раздѣлять богатой трапезы, которой имъ приходилось угощать у себя именитыхъ посѣтителей. . . . .

Передъ походомъ въ Казань, Іоаннъ Грозный обратился съ молитвою къ преподобному Сергію, и въ рѣшительный часъ битвы прибылъ къ нему инокъ съ крестомъ, образомъ, святой водой и просфорой. Казань была взята и Іоаннъ сдѣлалъ большія пожертвованія монастырю. Онъ построилъ церкви во имя Сошествія Св. Духа и Преподобнаго Никона; пожертвовалъ въ Троицкій соборъ серебрянную позолоченную раку св. Сергію, образъ Живоначальной Троицы въ золотой ризѣ, украшенной драгоцѣнными камнями, золотое блюдо, вѣсомъ въ 18 фунтовъ, и много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Во второй половинѣ XVI вѣка учреждена была архимандрія въ Троицкомъ монастырѣ.

Преемники Іоанна Грознаго, Өеодоръ, а особенно Борисъ Годуновъ, пожертвовали много драгоцѣнностей монастырю. Годуновъ украсилъ золотомъ и драгоцѣнными камнями другой образъ Святой Троицы, пожертвовалъ богатый покровъ на мощи св. Сергія разные драгоцѣнные церковные сосуды, воздухи и т. п.

Кромѣ этихъ вещей много было вкладовъ и пожертвованій отъ другихъ членовъ царской фамиліи и частныхъ лицъ, многіе монастыри, села и пустоши приписаны были къ Лаврѣ, и доходами съ нихъ пользовался монастырь. Все это составляло огромныя сокровища, которыми такъ сильно хотѣлось овладѣть полякамъ во времена самозванцевъ.

Въ началѣ XVII вѣка наступило на Руси смутное время. Въ царствованіе Бориса Годунова явился человѣкъ,

который назвался именемъ покойнаго царевича Димитрія, сына Іоанна Грознаго, и началъ мутить народъ. Борисъ Годуновъ скоро умеръ, не успѣвши смирить бунтовщика, а народъ повѣрилъ самозванцу и призналъ его царемъ. Вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію пришло много поляковъ, которые рады были поживиться въ чужой землѣ и творили много зла. Скоро, однако, народъ догадался, что призналъ государемъ самозванца, убилъ его и выбралъ царемъ Василія Ивановича Шуйскаго. Но смута уже началась; народъ въ страхѣ не зналъ, кому вѣрить, а за первымъ самозванцемъ явился другой; къ нему явились на помощь поляки и литовцы подъ начальствомъ Сапѣги и Лисовскаго; многіе русскіе измѣнники также приняли его сторону. Лжедимитрій II подошелъ къ самой Москвѣ и расположился въ 12 верстахъ отъ нея въ селѣ Тушинѣ, отчего и былъ прозванъ Тушинскимъ воромъ, а его сторонники—тушинцами. Полчища поляковъ, литовцевъ и русскихъ измѣнниковъ какъ стаи голодныхъ волковъ, рыскали повсюду, грабя и разоряя встрѣчавшіеся на пути города, и, наконецъ, подошли къ Троицкому монастырю, надѣясь найти тамъ богатую добычу. Троицкій монастырь сильно мѣшалъ тушинцамъ. Онъ стоялъ на пути изъ Москвы въ заволжскій край. По этой дорогѣ провозились въ столицу припасы. Иноки вмѣстѣ съ воинами часто перехватывали разъѣзды тушинцевъ, а главное—своею вѣрностью и преданностью царю Василію давали высокій нравственный примѣръ и удержали многихъ отъ измѣны. Стало быть, не одна корысть, но и военные разсчеты побуждили тушинцевъ овладѣть богатой Лаврой.

23 сентября 1608 года Сапѣга и Лисовскій стали подъ монастыремъ; у нихъ было тысячъ тридцать войска. Лавра еще при Іоаннѣ Грозномъ была ограждена каменными стѣнами, вышиной въ четыре сажени, толщиной въ три, съ

высокими башнями и глубокимъ рвомъ. Предвидя опасность для монастыря, царь Василій еще раньше послалъ туда небольшіе отряды служилыхъ людей и стрѣльцовъ. Всѣхъ, способныхъ оборонять Троицкій монастырь, было около трехъ тысячъ, считая и монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые, конечно, знали военное дѣло, такъ какъ были изъ ратныхъ людей. Воеводами были князь Григорій Долгорукій — Рощa и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Они сожгли монастырскія слободы, чтобы ими не воспользовался непріятель. Лавра наполнилась множествомъ народа, лишеннаго крова. Больные, калѣки, старцы, женщины, дѣти искали здѣсь убѣжища. Тѣснота и необходимость прокормить множество людей могли сильно мѣшать оборонѣ; но иноки всѣхъ принимали.

«Святой Сергій»,—говорили они:—«не отвергаетъ несчастныхъ».

— Обитель поспѣшно готовилась къ защитѣ. Разставлялись пушки на стѣнѣ; указывались мѣста и обязанности защитникамъ.

Архимандритъ Іоасафъ, человѣкъ кроткій, способный водворять миръ и согласіе между людомъ, наполнившимъ монастырь, привелъ воеводъ и всѣхъ защитниковъ къ присягѣ надъ гробомъ св. Сергія. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что будутъ «сидѣть въ осадѣ безъ измѣны». Другъ друга ободряли, клялись умирать, но не сдаваться. Дѣло шло не только о томъ, чтобы постоять за отечество, но и о томъ, чтобы не дать святыню, гробъ св. Сергія, на поруганіе «поганымъ ляхамъ», ненавистнымъ иновѣрцамъ, которые ругались уже не разъ надъ православной святыней.

Напрасно пытались враги склонить обитель къ добровольной сдачѣ, обѣщали не только пощаду, но и пожалованіе «отъ царя Димитрія Ивановича», а въ случаѣ сопротивленія грозили истребленіемъ; они получили отъ Лавры отвѣтъ, который оканчивался такими словами:

«Оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною лаской, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ! Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе!»

Непріятель расположился вокругъ монастыря, ставилъ туры, копалъ рвы, дѣлалъ насыпи и открылъ огонь изъ восьмидесяти орудій. Къ счастію для осажденныхъ, непріятельскія пушки были небольшія и не причиняли большаго вреда монастырскимъ стѣнамъ.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, графъ А. Толстой, сложилъ прекрасные стихи про защитниковъ Троицкой лавры.

Осада Троицкой лавры.

(Ночь передъ приступомъ).

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною,
Сидятъ передъ огнемъ.

* * *

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

* * *

И съ Польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

* * *

Тутъ волохи усатые,
И угры въ чекшеняхъ,
Цыганы бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...

* * *

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

* * *

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня..

* * *

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цымбалами,
Кричатъ, поютъ жиды.

* * *

Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ;

* * *

И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

* * *

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ горитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

* * *

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

* * *

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,

И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

* * *

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

* * *

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

* * *

Не разъ они предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой.

* * *

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.

* * *

Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ.
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

* * *

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Дадутъ Литвѣ отпоръ!

* * *

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражія воспрянула,
Раздался трубный гулъ!...

* * *

„Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой.

* * *

Несчетными станицами
Идутъ они вдали—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!"

13 октября непріятель попытался взять обитель приступомъ. Съ громкими криками враги бросились къ стѣнамъ. Поляки катили передъ собою тарасы на колесахъ, чтобы защищаться отъ выстрѣловъ; несли лѣстницы для приступа. Дѣло было къ вечеру; но всѣ защитники во время явились на своихъ мѣстахъ и открыли по непріятелю такой огонь изъ пушекъ и пищалей, что у него пропала всякая отвага, и онъ поспѣшно отступилъ, побросалъ даже свои лѣстницы и тарасы. Убитыхъ и раненыхъ было много. Русскіе сдѣлали вылазку и захватили брошенныя лѣстницы и тарасы,— нѣсколько дней не надо было выходить изъ ограды за дровами.

Эта удача придала русскимъ духу, а у врага поубавила спеси... Осажденные не только храбро отбивались, но сами дѣлали частыя вылазки, нерѣдко приводили плѣнныхъ и отъ нихъ добывали свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ враговъ. Разъ отъ одного плѣннаго провѣдали, что враги ведутъ подъ стѣну подкопы, хотятъ взорвать монастырь. Эта вѣсть поразила всѣхъ... Страшная мысль, что вотъ-вотъ грянетъ взрывъ, томила всѣхъ, даже и самыхъ безстрашныхъ. Долго не могли провѣдать, съ какой стороны ведется подкопъ. Рыли въ разныхъ мѣстахъ подъ башнями и стѣнами слуховые колодцы, но не дознались ничего. Страхъ и томительное ожиданіе не-

минучей гибели все сильнѣе и сильнѣе обуревали осажденныхъ. Нѣсколько разъ дѣлались вылазки, чтобы найти, откуда ведется подкопъ, или чтобы добыть «языка», т. е., плѣннаго, который могъ-бы сказать это.

Наконецъ, удалось на одной изъ вылазокъ поймать казака, отъ котораго и допытались, что подкопъ ведется подъ Пятницкую башню. Тогда наскоро стали противъ этой башни строить новое укрѣпленіе, чтобы обороняться въ случаѣ, если бы врагамъ и удался взрывъ. Стали очищать и рыть потайные подземные ходы. Нѣсколько разъ дѣлали вылазки, чтобы найти и уничтожить подкопъ, но все напрасно. Наконецъ, двумъ крестьянамъ удалось добраться до устья подкопа, еще не доведеннаго до конца. Они, не долго думая, вскочили туда и зажгли порохъ. Раздался взрывъ; погибли и русскіе удальцы, но работа враговъ была уничтожена и монастырь былъ спасенъ отъ этого подкопа.

Осажденные ободрились, — увидѣли въ этомъ Божіе милосердіе и заступничество святаго Сергія. Церковная служба и пѣніе не умолкали въ монастырскихъ стѣнахъ.

Послѣ неудачнаго приступа и попытки взорвать монастырь Сапѣга и Лисовскій порѣшили взять обитель долгой осадой, «измором», какъ выражались тогда.

Наступила зима. Непріятель расположился по избамъ, наскоро построеннымъ, да по землянкамъ. Припасы и все нужное для себя поляки добывали грабежомъ по окрестностямъ. Изъ монастыря по прежнему дѣлались вылазки. Многіе изъ защнитниковъ прославились и своей удалью, и силой.

Съ наступленіемъ зимы все тяжелѣе становилось «троицкимъ сидѣльцамъ». Трудно было добывать дрова. Приходилось ихъ брать съ бою. Иногда шли за ними съ оружіемъ въ рукахъ и не возвращались... Наконецъ, отъ тѣсноты въ монастырѣ начались болѣзни. Пока было тепло, толпы на-

роду помѣщались на открытомъ воздухѣ, на дворѣ, а теперь, когда настали холода и морозы, всѣ сбились въ тѣсныхъ коморкахъ и кельяхъ. Тѣснота была страшная. Въ хорошей пищѣ былъ уже недостатокъ. Воду пили испорченную. Открылась цынга; пухли десна, вываливались зубы... У другихъ на тѣлѣ появлялись раны. Отъ тѣсноты сильно распространилась зараза; присмотру не было; иные заживо гнили; смертность день ото дня росла; сначала ежедневно умирало до 20 человѣкъ, а потомъ стали хоронить по 30 и болѣе въ сутки. Похоронное пѣніе и плачъ раздавались съ утра до вечера каждый день. Много троицкихъ сидѣльцевъ было побито на вылазкахъ, еще больше погибло отъ болѣзней. Воины гибли больше, чѣмъ «ѣдоки», т. е., немощные, старцы, женщины, которыхъ надо было кормить. Изъ монастыря удалось переслать въ Москву челобитную; воеводы умоляли царя прислать имъ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху. Но Шуйскому трудно было исполнить эту просьбу: онъ самъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ Москвѣ въ это время жилъ келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ. Это былъ человѣкъ очень дѣятельный и умный. Сильно хлопоталъ онъ, чтобы послана была помощь монастырю. Патріархъ Гермогенъ тоже настаивалъ на этомъ. Царь послалъ отрядъ, но незначительный, человѣкъ 60. Имъ удалось пробраться въ лавру и принести туда двадцать пудовъ пороху.

Горсть этихъ воиновъ не могла, конечно, восполнить убыли въ людяхъ. Болѣзнь по прежнему свирѣпствовала и смертность росла. На бѣду, начались несогласія и пререканія между монахами и ратными людьми. Стрѣльцы жаловались, что старцы плохо ихъ кормятъ. Но всевозможныя невзгоды и бѣдствія не сломили рѣшимости «троицкихъ сидѣльцевъ» умереть, но не сдаваться.

Прошла зима. Хотя болѣзни продолжались, но все-же стало легче, можно было здоровымъ больше быть на воздухѣ и не томиться въ тѣснотѣ и духотѣ. Враги упорно продолжали осаду; но и осажденные вовсе не помышляли о сдачѣ, дѣлали даже вылазки, хотя и рѣже, чѣмъ прежде. До обители дошли слухи, что скоро племянникъ царя, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, приведетъ на выручку Москвы и Лавры большое войско и шведскую вспомогательную рать.

Долгая и безплодная осада, видимо, начинала уже томить и поляковъ. Сапѣга снова попытался взять монастырь приступомъ. Онъ зналъ, что ужъ немного осталось защитниковъ. 27 мая непріятельскій станъ пришелъ въ движеніе. Многіе всадники объѣзжали обитель, видимо, высматривая что-то; другіе гарцовали на своихъ коняхъ передъ монастыремъ и грозили саблями.

Осажденные поняли, что будетъ приступъ, и стали готовиться къ отпору. Монахи взяли оружіе въ руки; женщины стали на стѣнахъ съ камнями, огнемъ, смолою, сѣрою и известью. Архимандритъ съ старѣйшими монахами молился въ церкви. Наконецъ, къ ночи, въ сумеркахъ начался приступъ.

Поляки, вечеромъ, когда стемнѣло, стали тайкомъ подбираться къ стѣнамъ, нѣкоторые даже ползли, «аки змій», и везли съ собой лѣстницы, туры и всякія «стѣнобитныя хитрости» (машины). Нѣсколько времени хранилась полная тишина. Вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ: это былъ знакъ къ нападенію. Тогда съ громкимъ крикомъ и трубнымъ звукомъ бросились враги къ монастырскимъ стѣнамъ, думали дружнымъ нападеніемъ завладѣть ими. Но осажденные стали разить нападавшихъ изъ пушекъ и пищалей, не допускали ихъ ставить лѣстницы къ стѣнѣ, метали въ ляховъ камни; обдавали ихъ кипящей смолой, бросали въ нихъ зажженную

сѣру, засыпали глаза имъ известью. Съ разсвѣтомъ непріятель отступилъ съ большимъ урономъ, ничего не добившись. Осажденные въ свою очередь выскочили изъ воротъ и ударили на отступавшихъ и захватили нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. На слѣдующій день Сапѣга пытался, было, повторить приступъ, но опять безуспѣшно. Этимъ и кончились попытки поляковъ силой овладѣть Троицкой лаврой. Въ январѣ 1610 года они принуждены были и вовсе снять осаду.

Доблестная оборона обители въ теченіе 16 мѣсяцевъ показала блестящій примѣръ того, что можетъ сдѣлать горсть людей, одушевленныхъ высокимъ чувствомъ. Примѣръ этотъ вдохнулъ лучшимъ русскимъ людямъ новыя силы на защиту православной вѣры и родной земли.

Въ іюлѣ 1610 года царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ низведенъ съ престола. Смуты въ Московскомъ государствѣ послѣ этого увеличились еще болѣе. Бояре предложили русскій престолъ Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда III. Москва присягнула чужеземному королевичу. Напрасно патріархъ Гермогенъ настаивалъ на избраніи русскаго, православнаго царя. Напрасно доблестный митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ говорилъ народу:

«Не прельщайтесь! Мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленье надъ Московскимъ государствомъ: король хочетъ имъ завладѣть, а нашу истинную христіанскую, православную вѣру разорить и свою латинскую утвердить».

27 августа 1610 года поляки измѣною были впущены въ Москву, будто бы для усмиренія мятежной черни. Мнимые усмирители стали укрѣпляться въ Кремлѣ.

Враги земли Русской торжествовали: столица была разорена, Смоленскъ и цѣлыя области находились въ рукахъ поляковъ, Новгородъ захваченъ былъ шведами, шайки граби-

телей бродили по государству. Твердый голосъ патріарха Гермогена замолкъ: поляки засадили опаснаго для нихъ святителя въ темницу, гдѣ уморили голодомъ. Государство, казалось, находилось на краю гибели.

Но въ это-то трудное время Троицкая лавра много послужила отечеству. Съ разныхъ сторонъ въ обитель приходили больные, голодные, раненые и находили здѣсь помощь и пріютъ. Архимандритъ Діонисій, заступившій мѣсто Іоасафа, приказалъ устроить въ монастырскихъ слободахъ больницы и странноприимные дома, а братія рѣшилась питаться овсянымъ хлѣбомъ, чтобы ржаную и пшеничную муку сберегать для больныхъ. Кромѣ того изъ монастыря посылали людей отыскивать по окрестнымъ лѣсамъ и дорогамъ изнемогшихъ отъ ранъ и приводить ихъ въ монастырь, а также и погребать мертвыхъ.

Но этого еще мало. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались поддержать упавшій духъ народа, который не видѣлъ конца смутамъ, и неутомимо разсылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая народъ на защиту православной вѣры и отечества. Вотъ какія грамоты разсылались Діонисіемъ.

«Православные христіане! Вспомните истинную, православную вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ Святую Троицу. Возложите упованіе на силу Креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства—польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи

образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все-ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Смилуйтесь, ратными людьми и казною помогите!»

И эти увѣщанія не пропали даромъ. Измученный, разоренный народъ русскій отозвался на призывъ Троицкой обители и ополчился на иноземцевъ. Первыми поднялись нижегородцы, за ними всѣ другіе. Нижегородцевъ поднялъ мясной торговецъ Кузьма Мининъ Сухорукъ. Человѣкъ онъ былъ благочестивый и горячо любилъ родную землю. Три раза во снѣ ему являлся святой Сергій и приказывалъ собрать ратныхъ людей для избавленія Москвы отъ враговъ. Когда-же въ Нижній Новгородъ пришла троицкая грамота изъ Лавры, Мининъ сообщилъ согражданамъ о явленіи угодника Божія, при чемъ сказалъ:

«Продадимъ все имущество наше, заложимъ женъ и дѣтей, да выкупимъ отечество!»

«Готовы животъ свой положить за родину!» — отвѣчали нижегородцы.

Собраны были деньги, собрано было войско, выбранъ храбрый воевода князь Пожарскій. Неподалеку отъ Лавры, на горѣ Волкушѣ, архимандритъ Діонисій, совершивъ молебствіе, благословилъ Пожарскаго и все христолюбивое воинство идти на поляковъ за вѣру и отечество. Келарь Авраамій пошелъ вмѣстѣ съ ними и много содѣйствовалъ успѣшному освобожденію Москвы. 25 октября 1612 года отворились всѣ кремлевскія ворота и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестами и иконами въ рукахъ шло духовенство, во главѣ котораго былъ доблестный Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ былъ торжественно благодарственный молебенъ.

21 Февраля 1613 года русскіе люди соборомъ, при гром-

кихъ радостныхъ крикахъ, выбрали себѣ въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова, родоначальника нынѣ благополучно царствующаго дома Романовыхъ. Авраамій Палицынъ собиралъ голоса при избраніи царя земскимъ соборомъ; онъ же повѣстилъ съ лобнаго мѣста народъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и участвовалъ въ посольствѣ отправленномъ къ вновь избранному государю. Проѣзжая въ Москву, царь пробылъ недѣлю въ Троицкой обители, готовясь молитвами къ трудному дѣлу правленія.

Вскорѣ обитель оправилась отъ вреда, нанесеннаго ей непріятелемъ: стѣны и башни ея были исправлены, сгорѣвшія и разрушенныя келліи перестроены, и приписанные къ ея владѣніямъ крестьяне стали собираться и понемногу устраиваться.

Не смотря на пользу, которую принесъ архимандритъ Діонисій своему отечеству,—онъ былъ обвиненъ въ ереси, вслѣдствіе попытки исправить требникъ отъ погрѣшностей, вкравшихся въ него. Послѣ разныхъ пытокъ и униженій, его заточили въ Новоспасскомъ монастырѣ и только по возвращеніи митрополита Филарета изъ польскаго плѣна, Діонисій оправдался на соборѣ, созванномъ по этому случаю въ Москвѣ, и могъ удалиться въ свою обитель.

Государи продолжали искать въ стѣнахъ монастырскихъ успокоеніе, нравственной поддержки, а иногда и защиты. Алексѣй Михайловичъ приносилъ въ обители св. Сергія благодареніе Богу за побѣду надъ поляками. Правительница Софья, съ царями Іоанномъ V и Петромъ скрылась въ этотъ монастырь, узнавъ о возмущеніи Хованскаго.

Петръ Великій два раза искалъ убѣжища въ этой обители: первый разъ вмѣстѣ съ Софьей, когда одинъ изъ стрѣльцовъ чуть не убилъ его въ самомъ алтарѣ одной изъ церквей монастырскихъ; другой разъ,—онъ прискакалъ въ

Лавру въ 6 часовъ утра, 8 августа 1689 года, узнавъ о замыслѣ стрѣльцовъ на свою жизнь. Усталый и разстроенный, семнадцатилѣтній Петръ бросился на постель, какъ только вошелъ въ свои покои, и, заливаясь слезами, разсказалъ прибѣжавшему архимандриту Викентію о заговорѣ Шакловитаго и угрожающей ему опасности, прося у настоятеля защиты. Въ этотъ же день собрались въ монастырь мать государя, Наталья Кирилловна, его жена, сестра и разныя придворныя, преданныя ему лица.

Крѣпкія стѣны обители, защитивъ Петра отъ враговъ его, помогли ему рѣшительно дѣйствовать въ дѣлѣ царевны Софьи и стрѣльцовъ. Отсюда онъ вытребовалъ Шакловитаго, Голицына и другихъ заговорщиковъ; отсюда онъ писалъ старшему брату Іоанну о необходимости удалить Софью отъ правленія, отсюда пришло повелѣніе заточить ее въ Новодѣвичій монастырь.

Въ монастырѣ былъ пытанъ и казненъ Шакловитый съ его сообщиками; тутъ же было рѣшено сослать въ Пустозерскъ В. В. Голицына; словомъ надежныя стѣны монастыря помогли Петру уничтожить враговъ и утвердиться на престолѣ, вслѣдствіе чего онъ оказывалъ постоянное покровительство этому монастырю и хотя и пользовался часто его богатствами (взялъ изъ него около 200,000 рублей), но оставилъ монастырь на особомъ положеніи: у него не были отписаны вотчины, какъ это было сдѣлано съ прочими монастырями, не былъ ограниченъ въ немъ штатъ иноковъ и пр.

Анна Іоанновна завела въ монастырѣ семинарію, въ которой обучали дѣтей духовныхъ и церковныхъ служителей. Въ 1744 году за Троицкимъ монастыремъ утверждено наименованіе Лавры.

Изъ архимандритовъ Троицкой Лавры особенно замѣчателенъ по своему уму и образованію Платонъ Левшинъ,

назначенный въ 1787 году митрополитомъ московскимъ. Онъ постоянно заботился объ устройствѣ и украшеніи Троицкой обители, перестроилъ и отдѣлалъ многія зданія, пришедшія въ ветхость, украсилъ живописью внутренность Троицкаго собора и построилъ ризницу, въ которую перенесъ всѣ монастырскія сокровища, и теперь въ ней хранящіяся. Его содѣйствіемъ былъ сдѣланъ замѣчательный покровъ на престолъ, который оцѣненъ въ полтора милліона рублей. Кромѣ того, имъ основанъ Виѳанскій монастырь, въ трехъ верстахъ отъ Лавры.

Собирая сокровища въ свою ризницу, обитель охотно жертвовала изъ нихъ отечеству, въ тяжелыя для него времена. Такъ, въ 1812 году, Платонъ доставилъ правительству болѣе 100,000 рублей. И въ то время, когда Москву покидали несчастные жители, онъ явился въ нее, чтобы благословить русскія войска на борьбу съ вторгнувшимся въ средину Россіи врагомъ.

Въ настоящее время монастырь имѣетъ слѣдующій видъ. Онъ обнесенъ каменною стѣною съ десятью высокими старинными башнями и четырьмя воротами; стѣна въ окружности имѣетъ болѣе версты, толщиною въ три сажени, вся покрыта желѣзомъ; по ней въ празднества совершаются торжественные крестные ходы.

Древнѣйшее зданіе Лавры — соборный храмъ Пресвятой Троицы, построенный изъ бѣлаго камня преподобнымъ Никономъ, ученикомъ св. Сергія и вторымъ игуменомъ обители. Въ иконостасѣ, по правую сторону царскихъ вратъ, чудотворный образъ Живоначальныя Троицы, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями Борисомъ Годуновымъ, въ 1600 году. Надъ южною дверью алтаря помѣщается складная икона явленія Пресвятой Богородицы преподобному Сергію; икона устроена изъ верхней доски гроба преподобнаго;

ее русскіе цари брали съ собою въ походы, какъ вѣрный щитъ отъ бѣдъ. Во время отечественной войны съ французами этотъ образъ былъ посланъ митрополитомъ Платономъ къ Государю Императору Александру Павловичу для врученія православному воинству. Въ послѣднюю турецкую войну въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Николаевичу, при Его посѣщеніи Лавры, угодно было принять чудотворную икону изъ рукъ митрополита Иннокентія и препроводить въ дѣйствующую армію.

У южной стѣны, вблизи иконостаса, покоятся чудотворныя мощи преподобнаго Сергія въ серебряной вызолоченной ракѣ, пожертвованной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, а около этой раки императрицей Анной Іоанновной сдѣлана другая, также серебряная, съ сѣнью на четырехъ столбахъ. Передъ мощами виситъ много дорогихъ лампадъ и горитъ множество свѣчъ.

На желѣзной двери, ведущей въ южный притворъ, видна пробоина отъ ядра, полученная во время осады Лавры поляками. Поврежденная икона св. Николая находится въ притворѣ Троицкаго собора.

Противъ раки преподобнаго Сергія, въ шкафѣ, за стекломъ, хранятся два образа изъ кельи преподобнаго: Пресвятой Богородицы и святителя Николая; тутъ же хранится его схима, священническая риза, епитрахиль, поручи, а также ножъ и ложка; въ возглавіи у раки — деревянный посохъ Сергія.

Съ южной стороны Троицкаго собора, гдѣ была деревянная келлія преподобнаго Сергія и гдѣ было ему видѣніе Божіей Матери съ двумя апостолами, нынѣ устроена часовня. Здѣсь находится икона, изображающая это явленіе, а въ ковчегѣ хранится камень отъ Гроба Господня и часть мощей преподобнаго Стефана. Здѣсь же почиваетъ архимандритъ

Діонисій, спасавшій отечество отъ поляковъ. (Его сподвижникъ, келарь Авраамій Палицынъ, кончилъ дни свои, по обѣщанію, въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ).

Противъ часовни церковь преподобнаго Никона, гдѣ въ гробницѣ, покрытой серебромъ, почиваютъ и мощи его.

Неподалеку отъ Троицкаго Собора построена изъ кирпича церковь Сошествія Св. Духа. Иконостасъ въ ней сдѣланъ изъ розоваго дерева въ три ряда. О благолѣпіи этого храма много заботился архимандритъ Лавры, московскій митрополитъ Платонъ.

Близъ церкви Сошествія Св. Духа, въ храмѣ Филарета Милостиваго, покоится тѣло другого знаменитаго архимандрита Лавры, митрополита Филарета, скончавшагося 19 ноября 1867 года. Святитель Филаретъ много заботился о благоустройствѣ Лавры, устроилъ больницу для приходящихъ, домъ призрѣнія для больныхъ и безпомощныхъ, училище иконописанія и обученія разнымъ ремесламъ.

По величинѣ замѣчателенъ Успенскій пятиглавый соборъ, воздвигнутый среди Лавры. Далѣе—церковь во имя преподобнаго Сергія съ огромной трапезой, гдѣ обѣдаютъ монахи.

Выше всѣхъ зданій поднимается колокольня; она увѣнчана крестомъ, видомъ своимъ напоминающимъ императорскую державу. Самый большой лаврскій колоколъ «царь» вѣситъ четыре тысячи пудовъ; во всей Россіи нѣтъ уцѣлѣвшаго колокола крупнѣе его: московскій царь-колоколъ въ 12,327 пудовъ разбитъ и стоитъ въ Кремлѣ на площади.

Возлѣ Троицкаго собора находится ризница, въ которой хранится много древнихъ вещей. Ризница Троицкой лавры богаче всѣхъ остальныхъ; она расположена въ четырехъ палатахъ. Изъ древнихъ вещей здѣсь можно видѣть ризу преподобнаго Сергія изъ простой грубой ткани, крестъ, присланный ему константинопольскимъ патріархомъ, деревянные

потиръ и дискосъ, которые преподобный Сергій употреблялъ при служеніи, и кожаныя сандаліи, въ которыхъ онъ былъ погребенъ, риза преподобнаго Никона изъ бѣлой камки, его серебряное вызолоченное кадило и сосуды. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь хранится множество другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Есть вещи, подаренныя еще великими князьями московскими; хранятся сосуды, подаренные семействомъ Годуновыхъ; митра, унизанная жемчугомъ, съ драгоцѣнными камнями, изъ коихъ одинъ рубинъ оцѣненъ въ 30.000 р., – она пожалована императрицей Анной Іоанновной; трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ брилліантами и изумрудами, пожалованныя императоромъ Павломъ I митрополиту Платону; золотой посохъ, украшенный брилліантами, яхонтами и изумрудами, пожалованъ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ митрополиту Филарету; три настольные портрета Государей Императоровъ: Александра I, Николая I и Александра II, соединенные вмѣстѣ и осыпанные брилліантами; они Высочайше пожалованы митрополиту Филарету въ 1867 году. Много, много и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, перечислить и упомнить которыхъ нѣтъ возможности, хранится въ Троицкой ризницѣ.

Много замѣчательныхъ мѣстъ окружаютъ Лавру; изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ Виѳанскій монастырь, или Виѳанія, основанный митрополитомъ Платономъ. Преображенскій соборъ этой обители отличается оригинальной архитектурой. Внутри церкви сдѣлана искусственная гора, на подобіе Ѳавора, на которой въ память Преображенія Господня построенъ небольшой храмъ; гора убрана мохомъ, кустарникомъ, цвѣтами и даже маленькими животными; съ правой стороны идетъ входъ ко храму по лѣстницамъ, прикрытымъ выпуклостями горы, а по срединѣ проложены ступеньки, въ видѣ извивающейся тропинки, къ самымъ царскимъ вратамъ верхняго храма. Внутри горы

устроенъ другой алтарь въ память Лазарева Воскресенія, бывшаго въ Виѳаніи; верхній храмъ заключаетъ въ себѣ много рѣдкостей между иконами и утварью церковной; но вмѣстѣ съ съ изяществомъ отличается и простотой.

Вся дорога отъ Москвы до Троицы усѣяна памятниками прошлаго.

Въ селѣ Ростокинѣ народъ встрѣчалъ Іоанна Грознаго, когда тотъ возвращался побѣдителемъ изъ Казани.

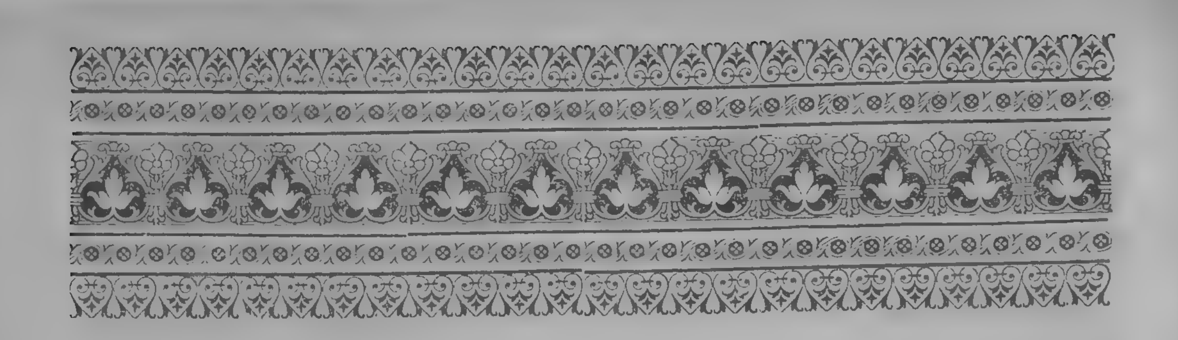
Въ селеніи Братовщинѣ останавливались на перепутьи наши цари, во время своихъ походовъ на поклоненіе святому Сергію; тутъ находился ихъ лѣтній дворецъ съ вышками, а также дворцы императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины Великой. Въ Братовщинѣ встрѣтили бояре и народъ избраннаго ими на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, ѣхавшаго въ Москву, послѣ усердной молитвы у гроба преподобнаго Сергія.

Недалеко отъ Лавры находится Хотьевъ монастырь, въ которомъ покоятся мощи родителей преподобнаго Сергія.

На горѣ Волкушѣ архимандритъ Діонисій благословилъ войска, шедшія на освобожденіе Москвы съ Пожарскимъ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Лавры находится село Деулино, въ которомъ заключенъ былъ договоръ съ польскимъ королемъ Владиславомъ (въ 1618 году), по которому онъ отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ.

Сотни тысячъ богомольцевъ ежегодно стекаются къ ракѣ Основателя Лавры; русскіе Государи народъ съ одинаковыми чувствами благоговѣнія прибѣгаютъ къ преподобному Сергію, ища у его гроба утѣшенія въ скорбяхъ и печаляхъ, ободренія и подкрѣпленія своимъ силамъ.



III. Соловецкій монастырь.

На далекомъ сѣверѣ, среди Бѣлаго моря, въ 300 верстахъ отъ Архангельска, лежитъ группа Соловецкихъ острововъ: Анзерскій, два Муксольмскихъ, Заячьи и собственно Соловецкій.

Соловецкій островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ, а въ ширину 15 верстъ. Островъ покрытъ небольшими холмами и множествомъ (до 300) озеръ. Большую часть года онъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ; въ продолженіе короткаго лѣта здѣсь не бываетъ и тридцати ясныхъ дней; солнце хотя и свѣтитъ 22 часа въ день, но ходитъ низко и смотритъ очень печально. Оттого и деревья здѣсь невелики и искривлены, и природа такъ уныла, что грусть сама ложится на сердце. Кто любитъ покаяніе и желаетъ плакать о грѣхахъ своихъ, тому очень способствуетъ здѣшняя мѣстность, наводящая грусть и тоску, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма привлекательная своимъ грознымъ величіемъ. При концѣ длиннаго залива, вдавшагося съ юго-западной стороны, стоитъ знаменитая, величественная Соловецкая обитель, основанная около 1429 года тремя святыми старцами — Германомъ, Савватіемъ и Зосимою, изъ которыхъ послѣдній болѣе другихъ потрудился для устройства обители.

На сѣверѣ Руси, при многолюдномъ и разсѣянномъ населеніи, возникъ обычай въ нѣкоторыхъ деревняхъ строить деревянныя часовни съ образами, гдѣ народъ молился за неимѣніемъ церквей. Иногда въ такую часовню пріѣзжалъ издалека священникъ или іеромонахъ съ святыми дарами, исповѣдывалъ и причащалъ народъ. Близъ такой часовни обыкновенно проживалъ какой нибудь благочестивый старецъ, внушавшій къ себѣ уваженіе своимъ постничествомъ и благочестіемъ.

У одной изъ такихъ часовенъ, при устьи рѣки Выга, на мѣстѣ, называемомъ Сороки, жилъ старецъ, по имени Германъ, который прежде бывалъ на Бѣломъ морѣ и зналъ Соловецкій островъ, или Соловки, куда жители поморья пріѣзжали лѣтомъ ловить рыбу.

Къ этому старцу, послѣ многихъ лѣтъ его уединенной жизни, прибылъ другой старецъ; имя ему Савватій. Происхожденіе его неизвѣстно. Въ княженіе великаго князя Московскаго, Василія I Васильевича, онъ подвизался въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Своими благочестивыми подвигами онъ скоро пріобрѣлъ тамъ всеобщее уваженіе, которое сильно тяготило смиреннаго старца. Желая избѣжать людской молвы, Савватій удалился въ Валаамскій монастырь, въ которомъ иноки отличались чрезвычайнымъ постничествомъ и терпѣніемъ въ лишеніяхъ. Савватій пожилъ тамъ нѣсколько времени и задумалъ, по примѣру многихъ подвижниковъ, уйти въ совершенное уединеніе и вести «безмолвное» житіе. Онъ направился къ сѣверу и сошелся съ Германомъ. Узнавши отъ него о Соловецкомъ островѣ, онъ подалъ ему мысль идти вдвоемъ на отшельническій подвигъ. Жители поморья отговаривали его:

— «Чѣмъ ты, старецъ, будешь тамъ питаться? Во что будешь одѣваться? Какъ ты проживешь такъ далеко отъ людей, будучи нищъ и дряхлъ?

Подвижникъ отвѣчалъ на это:

— «У меня такой владыка, который можетъ и старцу дряхлому дать такія силы, какими отличаются юноши. Онъ можетъ и убогихъ обогатить, и нищимъ дать все для нихъ потребное, и голодныхъ напитать самою малою пищею, какъ нѣкогда Онъ пятью хлѣбами насытилъ въ пустынѣ пять тысячъ человѣкъ»

Слыша это, одни удивлялись разуму старца, а другіе смѣялись надъ нимъ.

Сдѣлавъ лодку и положивъ въ нее съѣстныхъ припасовъ, заступъ и топоръ, старцы отправились въ море. Достигши Соловецкаго острова, они нашли въ верстѣ отъ моря, близъ озера, мѣсто, очень удобное для жилья. Здѣсь прежде всего они водрузили въ землю деревянный крестъ, а потомъ соорудили себѣ убогую келлію. Жизнь они вели благочестивую и богоугодную, непрерывно молясь Господу, трудясь и въ потѣ лица своего снискивая себѣ постническую пищу.

Немного спустя одинъ рыбакъ съ женою своею и со всѣмъ домомъ своимъ приплылъ на Соловецкій островъ и поселился неподалеку отъ того мѣста, гдѣ подвизались преподобные Германъ и Савватій. Но Господь не потерпѣлъ нарушенія тишины на безмолвномъ островѣ; по Его волѣ рыбакъ, поселившійся вблизи отшельниковъ, скоро долженъ былъ удалиться съ острова. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Разъ поутру, въ воскресенье, Савватій, по обычаю, вышелъ покадить крестъ и услышалъ, что жену рыбака кто-то сильно хлещетъ прутьями и она громко плачетъ. Германъ поспѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло, и женщина сказала ему:

— «Два бѣлые юноши поймали меня, когда я шла на озеро къ мужу, и начали стегать, говоря: «уйдите съ этого мѣста! вы недостойны здѣсь жить, потому что Господь устроилъ здѣсь жительство для однихъ иноковъ. Бѣгите, иначе

скорая смерть постигнетъ васъ». Послѣ этого свѣтлые юноши скрылись».

Узнавъ объ этомъ, рыбакъ со всей семьей удалился съ острова въ то селеніе, гдѣ жилъ раньше. Послѣ этого никто уже не осмѣливался селиться на Соловецкомъ островѣ; одни только рыбаки иногда посѣщали его и то не надолго.

Черезъ нѣсколько времени Германъ удалился на твердый берегъ къ рѣкѣ Онегѣ, а Савватій остался на островѣ одинъ. Такъ прожилъ онъ въ безмолвіи около шести лѣтъ. Почувствовавъ приближеніе кончины, Савватій, осенью, одинъ переплылъ въ лодкѣ море и присталъ къ устью Выга, гдѣ была часовня. Здѣсь встрѣтилъ онъ игумена Наѳанаила, ѣздившаго со Святыми Дарами по деревнямъ. Разспросивъ другъ друга, они оба обрадовались: одинъ радъ былъ видѣть такого пустынника, о которомъ слышалъ ранѣе, а другой благодарилъ Бога, пославшаго то, чего давно жаждала душа его.

— «Прошу тебя, отче»,—просилъ игумена Савватій:— «развяжи меня отъ грѣховъ, съ которыми я связанъ отъ юности словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, и причасти меня тѣла и крови Владыки моего; давно желаетъ душа моя насытиться этой Божественной пищи!»

Наѳанаилъ исполнилъ просьбу Савватія и просилъ его подождать у часовни до утра, пока онъ сходитъ съ причастіемъ къ больному.

Долго и усердно молился Савватій въ часовнѣ, и войдя въ келлію при ней, началъ готовиться къ смерти. Прибывшій утромъ игуменъ Наѳанаилъ нашелъ его уже усопшимъ. Вмѣстѣ съ случившимся здѣсь новгородскимъ купцомъ Иваномъ, Наѳанаилъ предалъ землѣ тѣло подвижника. Скончался Савватій 27 сентября (1435 г.), въ каковой день доселѣ празднуется память его.

Мощи преподобнаго Савватія сначала почивали нѣ-

которое время около часовни при рѣкѣ Выгѣ, гдѣ скончался преподобный. Но потомъ, когда на Соловецкомъ островѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ подвизался Савватій, создалась обитель, то честное тѣло его было перенесено на излюбленный имъ островъ. Здѣсь оно было положено въ землю за алтаремъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Многіе больные, притекавшіе съ вѣрою ко гробу преподобнаго Савватія, получали исцѣленіе по молитвамъ этого святого угодника Божія.

— Между тѣмъ Германъ перешелъ на устье рѣки Сумы и тамъ поселился. Тутъ пришелъ къ нему новый подвижникъ,—это былъ Зосима.

Преподобный Зосима Соловецкій былъ родомъ изъ селенія Толвуя, на берегу Онежскаго озера. Родители его Гавріилъ и Варвара, были благочестивые христіане и тщательно заботились о воспитаніи своего сына, который, благодаря этимъ заботамъ, рано научился грамотѣ, былъ тихъ, смиренъ и кротокъ. Будучи еще молодымъ, онъ лишился родителей и роздалъ нищимъ все свое имѣніе, а самъ обрекъ себя на пустынное житіе.

Скитаясь по сѣвернымъ странамъ, онъ нашелъ Германа и, услышавши отъ него о Соловецкомъ островѣ, уговорилъ его опять идти съ нимъ туда. Прибывъ на островъ, (около 1436 года), Зосима и Германъ поставили себѣ хижину въ которой сотворили всенощное бдѣніе, воспѣвая псалмы Давидовы и моля Господа и Пресвятую Богородицу, да ниспошлютъ имъ помощь къ подвижническому житію. На слѣдующее послѣ сего утро преподобный Зосима, выйдя изъ хижины, увидалъ надъ нею необыкновенный свѣтъ и на воздухѣ церковь. По разъясненію преподобнаго Германа видѣніе это означало, что Соловецкій островъ назначается Самимъ Богомъ

для пребыванія иноковъ. Обрадованный чудеснымъ видѣніемъ, Зосима вмѣстѣ съ Германомъ принялся за построеніе келлій.

Мало-по-малу повсюду разносилась молва о Зосимѣ, подвижникѣ Соловецкомъ, и къ нему стали приходить многіе, желавшіе достигнуть спасенія усиленными благочестивыми подвигами. Всѣхъ таковыхъ преподобный Зосима принималъ съ радостью и любовью. Приходившіе подвизаться на Соловецкій островъ сами строили себѣ келліи, время проводили въ постѣ и молитвѣ, трудами рукъ своихъ пріобрѣтая себѣ пропитаніе. Когда увеличилось число соловецкихъ подвижниковъ, преподобный Зосима создалъ церковь во имя Преображенія Господня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему было нѣкогда видѣніе. Послѣ того преподобный Зосима послалъ одного изъ соловецкой братіи къ Новгородскому архіепископу Іонѣ, дабы испросить у него антиминсъ, церковную утварь для новой церкви и игумена для обители. Святитель преподалъ благословеніе новой обители и прислалъ на Соловецкій островъ въ качествѣ игумена іеромонаха Павла съ антиминсомъ для новосозданнаго храма Преображенія Господня. Такъ началась пречестная обитель Соловецкая.

Для содержанія своего братіи рубили дрова, копали подъ огородъ землю, ловили въ озерахъ и заливахъ рыбу, доставали изъ озеръ соль; послѣднюю продавали они и постороннимъ людямъ, которые стали ѣздить на островъ и привозили взамѣнъ соли хлѣбъ. Пріобрѣтая трудами рукъ средства къ жизни, иноки, по наставленію и примѣру Зосимы, ревностно славили Бога въ храмѣ и довольны были малымъ.

Между тѣмъ присланный новгородскимъ святителемъ игуменъ Павелъ не долго жилъ въ такой глубокой пустынѣ и вскорѣ возвратился въ Новгородъ. Присланный на его мѣсто Ѳеодосій пожилъ въ Соловецкомъ монастырѣ тоже не долго, и уѣхалъ обратно. Тогда братія рѣшила избрать игу-

неномъ Зосиму, не смотря на его отказъ, новгородскій владыка призвалъ его къ себѣ и убѣдилъ принять священство и санъ игумена (около 1452 года). Тогда многіе изъ новгородскихъ бояръ пожертвовали въ новый монастырь серебряные сосуды, богатыя церковныя ризы и съѣстные припасы.

Замѣчательно первое служеніе литургіи преподобнымъ Зосимою въ своемъ монастырѣ: лицо его было свѣтло, какъ лицо ангела,—такъ исполненъ былъ онъ благодати Божіей! Также всѣмъ было слышно необыкновенно пріятное благоуханіе въ церкви, лучше всякаго ладану.

Случилось и еще одно знаменіе благодати Божіей въ преподобномъ. Въ обители привелось быть двумъ купцамъ, которые получили послѣ литургіи просфору отъ игумена и, по неосторожности, обронили ее за оградою монастыря. Собака, находившаяся тутъ, бросилась на просфору, но никакъ не могла схватить ее, потому что изъ нея выскакивало сильное пламя. Монахъ Макарій увидѣлъ это издали, подошелъ, но кромѣ просфоры не нашелъ тутъ ничего. Поднявъ, онъ отнесъ ее къ игумену и разсказалъ о видѣнномъ,—и всѣ братіи радовались о чудномъ и богоугодномъ своемъ отцѣ.

Между тѣмъ братія Соловецкаго монастыря день ото дня все болѣе и болѣе росла и увеличивалась. Наконецъ, число ея такъ увеличилось, что малая церковь Преображенія Господня не вмѣщала уже всѣхъ иноковъ. Поэтому преподобный Зосима рѣшился построить новый, болѣе обширный храмъ Преображенія, который и былъ доведенъ имъ до конца. Впослѣдствіи былъ построенъ другой обширный храмъ въ честь Успенія Пресвятой Богородицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставлено было много новыхъ келлій, такъ что Соловецкій монастырь значительно расширился и распространился.

Заботясь о внѣшнемъ устройствѣ своей обители, преподобный не менѣе ревностно заботился и объ устроеніи ея



Соловецкій монастырь.

внутренняго быта. Постановивъ непремѣннымъ правиломъ для нея общежитіе, Зосима внушалъ монастырской братіи вести жизнь иноческую такъ, какъ заповѣдали великіе отцы общежитія: не желать и не искать ничего для себя, а заботиться только объ общемъ покоѣ; въ храмѣ стоять со страхомъ Божіимъ, не сходить съ мѣста до совершеннаго окончанія службы; въ трапезѣ сохранять молчаніе и благоговѣйно внимать назидательному чтенію. Далѣе, всѣ рѣшительно иноки должны были ѣсть и пить непремѣнно въ трапезѣ, въ келліи же позволялось носить кушанья только для больныхъ. Никакого дохода не полагалось не только простымъ инокамъ, но даже и іеромонахамъ. Все-же нужное каждый получалъ изъ монастырской казны. Такъ устроена была преподобнымъ Зосимою жизнь соловецкихъ иноковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого въ томъ, что далеко разносившіеся слухи о высокой духовной жизни Зосимы привлекли на островъ ревнителей вѣчнаго спасенія со всѣхъ сторонъ. Приходили священники, діаконы, причетники, иноки и мірскіе люди, желая жить съ преподобнымъ и пользоваться наставленіями его; старецъ принималъ ихъ съ радостью и любовью.

Когда, такимъ образомъ, Соловецкая обитель значительно увеличилась и получила прочное устройство, Зосимѣ и нѣкоторымъ другимъ изъ братіи монастырской пришла мысль перенести на островъ тѣло Савватія, подвизавшагося здѣсь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Зосима слышалъ о немъ отъ Германа, но никто не зналъ, гдѣ онъ похороненъ. Но неожиданно кирилло-бѣлозерскій игуменъ извѣстилъ ихъ объ этомъ, узнавши о кончинѣ Савватія отъ того новгородскаго купца Ивана, которому вмѣстѣ съ Наѳанаиломъ случилось похоронить преподобнаго. Самъ Зосима отправился на Выгъ, открылъ тѣло Савватія и перевезъ его на Соловецкій островъ. Мощи преподобнаго Савватія не только оказались нетлѣнны-

ми, но источали изъ себя благовонное мѵро. Онѣ были положены за алтаремъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы.

Не избѣгъ Соловецкій монастырь столкновеній съ прибрежными жителями. Въ то время приморскою страной владѣли новгородцы. Монастырь считалъ островъ своимъ достояніемъ, а слуги новгородскихъ бояръ изъявляли на него свои незаконныя притязанія. Эти слуги боярскіе нерѣдко приходили на островъ и ловили тамъ рыбу въ озерахъ, на монастырскую же потребу ловить отнюдь не позволяли, говоря, что господа ихъ — владѣтели этого острова. При этомъ они настолько были дерзки, что осмѣливались унижать преподобнаго Зосиму и другихъ Соловецкихъ иноковъ безчестными словами и даже грозили разорить монастырь и разогнать оттуда иноковъ. Особенно дерзки и грубы были служители главной боярыни новгородской, вдовы посадника, Маѳы Борецкой. Тогда преподобный Зосима, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ своихъ, отправился въ Великій Новгородъ къ архіепископу Ѳеофилу просить помощи и защиты отъ обидчиковъ и притѣснителей.

По совѣту архіепископа, Зосима долженъ былъ самъ обходить главныхъ бояръ, и шесть изъ нихъ обѣщали оказать помощь Соловецкому монастырю. Когда же онъ пришелъ къ боярынѣ Маѳѣ жаловаться на ея людей, она не приняла его и велѣла прогнать. Терпѣливо перенося такое безчестіе. Зосима покачалъ головою и сказалъ сопровождавшимъ его ученикамъ:

— «Скоро наступятъ дни, когда обитатели дома сего не будутъ ходить болѣе по двору его; затворятся двери дома и болѣе уже не отворятся, дворъ же заростетъ травой».

И въ скоромъ времени эти пророческія слова святого старца исполнились на дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ владыка Ѳеофилъ выхлопоталъ ему

грамоту на владѣніе островомъ за восемью печатями: владыки, посадника, тысяцкаго и пяти концовъ Великаго Новгорода. Кромѣ того бояре новгородскіе поднесли Зосимѣ богатые дары: церковные сосуды, священническія одежды, золото, серебро и большое количество хлѣба, при чемъ дали обѣщаніе и на будущее время помогать Соловецкому монастырю. Тогда раскаялась и Марфа посадница; отъ многихъ людей она услышала о благочестивой жизни преподобнаго Зосимы.

— «Я напрасно на него гнѣвалась»,—сказала она,— «мнѣ наговорили, что онъ отчину мою отнимаетъ».

— Она послала просить прощенія у Зосимы и умоляла его прибыть къ ней въ домъ на обѣдъ. Преподобный согласился.

Марфа по этому поводу устроила пиръ и назвала гостей. Она встрѣтила преподобнаго съ большимъ уваженіемъ, приняла отъ него благословеніе вмѣстѣ съ сыновьями и дочерьми. Марфа посадила Зосиму на первое мѣсто. Вдругъ, посреди пира, Зосима взглянулъ на шестерыхъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, затрепеталъ и заплакалъ. Можно было понять, что онъ видѣлъ что-то страшное. Онъ болѣе не принималъ пищи. По окончаніи стола Марфа еще разъ просила у него прощенія, завѣщала ему молить Бога за нее и за дѣтей, поднесла ему дары и пожертвовала на монастырь свою деревню на рѣкѣ Сумѣ. Зосима простилъ Марфу, благодарилъ ее, но былъ очень грустенъ.

По выходѣ изъ дома Мареы, одинъ ученикъ, по имени Даніилъ, спросилъ его:

— «Отче! что значитъ, что ты, взглянувши на бояръ, ужасался, плакалъ и не вкушалъ пищи?»

— «Я видѣлъ страшное видѣніе»,—сказалъ Зосима:— Шестеро этихъ бояръ сидѣли за трапезою, а головъ на нихъ

не было; и въ другой разъ я взглянулъ на нихъ и тоже увидѣлъ, и въ третій разъ взглянулъ — и все то же. Съ ними сбудется это въ свое время, ты самъ еще увидишь это, но никому не разглашай неизрѣченныхъ судебъ Божіихъ!»

Одинъ изъ обѣдавшихъ у Мароы бояръ, по имени Памфилій, пригласилъ Зосиму къ себѣ на другой день обѣдать. Онъ также замѣтилъ смущеніе Зосимы за столомъ у Мароы и спрашивалъ о причинѣ. И ему открылъ преподобный тайну видѣнія. Памфилій принялъ иночество, убѣгая отъ бѣды, угрожавшей Великому Новгороду.

Послѣ того преподобный Зосима возвратился въ свою обитель съ грамотою на владѣніе островомъ и со многими подарками. Черезъ нѣсколько времени въ уединенную обитель Зосимы дошла вѣсть, что великій князь Московскій Іоаннъ III Васильевичъ, прійдя въ Новгородъ съ большимъ войскомъ, предалъ смерти нѣкоторыхъ изъ непокорныхъ бояръ и между прочимъ обезглавилъ тѣхъ шестерыхъ бояръ, которыхъ Зосима на пиру у боярыни Мароы видѣлъ сидящими безъ головъ. Мароа же со своими дѣтьми сослана была въ заточеніе въ Нижній Новгородъ; имѣніе ея было разграблено, а домъ остался пустъ. Такимъ образомъ, исполнилось предсказаніе Зосимы, изреченное имъ тогда, когда онъ съ безчестіемъ былъ изгнанъ Мароою.

Это пророчество и видѣніе преподобнаго Зосимы описаны въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Видѣніе св. Зосимы.

(Сказаніе).

1.

Давно, надвигаясь тяжелою тучей,
Грозила бѣда Новгородской землѣ,

И все предвѣщало ударъ неминучій.
Не разъ уже слышался ночью въ Кремлѣ
Какой-то таинственный звонъ колокольный,
Сорвало съ соборнаго купола крестъ
Порывами бури, и въ страхѣ, невольно
Всѣ ждали чего—то. Носились окрестъ
Зловѣщіе слухи; на древней гробницѣ
Усопшихъ святителей—видѣли кровь,
И слыша о чудѣ, народъ вереницей
Стекался съ молитвой къ святынѣ, и вновь
Встревожились граждане вѣстью чудесной:
Во храмѣ икона Царицы Небесной
Явилась въ сіяньи блестящихъ лучей.
Исполненъ былъ ликъ Ея тяжкой печали,
И всѣ въ умиленьи и страхѣ взирали,
Какъ слезы струились изъ кроткихъ очей...
Невольно сердца поддавались смятенью,
И что-то зловѣщее, черною тѣнью,
Носилось подъ городомъ. Вскорѣ городъ
Узналъ о прибытьи святого Зосимы,
Угодника Божья. Вдали отъ заботъ
И радостей міра, то жаждой томимый,
То голодомъ лютымъ, въ тяжелыхъ трудахъ,
Среди добровольныхъ постовъ и лишеній,
Спасался отшельникъ. Въ дремучихъ лѣсахъ
Звучали молитвы, слова пѣснопѣній
Сливалися съ криками хищныхъ звѣрей,
И скоро о подвигѣ старца великомъ
Узнали въ народѣ, и много людей
Стекалось къ Зосимѣ; на островѣ дикомъ
Воздвиглась обитель трудами ихъ рукъ.
Молва пронеслася далеко вокругъ
О строгой ихъ жизни, и вотъ приношенья
Полились во храмѣ обильной рѣкой.
Но стала обитель терпѣть притѣсненья
Отъ смутъ новгородскихъ, и старецъ святой
Рѣшился искать въ Новѣградѣ защиты

И выслушать вѣча мірской приговоръ.
Къ бояринѣ Мареѣ, женѣ именитой,
На „чудный“ Борецкихъ посадниковъ дворъ,
Явился великій отшельникъ смиренно
Съ своимъ челобитьемъ, но Мареа надменно
Велѣла прогнать его прочь отъ палатъ.
И, грустно поникнувъ сѣдой головою,
Онъ бросилъ вокругъ себя горестный взглядъ
И тихо промолвилъ съ глубокой тоскою:
— „О, горе! Ужъ близки тѣ страшные дни,
Когда обитателей этого дома
Постигнетъ несчастье. Исчезнутъ они,
Заглохнетъ и слѣдъ ихъ, запрутся хоромы
И дворъ сей навѣки останется пустъ!“—
Такъ слово гласило пророческихъ устъ.

2.

Повѣривъ вначалѣ лихимъ наговорамъ
И хитрымъ навѣтамъ корыстныхъ людей,—
Раскаялась Мареа, и тяжкимъ укоромъ
Отшельника образъ явился предъ ней.
Тогда, чтобъ загладить свое заблужденье,
Она посылаетъ къ Зосимѣ гонцовъ,
Прося, умоляя его о прощеньи.
И вотъ на усердный боярыни зовъ
Явился въ хоромы ея преподобный.
Не помня обиды и дѣтски незлобный,
Вносилъ онъ съ собою прощенье и миръ.
Сіяли палаты. На пóчестный пиръ
Собралося много гостей именитыхъ;
На лавкахъ, коврами узорными крытыхъ,
Сидѣли бояре за званымъ столомъ.
И гостя встрѣчаетъ съ великимъ почетомъ
Боярыня Мареа въ чертогѣ своемъ;
Конца нѣтъ вниманью ея и заботамъ,
И тронутый старецъ душой умиленъ.
Но, словно предчувствіемъ тайнымъ томимый,

Печальнѣй, грустнѣе становится онъ...
И вдругъ—овладѣлъ преподобнымъ Зосимой
Несказанный ужасъ. Предъ старцемъ на мигъ
Явилось видѣнье средь шумнаго пира:
Въ туманѣ кровавомъ блистаетъ сѣкира...
Вотъ слышенъ глухой раздирающій крикъ...
И что-же онъ видитъ? Въ богатыхъ уборахъ,
За трапезой пышной сидятъ безъ головъ
Почетные гости!... Съ тоскою во взорахъ
Глядитъ онъ, какъ льется ручьями ихъ кровь...
Но вотъ онъ очнулся—трепещущій, блѣдный,
И хлынули слезы изъ старца очей!
Предвидя судьбу новгородскихъ людей,
Скорбѣлъ онъ, что скоро исчезнутъ безслѣдно
Величье и слава;—наслѣдье отцовъ,
Что смолкнетъ и кличъ новгородцевъ побѣдный,
А вольность замѣнятъ—оковы рабовъ.

* * *

Ударъ разразился. На сѣверѣ дикомъ
Узналъ преподобный, къ концу своихъ дней,
Ужасную вѣсть о погромѣ великомъ,
О тяжкихъ страданьяхъ отчизны своей.
Свершилась погибель и Мареина дома
Заглохли навѣки травою хоромы,
А дворъ былъ покинутъ—безлюденъ и пустъ...
Такъ сбылось сказанье пророческихъ устъ.

О. Чюмина.

Прошло 42 года труженической жизни преподобнаго на островѣ. Памятуя всегда о смерти, онъ самъ заблаговременно сдѣлалъ себѣ гробъ и непрестанно приготовлялъ себя къ смерти. Наконецъ, убѣленный сѣдинами старецъ, больной тѣломъ, изнемогшій отъ многихъ трудовъ и старости, созвалъ къ себѣ монастырскую братію и сказалъ:—«Чада и братія! Скоро я отойду отъ сей временной жизни, васъ же предаю

Всемилостивому Богу и Пречистой Богородицѣ. Скажите мнѣ, кого вы хотите имѣть послѣ меня своимъ игуменомъ?»

Иноки рыдали о разлукѣ съ своимъ любимымъ игуменомъ и говорили ему:

— «Хотѣли бы мы умереть вмѣстѣ съ тобою, но это зависитъ не отъ человѣка, а отъ воли Божіей. Если же намъ приходится жить послѣ тебя, то ты самъ избери намъ игумена и да почіетъ на немъ твое благословеніе».

Тогда преподобный, какъ на своего преемника, указалъ на инока Арсенія, мужа благочестиваго и добродѣтельнаго, сказавъ при семъ ему:

— «Вотъ я поставлю тебя начальникомъ святой обители. Смотри-же, чтобы сохранилось все установленное по храму и трапезѣ и соблюдался чинъ, введенный смиреніемъ моимъ. Я же, разлучившись, съ вами пребуду».

Сказавъ это, Зосима долго поучалъ братію и потомъ съ каждымъ изъ иноковъ облобызался и каждому преподалъ благословеніе. Затѣмъ преподобный обратился съ молитвою къ Богу, во время которой и скончался, 17 апрѣля 1478 года; въ день преставленія его, 17 апрѣля, празднуется память его.

Сильно скорбя, иноки, похоронили своего любимаго наставника за алтаремъ церкви Преображенія Господня. Потомъ надъ мощами преподобнаго поставлена была гробница, а на ней икона Господа Іисуса Христа и Пресвятой Богородицы. Гробъ его сдѣлался предметомъ поклоненія благочестивыхъ людей. Скоро стали совершаться при гробѣ чудеса; многіе больные, съ вѣрою приходившіе ко гробу, получали исцѣленіе. И какъ обѣщалъ преподобный духомъ оставаться всегда въ обители, такъ и сдѣлалъ. Не разъ онъ являлся многимъ въ обители своей или около нея. Много разъ видали преподобнаго Зосиму стоящимъ въ церкви среди братіи монастырской. Не разъ видали также преподобнаго на морѣ, во

время бури управляющимъ кораблями и спасающимъ отъ потопленія, укрощающимъ волненіе морское.

Спутникъ и сотрудникъ преподобныхъ Зосимы и Савватія,—преподобный Германъ, болѣе 50 лѣтъ подвизался на Соловецкомъ островѣ. И самая смерть застигла его на службѣ монастырю. Будучи въ Новгородѣ по дѣламъ своей обители, онъ почувствовалъ близость кончины, исповѣдался, причастился и мирно отдалъ духъ свой Богу (въ 1484 г.). Братія повезла, было, тѣло его въ свой монастырь, но на дорогѣ, изъ-за распутицы, оставила его при часовнѣ, у деревни Хавроньиной, на берегу рѣки Свири. Пять лѣтъ онъ лежалъ тутъ въ землѣ; наконецъ, братія рѣшила перевезти его въ монастырь. Посланные, откопавъ гробъ, тѣло преподобнаго нашли нетлѣннымъ, въ благоуханіи; съ великою честью встрѣтили его въ обители Соловецкой, гдѣ и похоронили рядомъ съ преподобнымъ Савватіемъ. Въ 1860 году устроена надъ гробницею его каменная церковь во имя его; а мощи преподобныхъ Зосимы и Савватія болѣе двухъ сотъ лѣтъ почиваютъ въ храмѣ, построенномъ во имя ихъ.

Имена Зосимы и Савватія сдѣлались одними изъ особенно извѣстныхъ и уважаемыхъ всѣмъ русскимъ народомъ. Неизвѣстно—почему, въ народномъ благочестіи оба эти святые считаются покровителями пчеловодства.

Соловецкій монастырь всегда имѣлъ важное значеніе въ исторіи: онъ былъ распространителемъ христіанства между поморскими язычниками—лопарями.

Въ половинѣ XVI вѣка замѣчательнымъ игуменомъ монастыря былъ Филиппъ, впослѣдствіи бывшій при Іоаннѣ Грозномъ московскимъ митрополитомъ.

Филиппъ, въ мірѣ Ѳеодоръ, происходилъ изъ знатнаго рода Колычевыхъ, родился въ 1507 году. Отецъ его, Стефанъ, принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ великаго князя Ва-

силія Іоанновича и засѣдалъ въ государевой думѣ. Когда подросъ Ѳеодоръ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но ненадолго. Въ 1537 году, когда Іоанну исполнилось только семь лѣтъ, а Филиппу тридцать послѣдній тайно оставилъ дворъ, и Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Тамъ, принявъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ впродолженіи десяти лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя, послушанія. Возведенный въ санъ игумена (въ 1548 году), Филиппъ, въ продолженіе восемнадцатилѣтняго управленія Соловецкой обителью, совершенно обновилъ ее: соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви, Успенія Пресвятой Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи двухъ и трехъ-этажныя келліи и больницу, внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну, посѣтивъ Москву (въ 1550—1551 году) и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ игумену грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы и другія драгоцѣнныя вещи.

Тяжела была для Московскаго государства вторая половина царствованія Іоанна Грознаго. Царь сдѣлался чрезвычайно подозрительнымъ: его воображенію повсюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Онъ сталъ безъ пощады казнить подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ, но часто невинныхъ людей; съ особенной жестокостью преслѣдовалъ онъ бояръ. Въ 1565 году царь учредилъ въ своемъ государствѣ «опричину»; такъ назывался новый дворъ царя, составленный изъ людей, вполнѣ ему преданныхъ. Опричники безнаказанно буйствовали и обижали мирныхъ гражданъ, доносили царю

на невинныхъ людей, убивали ихъ, почему скоро навлекли на себя народную ненависть.

Когда Филиппъ, въ 1566 году, прибылъ изъ своей отдаленной обители въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великою честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ. Но какъ только предложилъ ему, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, митрополичью каѳедру, то Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великой тяжести, а потомъ, будучи «понуждаемъ» царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло сказалъ, чтобы царь отмѣнилъ опричину, а не отмѣнитъ, ему, Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; если же его и поставятъ въ митрополиты, онъ затѣмъ оставитъ митрополію. Царь прогнѣвался, но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ «въ опричину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ея изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а҃ совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ». И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, что онъ, «по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополію, что въ опричину и царскій домовой обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи митрополіи не оставлять». 25 іюля 1566 года совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при участіи почти всѣхъ святителей Русской земли. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ съ своими дѣтьми.

Прошло около года и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался только дѣлами

церкви. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь не любилъ митрополита: онъ подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что, по ихъ-то настроенію, онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричины передъ своимъ поставленіемъ на митрополію. Въ 1567 году перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будто бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Польшу. Начались страшныя казни; опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по десяти и по двадцати въ день; всѣхъ обуялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ передъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричины, но что сохранилъ за собою право «совѣтовать» государю и, слѣдовательно, ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Это бы-

ли: Пименъ, архіепископъ новгородскій, Пафнутій, епископъ суздальскій, Филоѳей, епископъ рязанскій, и протоіерей Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки. Особенно послѣдній непрестанно доносилъ царю, тайно и явно, на митрополита.

Время шло; неистовства опричниковъ не прекращались, царь не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22 марта 1568 года) открытыя, всенародныя обличенія ему. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь; здѣсь святой Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— «О, державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда— самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный,—не превозносись, а какъ образъ Божій,—не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые государи волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ небывало того, что ты творишь: у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого»...

Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ:

— «Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того-ли не знаешь, что меня мои-же хотятъ поглотить?»

Филиппъ: — «Я точно чернецъ, но, по благости Св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію, я пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства».

Іоаннъ: — «Одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію».

Филиппъ: — «Благочестивый государь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть».

Іоаннъ: «Владыко святый! Возстани на меня друзи мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла».

Филиппъ: «Государь! Тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ не правду».

Іоаннъ: — «Филиппъ! Не прекословь державѣ нашей да, не постигнетъ тебя нашъ гнѣвъ, или сложи свой санъ».

Филиппъ: — «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ каноны, дѣлай, какъ знаешь».

Царь пошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Черезъ нѣсколько времени въ день воскресный царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія; но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали:

— «Святый владыко! Къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія».

Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ:

— «Царь благой! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь

его. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просилъ прощенія въ грѣхахъ своихъ передъ Богомъ: прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою».

Іоаннъ распалился яростью и воскликнулъ:

— «О, Филиппъ! Нашу-ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами!»

— «Тогда»,— отвѣчалъ святитель:— «суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи».

Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукой, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ:

— «Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость».

— «Я пришлецъ на землѣ»,—отвѣчалъ святой:— «какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки».

Тутъ-же, въ соборѣ, враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на святого старца самую гнусную клевету, которую подучили произнесть передъ всѣми одного отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичьей церкви. Выслушавъ отрока, Пименъ новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали:

— «Царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства».

Митрополитъ отвѣчалъ Пимену:

— «Ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего».

А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ: ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь вывѣдать что нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюля 28, митрополитъ, по случаю праздника, священнодѣйствовалъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю:

— «Чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокрытой головой, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми головами?»

— «Кто такой?» — спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державой. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа. Но, чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ либо преступленіяхъ. А какъ вся жизнь Филиппа сіяла въ Москвѣ однѣми только добродѣтелями, то не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій,

андрониковскій архимандритъ Ѳеодосій и князь Темкинъ. Они употребили все, и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно, нѣкоторыхъ увлекли, а въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. Добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и, взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго, выслушали обвиненія на него; Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію:

— «Чадо! Что сѣешь, то и пожнешь!»

Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора.

8 Ноября, въ день архистратига Михаила, когда святой Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, бояринъ Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать передъ всѣмъ народомъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хо-

тѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ, и только по ходатайству духовныхъ властей согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ называемый, Старый. По царскому приказанію ему забили ноги въ деревянныя колодки, а руки въ желѣзныя кандалы и морили голодомъ. Царь прислалъ къ нему сюда отрубленную голову любимаго его племянника, Ивана Борисовича Колычева. Святитель поклонился передъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверской Отрочь монастырь.

Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто бы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келлію страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23 декабря 1569 года), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности отъ угара. Иноки погребли его за алтаремъ. Въ первый годъ по смерти Іоанна гробъ Филиппа перевезенъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ долго былъ предметомъ народнаго почитанія, а въ 1652 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Филиппъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и открытыя мощи его были поставлены въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ покоятся до сихъ поръ. Перенесеніе мощей святителя Филиппа въ Москву празднуется 3 іюля.

Печальникъ Русской земли.

(† 1569 г.)

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.
Высокій, сѣдой, величаво—спокойный,
Великій въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха—
Всѣ чтили святителя въ немъ.
Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный хранилъ...
И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.
Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекались въ обитель, на островъ пустынный,
Со всей православной земли.
Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ;
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.
Опричину страшную вдругъ учредилъ онъ
И, гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ...
Святитель скорбѣлъ глубоко; неустанно
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ Онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.
И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды въ обитель
Монахи гонца привезли.

Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью;
Въ немъ митрополитомъ Москвы
Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.
Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права—
Защитою слабымъ служить,
И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.
Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему,
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.
—„Молчи!“—говорилъ онъ,—„Молчи! Не вступайся
Въ мою государеву власть,
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!“
Не разъ Грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ.
Владыкѣ, но твердъ какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы—и воля
Его непреклонна была.
И смѣло, и грозно корилъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки подъ сводами храма
Звучали, какъ Божья гроза.
Невольно внималъ имъ Иванъ и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренъ и кротокъ онъ былъ.
Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ, вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,

Когда бы Иванъ пріутихъ.
Устроили живо; доносчиковъ много
Явилось, къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.
Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста,
Должно быть они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.
И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный соборъ
Изрекъ своему властелину Филиппу
Угодный царю приговоръ.
Во время обѣдни, во храмѣ Успенья,
Опричники съ шумомъ вошли,
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злораднымъ
Къ Филиппу они подошли,
Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли
И въ Отрочь—обитель, въ опальную ссылку,
На дровняхъ его отвезли.
Филиппъ не роптал, со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ,
И ту же молитву твердилъ неустанно:
„О, Боже! стенаньямъ внемли,
И сердце царево, кипящее злобой,
Смягчи Ты для блага земли!“

Н. А. Вроцкій.

Скоро Іоаннъ сознал свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь, монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ.

При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Соловецкій монастырь былъ обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами съ бойницами.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Соловецкій монастырь игралъ важную роль въ исторіи раскола. Патріархъ Никонъ, жившій нѣкогда въ Соловкахъ, въ Анзерскомъ скитѣ, видя, что въ богослужебныя книги вкралось множество ошибокъ, задумалъ исправить ихъ. Книги, исправленныя Никономъ, были одобрены духовнымъ соборомъ; тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ священники и монахи не хотѣли принимать этихъ книгъ и начали смущать народъ разсказами о томъ, будто-бы патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди, приверженные къ старымъ книгамъ — напечатаннымъ до Никона, получили названіе «старовѣровъ» или «раскольниковъ».

Въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Когда, въ 1657 году, сюда были присланы новыя книги, ихъ не хотѣли здѣсь принимать, и началось «стояніе за старую вѣру». Въ Соловкахъ были много приверженцевъ старины: келарь Азарій, казначей Геронтій и другіе. Главнымъ-же коноводомъ явился архимандритъ Никаноръ, жившій здѣсь на покоѣ; онъ былъ заклятый ревнитель старины и болѣе всѣхъ побуждалъ братію «постоять за старую вѣру».

«Не принимаемъ новоизданныхъ книгъ; не хотимъ знать троеперстнаго сложенія, имени «Іисусъ», трегубаго аллилуія! Все это латинское преданіе, антихристово ученіе; хотимъ оставаться въ старой вѣрѣ и умирать за нее!» — Такъ кричали Соловецкіе мятежники.

Сюда былъ присланъ для увѣщанія непокорныхъ, архимандритъ Сергій изъ Москвы. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ царскій указъ и грамоты собора.

— «Указу великаго государя мы послушны», — кричали

ему въ отвѣтъ:—и во всемъ ему повинуемся, а повелѣнія о сложеніи перстовъ, объ аллилуія и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ».

При этомъ всталъ Никаноръ и, показывая троеперстное сложеніе, закричалъ:

— «Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово,—я готовъ пострадать!»

— «Выберите кого либо, съ кѣмъ можно было бы говорить безъ шума»,—сказалъ Сергій монахамъ.

Со всѣхъ сторонъ раздалось: «Геронтій! Геронтій!»

Выступилъ Геронтій и задалъ Сергію вопросъ:

— «Зачѣмъ вы въ молитвѣ «Господи Іусусе!» отъемлете имя Сына Божія?»

При этомъ всѣ монахи завопили:

— Охъ, охъ! Горе намъ! Отнимаютъ у насъ Сына Божія! Гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія?!»

Говорить и убѣждать тутъ было излишне.

Пробовалъ Сергій говорить съ Геронтіемъ при немногихъ свидѣтеляхъ, но и здѣсь дѣло кончилось ничѣмъ.

Чтобы какъ нибудь сломить упорство противниковъ, Сергій сталъ задавать «страшные» вопросы:

— «Какъ по вашему? Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ православенъ-ли?»

Монахи отвѣчали на это, конечно, утвердительно.

— «А повелѣнія его, присланныя къ вамъ, православны-ли?»

Застигнутые врасплохъ этимъ вопросомъ, монахи смолчали.

— «Освященный соборъ православенъ-ли?»—продолжалъ Сергій.

— «Прежде патріархи были православны»,—отвѣчалъ Геронтій:—«а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ, а россійскіе архіереи православны».

— «А соборное повелѣніе, присланное съ нами, православно-ли?»—допрашивалъ Сергій.

— Повелѣніе соборнаго не хулимъ»,—отвѣчали ему:— «а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія св. чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть».

Соловецкіе раскольники послали царю челобитную, въ которой писали между прочимъ слѣдующее:

— «Въ новыхъ книгахъ Никона вмѣсто «Ісуса» написано съ приложеніемъ лишней буквы «Іисусъ», что намъ грѣшнымъ страшно помыслить. Милосердый государь! Помилуй насъ, нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели нарушать преданіе прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ Соловецкихъ чудотворцевъ!»

Царь требовалъ послушанія, а за противность и своевольство указывалъ отобрать у монастыря всѣ вотчины и не пропускать къ монастырю никакихъ запасовъ. Раскольники отвѣчали, что они ни за что не согласны на принятіе новопечатныхъ книгъ, при чемъ прибавляли:

— «Вели, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія переселить насъ въ оное безмятежное житіе».

Послѣ этого, дѣйствительно, оставалось только обнажить мечъ.

Въ 1668 году царь послалъ войско подъ начальствомъ Волохова. Раскольники заперлись въ монастырѣ, надѣясь отсидѣться и отбиться. Стѣны монастыря были крѣпки, на стѣнахъ было 90 пушекъ; запасовъ было собрано на многіе годы. Въ монастырь набѣжало до 500 человѣкъ празнаго непокорнаго люда и въ томъ числѣ воровскихъ казаковъ съ Дона.

Волоховъ велъ осаду крайне небрежно. Онъ сидѣлъ въ Сумскомъ острогѣ, между тѣмъ какъ мятежники спокой-

но провозили въ монастырь для себя все нужное. Въ 1672 году царь удалилъ Волохова, а на мѣсто его послалъ стрѣлецкаго голову Іевлева. Іевлевъ дѣйствовалъ не лучше своего предшественника, и въ 1673 году царь, недовольный имъ, смѣнилъ его, а на его мѣсто назначилъ воеводу Ивана Мещеринова.

Осада Соловецкаго монастыря не могла быть ведена быстро, потому что военныя дѣйствія возможны были только во время короткаго лѣта. Лѣтомъ 1674 года Мещериновъ подошелъ къ монастырю и сталъ палить въ него изъ пушекъ. Между раскольниками произошло раздвоеніе; Геронтій, ярый противникъ новыхъ книгъ, находилъ, что хотя не слѣдуетъ соглашаться на принятіе новой вѣры, но не должно сопротивляться царю. Къ нему пристали священники. Никаноръ, напротивъ, возбуждалъ мятежниковъ къ битвѣ, ходилъ по стѣнѣ, кадилъ, кропилъ святою водой пушки и говорилъ:

— «Матушки наши, галаночки, надежа у насъ на васъ! Вы насъ обороните!»

Споръ между двумя партіями дошелъ до того, что Никаноръ засадилъ въ тюрьму Геронтія и его соумышленниковъ—священниковъ. Келарь Наѳанаилъ Тугинъ и сотники Исачко Воронинъ и Самко были главными сообщниками Никанора; они положили не молиться за царя, говорили объ его особѣ такъ, что «не только писать, но и помыслить страшно», и положили защищаться до послѣдней крайности. Продержавши нѣсколько дней Геронтія и его сообщниковъ въ тюрьмѣ, Никаноръ выгналъ ихъ изъ монастыря и сталъ учить, что можно жить и безъ священниковъ, можно самимъ отправлять часы и пр. Этимъ положено было начало раскольничьей сектѣ—«безпоповщинѣ».

Приступъ не удался Мещеринову. Лѣтомъ 1675 года онъ началъ опять палить въ монастырь и также неудачно.

Наступала зима. Мещериновъ на этотъ разъ не ушелъ въ Сумскій острогъ, а остался подъ монастыремъ, не смотря на всѣ трудности. 22 января 1676 года, при помощи перебѣжчика Ѳеоктиста, Мещериновъ черезъ отверстіе въ стѣнѣ, заложенное камнями, вошелъ въ монастырь со стрѣльцами. Никаноръ и главные его соумышленники были схвачены и казнены. Упорнѣйшіе изъ раскольниковъ сосланы въ Пустозерскъ и Колу, а прочіе, которые обѣщали повиноваться церкви и государю, получили прощеніе и оставлены на мѣстѣ.

Петръ Великій два раза посѣтилъ Соловецкій монастырь. Въ первый разъ онъ былъ въ 1694 году, 7 іюня, послѣ страшной бури, во время которой онъ едва не погибъ. Петръ отправился въ монастырь изъ Архангельска съ архіепископомъ Аѳанасіемъ и съ большой свитой на архіерейской яхтѣ. Жестокая буря захватила плавателей; всѣ отчаялись въ жизни, молились, пріобщались Св. Таинъ и прощались другъ съ другомъ. Царь былъ бодръ, утѣшалъ всѣхъ и, узнавши, что на яхтѣ находится опытный лоцманъ архіерейскій, Антипъ Тимоѳеевичъ, отдалъ ему команду, приказавъ вести судно въ какую нибудь пристань. Антипъ направилъ судно къ губѣ «Унгскіе рога». Царь сталъ вмѣшиваться въ его распоряженія.

— «Коли ты отдалъ команду мнѣ, такъ поди прочь! Здѣсь мое мѣсто, а не твое, и я знаю, что дѣлаю!»—сердито закричалъ на него Антипъ.

Царь смущенно удалился, и только тогда, когда Антипъ счастливо присталъ къ берегу, проведя яхту среди опасныхъ каменьевъ, царь, смѣясь напомнилъ ему:

— «Помнишь братъ, какъ ты отдѣлалъ меня?»

— Трепещущій кормчій упалъ на колѣни, но царь поднялъ его, обнялъ и сказалъ:

— «Ты былъ правъ, а я виноватъ, и въ самомъ дѣлѣ вмѣшался не въ свое дѣло!»

Онъ подарилъ Антипу свое мокрое платье на память, выдалъ 5 рублей на одежду и 25 рублей въ награду. Въ память своего спасенія Петръ соорудилъ деревянный крестъ, перенесенный въ каѳедральный соборъ города Архангельска.

Архимандритъ Діонисій такъ описываетъ пребываніе Петра въ Соловецкомъ монастырѣ: «Въ семъ удаленномъ отъ міра пустынномъ мѣстѣ младый самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомысліи, а потомъ, по отправленіи молебнаго пѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостыней, того же 10 дня изволилъ отбыть обратно къ г. Архангельску, съ милостивымъ обѣщаніемъ всегда покровительствовать святой обители».

Второе посѣщеніе Петромъ монастыря послѣдовало въ 1702 году, 20 августа. Царя сопровождалъ сынъ его, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Во время Крымской войны Соловецкіе острова и Соловецкій монастырь въ особенности выдержали осаду англійской эскадры (въ 1854 году).

Англійская эскадра остановилась у Заячьихъ острововъ и въ монастырь посланы были парламентеры съ просьбой снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ Александръ отказалъ. Командиръ эскадры послалъ архимандриту «подарокъ»—штуцерную пулю. Собралъ архимандритъ изъ монашествующей братіи совѣтъ и объявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелемъ; нѣкоторые были противъ этого плана, но архимандритъ все таки рѣшился и поѣхалъ.

При прохладномъ противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ

пароходовъ. И только на разсвѣтѣ, отправившись послѣ вечерень, онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентерскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— «Отчего ты не давалъ намъ барановъ?» — спрашивалъ переговорщикъ.

— «Оттого, что вы враги наши!» отвѣчалъ архимандритъ.

— «Мы бы тебѣ заплатили деньги».

— «Денегъ мнѣ вашихъ не нужно, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители».

— «Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою».

— «Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентерскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?»

— «Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали»...

— «Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія».

— «А если самъ захочешь?»

— «Самъ не хочу и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя».

— «Ну, такъ мы будемъ стрѣлять?!...»

— «А мы будемъ молиться»...

— «Стрѣлять мы будемъ завтра».

— «Стало быть такъ я и знать буду и также точно скажу братіи. Поѣду и приготовлюсь по обряду церкви».

Возвратился архимандритъ въ монастырь и велѣлъ всей братіи приготовиться — исповѣдаться и причаститься. На дру-

гой день, не дожидаясь пальбы, началъ литургію и открылъ шествіе съ иконами кругомъ монастыря по стѣнамъ. Не успѣлъ обойти половины, какъ непріятель грянулъ изъ пушекъ. И вдругъ, въ одно мгновенье, всѣ задніе ряды монаховъ повалились,—повалились, впрочемъ, отъ страха пролетѣвшаго ядра. Другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь; еще ядро пробило кровлю и опалило образъ. Крестный ходъ невредимо вернулся въ соборъ, а англійская эскадра, видя безуспѣшность, отправилась въ Кемь.

Благодаря трудамъ монаховъ, мѣстность, занятая Соловецкимъ монастыремъ, давно уже утратила свой суровый, непривѣтливый характеръ; кругомъ, куда не взглянешь, обиліе жизни. Самые лѣса не имѣютъ на этихъ островахъ того угрюмаго вида, какимъ обыкновенно представляются они на сѣверѣ. Здѣсь, наоборотъ, въ нихъ есть что-то величественное, поражающее путника и своими огромными размѣрами и своею живописностью. Высокія сосны, ели, ивы и лиственницы, мѣстами окаймляемыя густыми можжевельниками—даютъ въ общемъ весьма красивый пейзажъ. Поляны, засѣянныя рожью, луга, обильные травой, богатство полевыхъ цвѣтовъ и надъ всѣмъ этимъ необычайная чистота воздуха съ смолянымъ запахомъ сосенъ—вотъ впечатлѣніе, производимое мѣстностью, занятою Соловецкимъ монастыремъ. Далѣе, здѣсь вездѣ и во всемъ видна заботливая рука, неустанно трудящаяся надъ обработкой мѣстности: вездѣ, гдѣ только требовалось по условіямъ надобности, прорыты каналы, сдѣланы дороги, устроены мосты,—все это труды рукъ человѣка, и вся эта благодать, дѣйствительно, создалась заботливостью и уходомъ монастырскихъ старцевъ.

— Соловецкій монастырь первоклассный, ставропигіаль-

ный онъ не подчиненъ епархіи и архимандритъ его относится прямо въ Святѣйшій Синодъ. Монастырь находится въ такомъ состояніи, что поражаетъ своимъ устройствомъ и богатствомъ. Между монахами есть представители всякаго рода работъ: слесарныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, портняжныхъ, сапожныхъ, рѣзныхъ и др. Населеніе монастыря имѣетъ между собой рыбаковъ, пекарей, мельниковъ, маляровъ и т. д. Въ числѣ работниковъ по разнымъ заведеніямъ находится много «по обѣту», то есть такихъ, которые удаляются сюда на нѣкоторое время для работъ, молитвы и успокоенія совѣсти. Здѣсь каждый членъ монастырской общины охотно и ревностно исполняетъ возложенное на него дѣло. Во имя спасенія, во имя Бога онъ несетъ свой трудъ благословляя его.

Для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Соловецкой обители, сюда собирается множество богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ ежегодно, и каждый изъ нихъ вноситъ свою лепту въ монастырскую кружку подаяній. Каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за нее, за чернила, которыми на нихъ пишутся, имена родственниковъ; платятъ богомольцы за годичное и вѣчное поминовеніе усопшихъ; покупаютъ образки и виды монастыря. Эти доходы и обильные вклады богомольцевъ, и, кромѣ того, постоянные, громадные труды братіи и работниковъ «по обѣту» обезпечиваютъ благосостояніе монастыря. Монастырь имѣетъ свои пароходы, монахи научились даже сами строить ихъ, и на этихъ монастырскихъ пароходахъ экипажъ весь состоитъ изъ монаховъ.

Ризница Соловецкаго монастыря, конечно, одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи; въ ней хранятся богатыя евангелія, кресты, золотыя и серебряныя чаши, дарованные монастырю царями русскими, богатыя ризы, шитыя драгоцѣнными кам-

нями и жемчугомъ, нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ двѣ даны Мароою Борецкою. Посреди всѣхъ драгоцѣнностей здѣсь находится бѣлая полотнянная риза, данная святому Зосимѣ Новгородскимъ архіепископомъ Іоною въ 1452 году, по поставленіи его въ санъ игумена; теперь эта древность лежитъ въ особомъ хранилищѣ и осыпана драгоцѣнными приношеніями богомольцевъ. Кромѣ того—простой, темно-зеленаго сукна, кафтанъ злополучнаго святителя Филиппа; въ корридорѣ находится небольшой уголокъ, гдѣ была его келья; теперь тамъ устроена часовня. Упомянемъ еще о двухъ мечахъ: князя Димитрія Михайловича Пожарскаго и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Въ оружейной палатѣ собрано много древняго оружія, нѣсколько старыхъ знаменъ.

Видомъ своимъ, въ общемъ, Соловецкій монастырь похожъ на всѣ русскіе монастыри, только онъ окруженъ воздвигнутою изъ гранитныхъ валуновъ стѣною, съ башнями и амбразурами.

Внутри находится нѣсколько церквей и помѣщеній для монашествующихъ. Внѣ монастырскихъ стѣнъ также нѣсколько церквей, множество гостиницъ, мастерскихъ, хозяйственныхъ заведеній. По древнему обычаю монастырь довольствуетъ каждаго богомольца три дня пищею безденежно, для чего необходимы запасы съѣстного, ибо въ лѣтнее время на поклоненіе святымъ мощамъ собирается до 2000 человѣкъ изъ разныхъ странъ Россіи. Но всѣ траты, безъ сомнѣнія, окупаются приношеніями посѣтителей и дарами неизвѣстныхъ лицъ.

Соловецкій островъ доступенъ только съ половины мая до половины сентября: въ остальное время года Бѣлое море бушуетъ безъ милосердія, бѣдой грозитъ запоздалому плавателю и разбиваетъ ревучіе валы объ огромныя глыбы льдовъ, гуляющихъ во паракѣ сѣверной зимы по разъяренной стихіи.

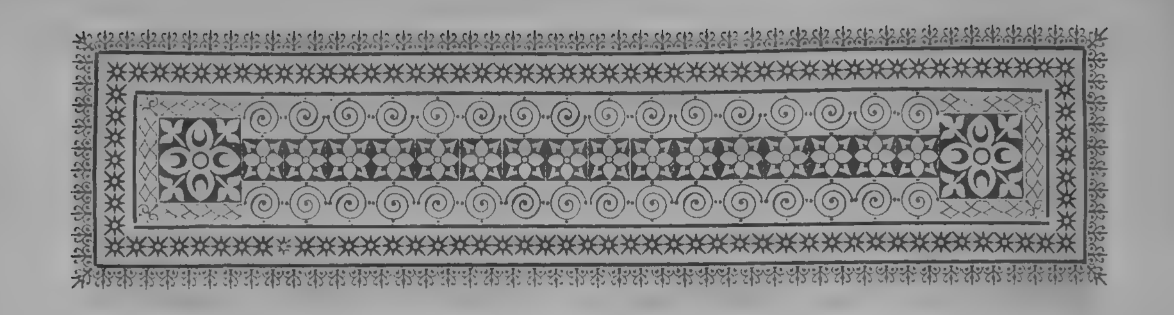
— «Рай—наши Соловки!»—говорятъ монахи: «Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь, на землѣ еще, видѣли что будетъ даровано праведникамъ тамъ на небѣ».

И каждый монахъ привязывается къ Соловкамъ и съ неудовольствіемъ относится къ каждой попыткѣ начальства края вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали настоятели уѣхать отсюда въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали.

«Въ другихъ обителяхъ, правда, рясы шелковыя носятъ (въ Соловкахъ всегда, вездѣ монахъ въ толстой, грубой суконной), да у насъ все лучше: у насъ настоящее пустынножительство».

Такъ отзываются Соловецкіе монахи о своемъ монастырѣ.





IV. Валаамскій монастырь.

Валаамскій Спасопреображенскій первоклассный монастырь находится на островѣ Валаамѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ острововъ Ладожскаго озера, въ древности называвшагося Нево. Островъ лежитъ въ сѣверной части озера и по гражданскому управленію принадлежитъ къ Сердобольскому уѣзду, Выборгской губерніи; въ церковномъ же отношеніи монастырь состоитъ въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства.

Кромѣ Валаама, монастырю принадлежатъ еще и другіе, меньшіе острова, числомъ около 40, окружающіе обитель и своею группою образующіе на Ладожскомъ озерѣ небольшой архипелагъ, который отъ запада къ востоку тянется на 12 верстъ, а отъ сѣвера къ югу верстъ на 7. Болѣе значительные изъ нихъ: Скитскій, Байонный, Предтеченскій, Лешбосъ и Порфирьевъ. Окружность всѣхъ острововъ составляетъ около 30 верстъ, а пространства они занимаютъ около 3100 десятинъ земли. Изъ нихъ до 20 десятинъ занято монастырскими строеніями, садами и огородами, до 130 десятинъ

находятся подъ посѣвами и сѣнокосами, до 700 десятинъ покрыто лѣсомъ, а остальное пространство покрыто частію болотами, частію—камнями.

О времени основанія Валаамскаго монастыря ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Одни относятъ его ко времени св. Ольги, другіе—ко времени св. Владиміра, а иные — къ еще болѣе позднему времени. Преданіе говоритъ, что въ древности на Валаамѣ было главное капище Волоса (или Велеса) и Перуна, которымъ поклонялись и приносили жертвы жившіе по окрестностямъ язычники.

Другое преданіе, христіанское, прибавляетъ, что св. Апостолъ Андрей Первозванный, прибывши изъ Кіева въ Новгородъ; отсюда по рѣкѣ Волхову достигъ Ладожскаго озера и посѣтилъ Валаамъ. Здѣсь благословилъ онъ горы каменнымъ крестомъ, истребилъ капища Волоса и Перуна, обратилъ въ Христову вѣру обитавшихъ на островѣ язычниковъ, положилъ на Валаамѣ основаніе исповѣданію вѣры Христовой и оставилъ пастырями новособраннаго стада Христова нѣкоторыхъ, сопутствовавшихъ ему, учениковъ. Вотъ еще когда на Валаамѣ утвердилась, по преданію, православная вѣра Христова!

Основателемъ монашества на Валаамѣ былъ преподобный Сергій, Валаамскій чудотворецъ, жившій, вѣроятнѣе всего, въ X вѣкѣ, во времена Владиміра Святого. Онъ не былъ туземцемъ Валаамскихъ острововъ, а пришелъ туда «отъ восточныхъ странъ». Св. Сергій былъ не простой монахъ, но священноинокъ. Учреждая иночество на Валаамѣ, онъ въ то же время распространялъ тамъ христіанство, окрестилъ нѣкоего знатнаго человѣка, именемъ Мунга, назвавъ его Куартомъ. Умеръ преподобный Сергій, проживъ болѣе 60 лѣтъ на землѣ. Куартъ, изъ признательности къ нему за просвѣ-

щеніе христіанскаго вѣрою, поставилъ на его могилѣ каменный крестъ св. Апостола Андрея, просвѣтителя (по преданію) Валаамскихъ острововъ.

Дѣло преподобнаго Сергія по устройству иночества продолжалъ на Валаамѣ преемникъ его св. Германъ; онъ также пришелъ «отъ странъ восточныхъ» и саномъ былъ священноинокъ. По смерти преподобнаго Сергія онъ былъ настоятелемъ иноческой общины на Валаамѣ и такъ много потрудился для утвержденія здѣсь монашества, что преданіе наравнѣ съ преподобнымъ Сергіемъ, ставитъ его основателемъ монашества на Сѣверѣ.

О жизни и подвигахъ святыхъ Сергія и Германа въ службѣ говорится: «ихъ любовь къ Богу была неразлучна, союзъ братолюбія—истиненъ, молитва непрестанна, нрава кротость, слезъ струи приснотекущія, постъ, бдѣніе и труды – предѣлъ естества превосходящія». Еще при жизни они имѣли отъ Бога особенные дары Св. Духа. «Тіи святіи — Сергій и Германъ, Валаамскіе чудотворцы преславные, еще живи быша, и тогда прорицаху (пророчествовали) настоящая и будущая».

Мощи преподобныхъ Сергія и Германа обрѣтены въ 1163 году; ихъ неоднократно переносили въ Новгородъ и обратно.

Послѣ преподобныхъ Сергія и Германа иночество на Валаамѣ устроили игумены Іоакимъ и Ѳеогностъ; оно получило со времени ихъ правильное устройство. Для совершенія богослуженія былъ храмъ во имя Пресвятой Троицы. Братія обители вела богоугодное житіе и была добрымъ примѣромъ для другихъ, особенно новокрещенныхъ. О Валаамскомъ монастырѣ знали уже въ Новгородѣ, Псковѣ и по другимъ мѣстамъ; онъ привлекалъ къ себѣ благочестивыхъ людей, имѣлъ вліяніе на уничтоженіе язычества на сѣверѣ Россіи, содѣйствовалъ обращенію язычниковъ въ православную вѣру Христову и развивалъ иночество въ обществѣ христіанъ.

Съ XI вѣка судьба Валаамскаго монастыря подвергалась разнымъ случайностямъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ отечества; онъ то возвышался, то падалъ, то раззоряли его, то опять онъ возникалъ изъ пепла и развалинъ.

Первое раззореніе онъ потерпѣлъ отъ шведовъ въ XI вѣкѣ; они разорили и сожгли его зданія. До этого времени Валаамъ назывался обителью Св. Троицы; въ послѣдующее же время онъ становится извѣстнымъ подъ именемъ монастыря св. Спаса Преображенія. По всей вѣроятности Троицкій Валаамскій монастырь, бывшій деревяннымъ, былъ сожженъ врагами до основанія. Затѣмъ, когда опасность миновала, устроился новый монастырь и главный храмъ его во имя Преображенія Господня.

Въ 1578 году, 20 февраля, шведы, ревнуя о распространеніи лютеранства и преслѣдуя православныхъ корелъ, опять напали на Валаамскій монастырь: 18 человѣкъ благочестивыхъ старцевъ и 16 послушниковъ были мученически истреблены мечомъ ихъ за твердость въ православной вѣрѣ.

Въ третій разъ Валаамская обитель была раззорена шведами въ 1595 году, послѣ чего она вновь обстроилась и украсилась лучше прежняго, благодаря милостынямъ царя Ѳеодора Іоанновича и пожертвованіямъ частныхъ людей.

Въ 1163 году Валаамскіе иноки, въ ожиданіи набѣга шведовъ, открывъ св. мощи своихъ первоначальниковъ, перенесли въ Новгородъ. Потомъ, по миновавіи опасности, иноки перенесли обратно на Валаамъ святыя тѣлеса своихъ заступниковъ и, опасаясь, что бы въ будущемъ дерзкая рука не оскорбила святыни, изсѣкли глубочайшую могилу на островѣ и въ ней скрыли святыя мощи угодниковъ подъ спудомъ, гдѣ съ тѣхъ поръ мирно почиваютъ они и по настоящее время.

Въ XV вѣкѣ Валаамскій монастырь сдѣлался средоточіемъ лучшихъ по благочестію людей того времени. Отъ него какъ въ юго-западной Россіи, отъ Кіево-Печерской лавры, и какъ отъ Троице-Сергіевской лавры—въ восточной Россіи, распространилась иноческая жизнь на сѣверѣ нашей отчизны.

Еще въ концѣ XIV вѣка (въ 1393 г.) прибылъ на Валаамъ изъ Новгорода св. Арсеній и подвизался здѣсь нѣкоторое время. Потомъ онъ основалъ и устроилъ Коневскій монастырь, на островѣ Коневцѣ.

До 1429 года жилъ въ Валаамскомъ монастырѣ преподобный Савватій Соловецкій, постриженникъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. Онъ превзошелъ всѣхъ своею подвижническою жизнью; всѣ почитали его и прославляли за дивные труды, въ которыхъ св. Савватій истощалъ свою плоть до конца. Чтобы никто не могъ быть свидѣтелемъ его подвиговъ, св. Савватій рѣшилъ оставить Валаамъ и поселиться на Соловецкомъ островѣ. Здѣсь онъ, при содѣйствіи Валамскаго же питомца, старца Германа, положилъ начало иноческому житію.

Въ одно время съ преподобнымъ Савватіемъ Соловецкимъ и подъ его руководствомъ подвизался на Валаамѣ инокъ Геннадій. Савватій былъ старцемъ, а Геннадій — ученикомъ. Впослѣдствіи этотъ Геннадій былъ чудовскимъ архимандритомъ, а въ 1485 году возведенъ на архіепископскій престолъ великаго Новгорода и вмѣстѣ съ преподобнымъ Іосифомъ Волоколамскимъ мужественно подвизался противъ распространявшейся тогда въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ ереси жидовствующихъ. За свою высокую жизнь и святую ревность онъ причисленъ православною церковью къ лику святыхъ.

Въ 1474 году, изъ Олонецкато края, явился на Валаамскій монастырь св. Александръ Свирскій. Здѣсь игуменъ Іоакимъ постригъ его, на 26 году отъ рожденія, въ иноческій санъ. Св. Александръ проходилъ всѣ монастырскія послуша-

нія въ безпрерывныхъ трудахъ, постѣ и молитвахъ. Его подвижническая жизнь удивляла даже строгихъ Валаамскихъ отшельниковъ. Сначала онъ подвизался въ общежитіи, потомъ отшелъ на безмолвіе на одинъ изъ острововъ монастырскихъ. Этотъ островъ, въ память святого отшельника, понынѣ называется святымъ, и на немъ до сего дня сохранены слѣды труженической жизни преподобнаго Александра: его пещера въ разсѣлинѣ скалы и могила, ископанная, по преданію, его руками. Затѣмъ, Александръ удалился на берега рѣки Свири, собралъ здѣсь многочисленное братство и основалъ существующій донынѣ Свирскій Троицкій монастырь.

Кромѣ этихъ преподобныхъ на Валаамѣ подвизались: преподобный Корнилій, основатель Палеостровской обители (въ XII в.), преподобный Евфросинъ Синоезерскій (въ XV в.). преподобный Аѳанасій, основатель Сяндемской обители (близъ города Олонца), ученикъ св. Александра Свирскаго (въ XVI в.), св. Адріанъ, основатель Ондрусовской обители, на восточномъ берегу Ладожскаго озера (въ XVI в.) и др.

Вмѣстѣ съ развитіемъ иноческой жизни развивалось и матеріальное благосостояніе Валаамскаго монастыря. Въ началѣ XVI вѣка за монастыремъ было уже 537 крестьянскихъ дворовъ, кромѣ того ему принадлежали соляныя варницы, рыбныя ловли и другія угодья. Государи (Василій III, Іоаннъ IV Грозный, Ѳеодоръ Іоанновичъ) жаловали монастырь льготными грамотами, которыми монастырскіе крестьяне освобождались отъ разныхъ пошлинъ и повинностей. Впрочемъ, иноки никого не заставляли трудиться на себя, чтобы питаться плодами рукъ чужихъ. При томъ самоотверженіи, которымъ на Валаамѣ старались превзойти другъ друга, такіе подвижники, какъ преподобные Савватій Соловецкій, Александръ Свирскій, Аѳанасій Сяндемскій и другіе, немного требовали отъ монастыря для поддержанія своей жизни; все необходи-

мое иноки пріобрѣтали болѣе трудами рукъ своихъ, работая день и ночь.

Къ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ Валаамской обители принадлежитъ слѣдующій случай. Въ 1371 году Валаамскіе иноки, послѣ сильной бури на Ладожскомъ озерѣ, спасли отъ потопленія человѣка, носившагося по волнамъ на корабельной доскѣ; спасенный былъ король шведскій Магнусъ II, Смекъ, ревностный католикъ и гонитель православной церкви. Старцы въ несчастіи короля видѣли особый Промыслъ Божій, призывавшій его въ Свою ограду, какъ нѣкогда гонителя Савла. Мирныя келліи иноковъ, убѣжденія старцевъ, воспоминаніе горькихъ дней протекшей жизни сильно взволновали сердце Магнуса. Онъ самъ увидѣлъ въ своей судьбѣ Промыслъ Божій и рѣшился остатокъ дней посвятить на угожденіе Богу въ тихой обители, присоединился къ единой истинной святой православной церкви, составилъ духовное завѣщаніе и подъ именемъ Григорія принялъ святую схиму. Недолго судилъ Господь ему медлить въ земной юдоли: черезъ три дня по постриженіи Онъ отозвалъ вѣнценосца-схимника на вѣчный покой. Иноки погребли почившаго на общемъ братскомъ кладбищѣ, гдѣ видна его могила и по настоящее время. На могилѣ находится слѣдующая надпись:

„На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ предано,
Магнуса, Шведскаго короля,
Который, святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 году на престолъ возведенъ.
Великую силу имѣя и оною ополченъ
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,



Валаамскій монастырь.

Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился
На Ладожскомъ озерѣ войско его осталось,
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ.
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ:
Потомъ, на мѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался".

Такъ о судьбѣ короля Магнуса говоритъ преданіе монастыря.

Въ 1611 году цвѣтущая Валаамская обитель уничтожена была до основанія шведами; игуменъ Макарій и многіе изъ братіи, не хотѣвшіе оставить обители, пали подъ мечами враговъ; всѣ храмы и зданія монастырскіе были сожжены и разорены до конца. Островъ опустѣлъ. Только святыя мощи преподобныхъ первоначальниковъ Сергія и Германа почивали на Валаамѣ въ глубинѣ могилы, устроенной иноками еще въ XII вѣкѣ. Шведы, узнавъ объ ихъ могилѣ, хотѣли извлечь мощи святыхъ изъ земли и предать ихъ поруганію, но, по молитвамъ св. отецъ Сергія и Германа, Господь послалъ на поругателей лютый недугъ и съ тѣхъ поръ они боялись коснуться св. мощей.

Затѣмъ одинъ финнъ, будучи на Валаамѣ для рыбнаго промысла, дерзнулъ оскорбить могилу праведниковъ, но кара Божія тутъ же постигла его: страшныя язвы покрыли все его тѣло; несчастный не могъ сдвинуться съ мѣста преступленія; къ вечеру онъ былъ найденъ товарищами и свезенъ домой. Когда онъ разсказалъ домашнимъ, какъ и гдѣ приклю-

чился ему такой недугъ, тотчасъ вспомнили о святости почивающихъ тамъ угодниковъ Божіихъ. Больного повезли обратно на Валаамъ и тамъ онъ надъ святою могилою испросилъ прощеніе, и былъ исцѣленъ. Вразумленный этимъ, финнъ познал все безуміе своей дерзости и сдѣлался благоговѣйнымъ почитателемъ преподобныхъ. Онъ поселился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ развалинъ, построилъ крестъ и часовню, которая и стояла до 1717 года, когда по повелѣнію Императора Петра Великаго поручено было архимандриту Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря, Иринарху, возобновить Валаамскую обитель.

Обитель начала отстроиваться въ мартѣ 1717 года. Особенно много на устройство обители жертвовала Императрица Елизавета Петровна. Но зданія монастырскія были деревянныя и скоро стали ветшать. Въ концѣ XVIII вѣка, стараніями игумена Назарія, построены были новыя, каменныя зданія, а также и каменные храмы; главный изъ нихъ—Преображенскій соборъ былъ освященъ въ 1794 году; подъ нимъ въ нижнемъ этажѣ, храмъ во имя преподобныхъ Сергія и Германа, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ и святыя мощи ихъ.

Усердіемъ игумена отца Иннокентія, на сумму, пожертвованную отъ доброхотныхъ дателей, въ 1823 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ святыя мощи преподобныхъ отецъ Сергія и Германа, сооружена была серебряная рака. На ней выкованы: на верхней доскѣ во весь ростъ изображенія преподобныхъ; на боковыхъ сторонахъ изображеженія перенесенія мощей ихъ; на передней—надпись о сооруженіи раки и на задней—видъ монастыря. Карнизы раки кованые съ четырьмя литыми херувимами и другими украшеніями. Вѣсу въ ракѣ всего серебра 192 фунта.

Третій храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, четвертый—святыхъ Апостолъ Петра и Павла, пятый—Жи-

воначальныя Троицы, и подъ нимъ шестой — Живоноснаго Источника.

Къ юго-востоку отъ монастыря для пріѣзжающихъ богомольцевъ построена каменная, двухъ-этажная гостинница; она заключаетъ до ста номеровъ, снабженныхъ приличною мебелью. Всѣмъ посѣтителямъ прислуживаетъ монастырская братія. Къ юго-западу отъ гостинницы стоитъ странно-пріимный домъ для нищихъ и вообще бѣдныхъ, пріѣзжающихъ по надобностямъ въ монастырь; въ теченіе года ихъ перебываетъ до 8000 человѣкъ; въ обители они живутъ по два, по три дня, а иногда по недѣли и болѣе; обитель ихъ питаетъ, снабжаетъ при отправленіи хлѣбомъ, платьемъ, а иногда и деньгами.

Кромѣ зданій, устроенныхъ для общежитія, на островахъ Валаамскихъ находятся еще часовни, пустыни и скиты.

Всѣхъ часовенъ на Валаамскомъ архипелагѣ 16; особенно великолѣпна часовня въ память Высочайшаго посѣщенія Государя Императора Александра II (1858 г.).

Изъ прежнихъ пустынныхъ келлій въ окрестностяхъ монастыря сохранилось семь:

1) Каменная пустынная келлія о. игумена Назарія.

2) Деревянная пустынная келлія о. игумена Дамаскина.

3) Деревянная пустынная келлія схимонаха Николая.

4) Деревянная пустынька монаха Антонія.

5) Деревянная пустынька іеросхимонаха Евѳимія.

6) Пустынька инока Аѳанасія.

7) Пустынька іеросхимонаха Антонія на Скитскомъ островѣ.

Пустынники и теперь есть на Валаамѣ, но они не занимаютъ уже названныхъ выше пустынныхъ келлій, которыя всѣ стоятъ праздны и сохраняются только какъ память о прошедшемъ. О. игуменъ Дамаскинъ устроилъ (въ пятидеся-

тыхъ годахъ) новыя пустыньки для отшельниковъ и молчальниковъ на отдаленномъ островѣ Предтеченскомъ.

Скитовъ на Валаамскихъ островахъ четыре. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ скитъ Всѣхъ Святыхъ, отстоящій отъ монастыря на двѣ версты. Онъ основанъ былъ при игуменѣ Назаріи, а окончательно устроенъ игуменомъ Дамаскинымъ. Онъ состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ корпусовъ, соединенныхъ каменной оградой; въ этихъ корпусахъ находятся келліи скитской братіи. Посреди скитскаго двора возвышается двухъэтажный храмъ византійской архитектуры; въ нижнемъ этажѣ устроена церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, а въ верхнемъ— во имя Небесныхъ Силъ Безплотныхъ.

Второй скитъ—Никольскій находится на небольшомъ островѣ, называвшемся прежде Крестовымъ, а со времени построенія на немъ Никольскаго храма—Никольскимъ. На вершинѣ этого острова издавна стояла каменная часовня во имя святителя Николая. Въ часовнѣ во всѣ стороны были сдѣланы окна и въ темныя ночи зажигался въ ней фонарь для освѣщенія пути къ монастырю, и его свѣтъ далеко былъ видѣнъ съ озера и приносилъ не малую пользу судамъ. Въ 1853 году иждивеніемъ петербургскаго купца Николая Солодовникова, пожертвовавшаго болѣе 50,000 рублей серебромъ, на островѣ воздвигнутъ во имя св. Николая прекрасный храмъ съ изящной церковной утварью и дорогими облаченіями. При храмѣ въ 1858 году былъ построенъ каменный двухъ-этажный домъ, въ которомъ расположены келліи настоятеля и братіи.

Къ сѣверо-востоку отъ монастыря, въ семи верстахъ величественно красуется Святой островъ. Первымъ обитателемъ этого пустыннаго острова былъ преподобный Александръ Свирскій. До нынѣ видны на островѣ слѣды пребыванія благочестиваго отшельника: его пещера въ разсѣлинѣ скалы и

могила, осѣненная теперь гранитнымъ крестомъ, ископанная, по преданію, его святыми руками. Недалеко отъ священной могилы подвижника существовала въ прежнее время деревянная часовня, но въ 1855 году вмѣсто нея, иждивеніемъ петербургскаго купца Василія Никитина, сооружена была церковь, а при ней два деревянные дома съ келліями для братіи.

Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря громаднымъ утесомъ выдвигается въ озеро островъ Сурничанъ, т. е., Монашескій. Въ 1855 году на немъ устроена была небольшая часовня во имя св. Пророка и Предтечи Іоанна, съ небольшою пустынею. Съ этихъ поръ Сурничанъ сталъ называться Предтеченскимъ островомъ. Въ 1858 году часовню замѣнила церковь, нижній этажъ которой высѣченъ въ скалѣ. Вскорѣ по освѣщеніи храма, на восточной и южной отлогостяхъ острова, въ густой тѣни сосноваго лѣса, стали появляться убогія иноческія пустыньки, въ которыхъ живутъ четыре пустынника. Внутри же ограды, въ церковномъ домѣ, живутъ два послушника, имѣющіе назначеніе хранить и содержать въ порядкѣ зданія, въ особенности храмъ. Въ томъ же домѣ временно помѣщается іеромонахъ съ причтомъ, прибывающій изъ монастыря для совершенія церковнаго богослуженія, которое непремѣнно бываетъ въ недѣлю разъ или два.

Съ открытіемъ воднаго пути, въ концѣ мая, пароходы начинаютъ подвозить богомольцевъ изъ Петербурга въ монастырь. Для прибывшихъ посѣтителей отводятся приличныя и удобныя помѣщенія въ каменномъ гостинномъ домѣ; прислуживаетъ тамъ имъ монастырская братія. Къ ужину и къ обѣду мужчины приглашаются въ общую монастырскую трапезу; для женщинъ устроена особая женская трапеза въ го-

стинницѣ. Цѣлыя семейства могутъ получать кушанья и въ келлію. По пріѣздѣ въ монастырь, гости считаютъ первымъ долгомъ немедленно посѣтить отца настоятеля въ его келліяхъ и получить отъ него благословеніе.

Не требуя никакого вознагражденія за свое гостепріимство, предоставляя это вознагражденіе совѣсти, усердію и средствамъ каждаго богомольца, Валаамскій монастырь, съ своей стороны желаетъ только, чтобы богомольцы, живя въ монастырѣ, соблюдали слѣдующія правила монастырскаго благочинія:

1) Безъ особеннаго благословенія не ходить въ лѣсъ, въ пустыни, скиты, въ монастырскія келліи. Изъ живущихъ въ монастырѣ никого не принимать къ себѣ въ келліи, имъ не давать и отъ нихъ ничего не брать ни подъ какимъ предлогомъ.

2) Не оказывать никому здѣсь частныхъ благотвореній, а доброхотное свое приношеніе полагать въ общую кружку на пользу св. обители, такъ какъ, по правиламъ общежитія, никто изъ живущихъ въ монастырѣ не имѣетъ права пріобрѣтать отдѣльной собственности.

3) Привозимыя въ монастырь письма и посылки на имя проживающихъ въ немъ отдавать монастырскому начальству, для передачи по принадлежности.

4) Не стрѣлять на островѣ изъ огнестрѣльныхъ оружій, не бить звѣрей, птицъ, не ловить рыбы, не портить лѣсу и не курить табаку.

5) Не писать ничего на стѣнахъ и стеклахъ гостиннаго дома и не бросать огня на удобосгораемыя вещи.

Правила эти выставлены для свѣдѣнія богомольцевъ у пароходной пристани и въ самой гостинницѣ.

Въ притворѣ храма преподобныхъ предлагаются посѣтителямъ кипарисные крестики и образочки работы братій, образки на финифти, литографированные и фотографическіе

изображенія Валаамскихъ угодниковъ, книжки и виды обители и ея скитовъ, а въ гостинномъ домѣ разныя глиняныя издѣлія: вазы, сахарницы, молочники, чайники и прочее,— труды иноковъ Валаамскихъ.

Особенно большое стеченіе посѣтителей бываетъ въ Петровскій и Успенскій посты. Многіе изъ нихъ остаются въ обители для говѣнія; всѣмъ такого рода гостямъ въ тѣ дни подается въ трапезѣ постная пища безъ масла. Въ теченіе года всѣхъ посѣтителей бываетъ въ обители нѣсколько тысячъ человѣкъ.

При отправленіи изъ монастыря гости берутъ благословеніе у отца настоятеля на благополучное возвращеніе домой. Со всѣми ласково бесѣдуетъ отецъ игуменъ, каждому,—бѣдному, странному и богатому,—даетъ въ благословеніе—кому образокъ, кому просфору, кому книжку, кому что либо другое, всѣмъ выражаетъ свое сердечное удовольствіе за душеполезный трудъ ихъ къ посѣщенію святаго мѣста. Напутствуемые благословеніемъ, гости оставляютъ святую обитель.

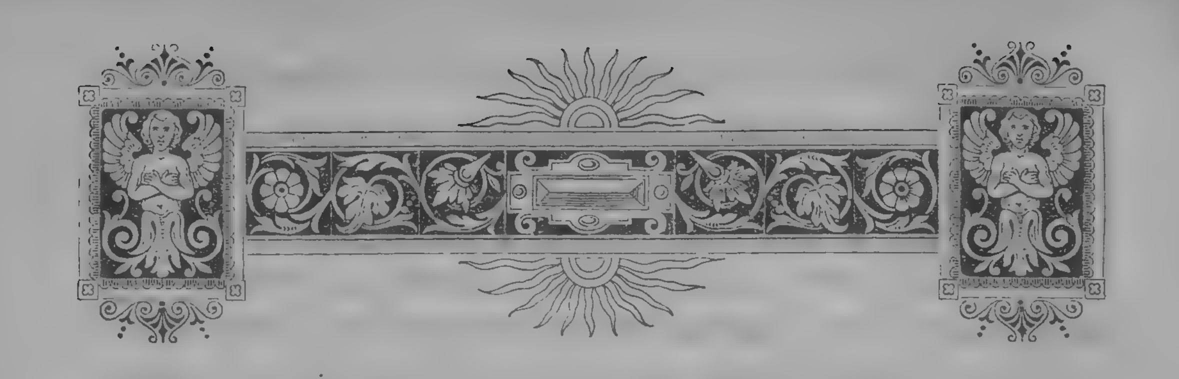
Великую службу сослужили Русской землѣ святые подвижники, трудами которыхъ создавались обители. Въ годы тяжкой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнію. И вотъ, въ такую тяжкую пору въ разныхъ концахъ Русской земли, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ не бывала человѣческая нога, гдѣ ютились только дикіе звѣри, являются одинъ за другимъ пустынники. Почетъ, богатство, семейныя радости,—все, что такъ дорого людямъ на землѣ,—все презрѣли эти подвижники: все это, въ ихъ глазахъ, ничто въ сравненіи съ иною жизнію, жизнью вѣчно, духовною.

Проповѣдаютъ о подвижникѣ люди, дивятся ему: старикъ одинъ-одинешенекъ живетъ въ безлюдной глуши, ни хищнаго звѣря не страшится, ни лихого человѣка не пугается, боится только одного грѣха,—боится еще пуще лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпитъ и все Богу молится. Разсказываютъ тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, свѣтелъ душою, что готовъ утѣшить онъ всякаго скорбнаго, что сладко слушать слова его.

— «Коли самъ Богъ,—говоритъ онъ:—терпѣлъ всякія лишенія, нужду и страданія за грѣхи людей, то намъ грѣшнымъ людямъ, не великое дѣло—потерпѣть нужду и лишенія за свои грѣхи, которыхъ паче мѣры... Ничтожна эта земля съ ея кратковременными страданіями и горестями въ сравненіи съ царствомъ небеснымъ, гдѣ жизнь вѣчная, красота неизрѣченная и радость безъ конца».

Свѣтлѣе становилось на душѣ у несчастнаго, подавленнаго горемъ человѣка отъ такихъ рѣчей: вѣра въ лучшую будущую жизнь согрѣвала душу его. Учился онъ у старца, немощнаго тѣломъ, но крѣпкаго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужду, терпѣливо сносить свою горькую долю, не падать духомъ.

Недоступны были простому темному люду священныя книги, не приходилось ему слышать церковную проповѣдь: въ тяжкое время татарщины и въ большихъ городахъ на Руси все рѣже и рѣже раздавалась она, наконецъ, и совсѣмъ смолкла. Но сильнѣе книгъ и проповѣдей дѣйствовалъ на простыхъ людей живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва объ ихъ подвигахъ широко расходилась и повсюду проникала въ самые глухіе уголки и поддерживала у темныхъ людей вѣру въ Бога и въ будущую лучшую жизнь.



V. Александро-Невская лавра.

Александро-Невская Свято-Троицкая лавра въ С.-Петербургѣ—третій изъ первостепенныхъ русскихъ монастырей, послѣ Кіево-Печерскаго и Троицко-Сергіевскаго. Основана она Петромъ Великимъ, въ 1710 году, при впаденіи Черной рѣчки въ Неву, въ воспоминаніе побѣдъ великаго князя Александра Невскаго, разбившаго здѣсь шведовъ въ 1240 году, 15 іюля.

Въ 1713 году здѣсь сооружена была первая деревянная церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и отмежевано мѣсто для построенія монастыря; затѣмъ поставлены были деревянныя братскія келліи и началось общежительство братіи. Вскорѣ явились и каменныя церкви, и каменныя келліи; на южной сторонѣ Черной рѣчки построена была каменная двухъ-этажная церковь во имя Благовѣщенія и Александра Невскаго, съ галлереями. Въ 1720 году заложенъ Троицкій соборъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были построены каменныя, двухъ-этажный келліи тремя флигелями, прислоненными одинъ къ другому зигзагомъ.

Въ 1724 году въ Александро-Невскій монастырь были перенесены изъ Владиміра мощи святаго великаго князя Александра Невскаго.

Сынъ Владиміра Святаго, Ярославъ Мудрый, передъ своей смертью (въ 1051 году) раздѣлилъ Русскую землю на отдѣльныя княжества, или удѣлы, и роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ. Старшему сыну онъ далъ Кіевъ и велѣлъ младшимъ почитать его, какъ отца; Кіевскій князь получилъ титулъ «великаго князя», а остальные князья назывались «удѣльными».

Съ этого времени Русь, раздѣленная на множество мелкихъ удѣловъ, сильно страдала отъ постоянныхъ княжескихъ усобицъ. Удѣльные князья, стремясь къ полной независимости отъ великаго князя и расширенію своихъ владѣній на счетъ другихъ удѣловъ, вели постоянныя междоусобныя войны, сопровождавшіяся всякаго рода жестокостями. Города, селенія съ ихъ обитателями, монастыри и церкви,—все это гибло во время такихъ войнъ властолюбивыхъ и корыстныхъ князей.

Жестоко страдая отъ внутреннихъ междоусобій, разоренная и обезсиленная, Русь въ то же время часто подвергалась нападеніямъ со стороны внѣшнихъ враговъ: съ сѣвера ей угрожали шведы, а съ сѣверо-запада—нѣмецкій Ливонскій орденъ (воинственная община), стремившіеся распространить латинскую вѣру и расширить свои владѣнія. Около половины XIII вѣка появился новый, страшный врагъ—татары. Въ 1237—1240 годахъ татарскій ханъ Батый съ огромнымъ войскомъ вторгся въ Россію, прошелъ ее вдоль и поперекъ, вездѣ оставляя за собой пепелъ и пустыни. Города и селенія съ храмами и монастырями обращались врагами въ груды развалинъ или сожигались до тла. Жители погибали отъ огня или меча, другіе, оставивъ на произволъ дикихъ враговъ свое имущество, разбѣжались по лѣсамъ и дебрямъ; многіе взяты были въ плѣнъ и уведены въ тяжкую неволю. Оставшіеся въ живыхъ были обложены тяжелою данью. Одинъ только Новгородъ со своими окрестностями избѣжалъ татарскаго разгрома. Опустошивъ и разграбивъ православную Русь, ди-

кій завоеватель Батый поселился со своею Ордой въ низовьяхъ Волги и оттуда сталъ владѣть Русскою землей. Князья русскіе должны были являться къ нему въ Орду съ изъявленіемъ своей покорности.

Въ эту тяжелую пору, когда плачъ и стонъ восходилъ къ небесамъ, когда не откуда было ждать отрады, когда стыдъ давилъ русскія сердца и, казалось, честь народная погибала въ горькой неволѣ татарской, свѣтлыми лучами озарили Русь подвиги Александра Ярославича Невскаго, благодѣтеля несчастнаго своего отечества. Благословеніе Божіе видимо почивало на всѣхъ дѣлахъ его, стяжавшихъ ему безсмертную славу на землѣ, признательную память каждаго вѣрнаго сына Россіи и нетлѣнный вѣнецъ на небѣ.

Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій родился 30 мая 1220 года. Отецъ его, князь Ярославъ Всеволодовичъ, правилъ въ то время удѣломъ Переяславскимъ; мать его называлась Ѳеодосіей, а въ иночествѣ Евфросиніей. Родители благовѣрнаго князя отличались христіанскими добродѣтелями: вѣрою, благочестіемъ, милосердіемъ къ бѣднымъ, и воспитывали въ нихъ также и своего сына. Подъ благотворнымъ вліяніемъ своихъ благочестивыхъ родителей святой Александръ измлада украшался христіанскими доблестями души, соотвѣтствовавшими его тѣлесной красотѣ, ибо онъ былъ красивъ, какъ Іосифъ Прекрасный, и отличался высокимъ ростомъ, силою, храбростью и звучнымъ, далеко раздававшимся голосомъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ отвращался отъ мірского суемудрія, и любимымъ занятіемъ его было чтеніе священныхъ книгъ и пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Нерѣдко также въ ночной тиши онъ изливалъ свои чувства передъ Богомъ въ пламенной молитвѣ. Не

смотря на свое высокое положеніе князь не любилъ предаваться празднымъ развлеченіямъ и охотнѣе проводилъ время въ уединеніи и богомысліи, чѣмъ въ шумныхъ пиршествахъ. Обладая обширнымъ умомъ, красотою и другими выдающимися качествами, онъ никогда не гордился ими, съ одинаковой лаской разговаривалъ съ богачемъ и бѣднякомъ, и очень часто являлся защитникомъ сиротъ, вдовицъ и другихъ безпомощныхъ людей.

Большую часть своей юности св. Александръ Невскій провелъ въ Новгородѣ, гдѣ въ то время княжилъ отецъ его, Ярославъ Всеволодовичъ. Въ 1228 году Ярославъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непріятностей, удалился изъ Новгорода и оставилъ тамъ Александра со старшимъ братомъ его Ѳеодоромъ, подъ надзоромъ двухъ бояръ. Но не долго молодые князья пробыли въ Новгородѣ; въ этомъ же году Новгородъ потерпѣлъ страшное бѣдствіе: вслѣдствіе безпрестанныхъ дождей, хлѣбъ сгнилъ на поляхъ и народъ, вмѣсто того, чтобы обратиться съ молитвою къ Богу, возсталъ противъ архіепископа новгородскаго Арсенія и чуть было не убилъ его; тогда Ѳеодоръ и Александръ тайно уѣхали къ отцу. Черезъ два года новгородцы стали просить Ярослава возвратиться въ Новгородъ; тотъ пріѣхалъ и, попрежнему, оставилъ тамъ двухъ сыновей своихъ. Не радостно было возвращеніе ихъ: голодъ и моръ свирѣпствовали тамъ съ прежней силой, и бѣдные люди доходили до того, что ѣли кору съ деревьевъ и даже, страшно сказать, человѣческое мясо.

Въ 1233 году братъ Александра, Ѳеодоръ, умеръ совершенно неожиданно, передъ самой своей свадьбой. Въ 1236 году Ярославъ занялъ престолъ въ Кіевѣ, а Александръ Ярославичъ сталъ править въ Новгородѣ самостоятельно. — Съ этого-то времени и началась многотрудная и славная дѣятельность его на благо своего отечества.

Святой Александръ занялъ, такимъ образомъ, княжескій престолъ въ Новгородѣ незадолго до страшнаго дня нашего отечества бѣдствія—нашествія Батыя. Выше было замѣчено, что Новгородъ со своими окрестностями избѣжалъ разгрома со стороны дикаго врага; тѣмъ не менѣе время продолжительнаго и томительнаго ожиданія страшнаго нашествія не прошло для новгородскаго князя безъ тревогъ и заботъ о благѣ своего народа. Счастливо избавившись отъ татарскаго нашествія, Новгородъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ враждебными сосѣдями: Ливонскими рыцарями, шведами и литовцами.

Въ 1239 году девятнадцатилѣтній Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Полоцкаго князя Брячислава, Александрой. Вѣнчаніе происходило въ Торопцѣ. Князь отпраздновалъ два свадебныхъ пира, называвшихся тогда «кашею»—одинъ въ Торопцѣ, другой—въ Новгородѣ, какъ бы для того, чтобы сдѣлать и новгородцевъ участниками своего семейнаго торжества. Въ этомъ же году, не отвлекаясь семейными заботами, сталъ строить крѣпости на рѣкѣ Шелони для защиты западныхъ новгородскихъ окраинъ отъ враговъ.

Добрая молва о свѣтломъ разумѣ Александра и его добродѣтеляхъ дошла до нѣмцевъ и татаръ. Магистръ (начальникъ) нѣмецкихъ ливонскихъ рыцарей, Андрей Вильвенъ, нарочно пріѣзжалъ въ Новгородъ, чтобы лично узнать Александра и поговорить съ нимъ о дѣлахъ. «Много странъ прошелъ я»,—говорилъ онъ:—«много царей и князей знаю я, но нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго Александру мужествомъ и и красотою ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя».

Между тѣмъ на Новгородъ ополчились шведы (въ 1240 г.). Папа римскій издалъ грамоту, которой поручалъ шведамъ начать походъ на Новгородскую землю и обратить православныхъ въ латинскую вѣру. Биргеръ-Ярлъ, зять шведскаго

короля Эрика, собравъ многочисленное войско, отправился походомъ къ берегамъ рѣки Невы, чтобы Невою пройти въ Ладожское озеро, а потомъ по Волхову до самаго Новгорода. Съ дороги надменный вождь отправилъ къ Александру такой гордый вызовъ: «Защищайся, если можешь; я уже на твоей землѣ, и скоро покорю ее». Александръ не ожидалъ такого внезапнаго нападенія и не былъ готовъ къ войнѣ; дружина его была малая, но терять времени было нельзя. Собравъ ратниковъ своихъ, Александръ, какъ глубоко вѣрующій прежде всего поспѣшилъ въ соборный храмъ Св. Софіи, гдѣ владыка новгородскій вмѣстѣ съ народомъ молилъ Господа даровать князю побѣду надъ врагами. Александръ вознесъ Богу слѣдующую молитву:

«Боже хвальный и праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный, создавый небо и землю и поставивый предѣлы языковъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужія части! Суди обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною, пріими оружіе и щитъ, и стани въ помощь мнѣ!»

Принявъ благословеніе отъ владыки и ввѣривъ себя и свою дружину святымъ его молитвамъ, св. Александръ вышелъ изъ храма къ своему малочисленному войску и, желая ободрить его надеждою на помощь Господа, обратился къ нему съ слѣдующими многознаменательными словами:

— «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! Вспомнимъ слова Давида псалмопѣвца: сіи во оружіи и сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ. Тіи спяти быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся».

Надежда на помощь Божію одушевила всѣхъ.

Александръ со своею дружиною направился къ устью Невы, гдѣ расположились шведы.

Въ ночь на 15 іюля ижорянинъ Пелгусій, въ крещеніи Филиппъ, человѣкъ благочестивый, удостоился видѣнія, ко-

торое послужило ободреніемъ св. Александру. По порученію Александра онъ наблюдалъ за движеніями враговъ и высматривалъ ихъ силы. И вотъ, на этой-то ночной стражѣ случилось слѣдующее. Простоявъ всю ночь, Пелгусій на разсвѣтѣ услышалъ шумъ, какъ бы отъ плывущаго по водѣ судна. Думая что это приближаются враги, онъ сталъ внимательно всматриваться: очертанія гребцовъ въ лодкѣ были видны не ясно; среди нихъ ярко выдѣлялись два витязя, черты которыхъ напомнили Пелгусію лики святыхъ страстотерпцевъ князей Бориса и Глѣба. Вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ, какъ Борисъ сказалъ своему брату:

— «Братъ Глѣбъ! прикажи грести: поможемъ сроднику нашему Александру!»

Съ благоговѣйнымъ трепетомъ проводилъ Пелгусій взоромъ скрывавшуюся въ туманѣ ладью и поспѣшилъ къ св. князю Александру, чтобы передать ему все, что видѣлъ и слышалъ. Обрадованный князь въ тотъ же день напалъ на враговъ. Упорная битва продолжалась весь день съ утра до вечера. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь своею богатырскою удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ златоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и ударилъ его острымъ копьемъ по лицу, — «возложилъ ему печать на лицо»—говоритъ повѣствователь.

Шведы потерпѣли полное пораженіе; много ихъ полегло на мѣстѣ боя, число же убитыхъ нашихъ было незначительно. Уцѣлѣвшіе отъ смерти враги поспѣшно сѣли на корабли и уплыли домой.

Невская побѣда имѣла важное значеніе для Новгорода и всей русской земли: она показала шведамъ силу и мужество

русскихъ и надолго отъучила ихъ отъ вторженія въ предѣлы Новгородской земли; кромѣ того, она спасла всю православную Русь отъ злокозненныхъ происковъ властолюбивыхъ римскихъ папъ—обратить православный русскій народъ въ латинскую вѣру. Современники не напрасно высоко цѣнили ее и назвали виновника ея св. князя Александра—«Невскимъ».

Вскорѣ послѣ этой побѣды буйные новгородцы не поладили съ Александромъ, и кроткій князь, зимою 1240 года, покинулъ Новгородъ и вмѣстѣ съ своимъ дворомъ удалился въ Переяславль.

Ливонскіе рыцари удачно воспользовались отсутствіемъ Невскаго героя. Они взяли Псковъ, построили въ Копорьѣ крѣпость, появились въ 30 верстахъ отъ Новгорода и безнаказанно захватывали въ плѣнъ проѣзжихъ купцовъ новгородскихъ, грабили ихъ товары и нерѣдко убивали. Стали жалѣть, да каяться новгородцы, что не поладили съ княземъ своимъ. Доведенные грабежами и убійствами ливонцевъ до послѣдней крайности, они отправили своего владыку и бояръ просить великаго князя Ярослава Всеволодовича, чтобы онъ прислалъ имъ княземъ опять Александра. Кроткій князь, не вспоминая объ оскорбленіи, нанесенномъ новгородцами, прибылъ зимою 1241 года въ Новгородъ, быстро собралъ дружину, двинулъ къ Копорью и раззорилъ построенную тамъ крѣпость. Потомъ пошелъ ко Пскову, возвратилъ его отъ нѣмцевъ и прогналъ ихъ въ Ливонскую землю.

Желая положить конецъ стремленіямъ нѣмцевъ поживиться на счетъ сѣверныхъ русскихъ областей и окончательно обезопасить свои владѣнія, св. Александръ вторгся въ предѣлы самой Ливоніи.

Тогда Ливонцы собрали большое войско, снова двинулись противъ Александра и потѣснили его передовую рать. Александръ отступилъ и расположился со своимъ войскомъ на льду Чудскаго озера.

Былъ апрѣль въ началѣ; но въ этотъ годъ весна наступила поздно, ледъ на озерѣ былъ еще крѣпокъ и могъ выдержать ратниковъ. Дружина князя готова была биться до послѣдней капли крови.

— «Княже честной и дорогой! Нынѣ настало время положить за тебя головы свои»,—говорили ему воины.

Передъ битвой благовѣрный князь пламенно молилъ Господа о дарованіи всесильной помощи:

— «Суди меня, Боже, и разсуди распрю мою съ этимъ народомъ! Помоги мнѣ, Господи, какъ помогъ Ты Моисею противъ Амалика и прадѣду моему Ярославу на окаяннаго Святополка».

Враги встрѣтились 5 апрѣля, при солнечномъ восходѣ. Битва была упорная и жестокая. Нѣмцы построили свое войско въ видѣ треугольника, или клина, чтобы имъ удобнѣе было врѣзаться въ русское войско. Такой строй лѣтописцы наши называли «свиньей». Но русскіе не смутились. Вступивъ въ жестокій рукопашный бой, они смяли и разбили непріятеля на голову и преслѣдовали нѣмцевъ на пространствѣ семи верстъ, ледъ побагровѣлъ отъ крови и мѣстами трескался; многіе потонули. Однихъ нѣмецкихъ рыцарей погибло до 500 человѣкъ, а простыхъ воиновъ—безъ числа. Битва эта извѣстна въ исторіи подъ именемъ «Ледоваго побоища» (5 апрѣля 1242 году).

Послѣ такой блестящей побѣды Александръ торжественно отправился во Псковъ. Взятые въ плѣнъ рыцари въ числѣ 50 человѣкъ, шли скованные за своимъ побѣдителемъ. На встрѣчу Александру и его храброму войску вышли псковичи со всѣмъ духовенствомъ, иконами, крестами и хоругвями. Побѣда эта, какъ и Невская, имѣла важное значеніе для нашего православнаго отечества. Ливонскіе нѣмцы были ярые приверженцы латинской вѣры и папы, и, въ случаѣ нашего

пораженія, утвердили бы папскую власть и съ ней латинскую вѣру въ православной Руси. Но Господь въ явѣ хранитъ насъ ради православія, и благочестивый князь Александръ вмѣстѣ съ подданными въ пламенной молитвѣ благодарилъ Господа Бога за спасеніе православной Руси отъ такой явной и страшной опасности.

Разбитые на голову ливонскіе нѣмцы, боясь новаго вторженія русскихъ въ свои владѣнія, поспѣшили заключить съ Александромъ миръ на выгодныхъ для Новгорода условіяхъ.

По заключеніи мира съ нѣмцами, Александръ вступилъ въ борьбу съ литовцами, жившими въ области рѣки Нѣмана; они забирали русскіе города и селенія, грабили и опустошали ихъ: Александру пришлось долго бороться съ ними; онъ нанесъ литовцамъ нѣсколько пораженій, но они, оправившись, снова начинали свои нападенія. Тогда Александръ проникъ въ ихъ собственныя земли и окончательно уничтожилъ ихъ военныя силы. Съ тѣхъ поръ литва присмирѣла надолго и перестала тревожить новгородскія области.

Слава Александра росла и достигла отдаленнаго Запада, самого города Рима, гдѣ жилъ и живетъ теперь папа римскій, глава латинской церкви. Папа Иннокентій IV послалъ къ Александру пословъ, которымъ приказалъ сказать князю:

— «Слышали мы о тебѣ, княже, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя; поэтому мы прислали къ тебѣ двухъ мудрыхъ пословъ, да послушаешь ученія нашего».

При этомъ папа увѣрялъ Александра, будто отецъ его, Ярославъ, изъявлялъ монаху Плано-Карпини желаніе подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, которыя русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ ливонскихъ рыцарей, отъ ко-

торыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Но Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ наотрѣзъ (въ 1251 году).

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью; но не могъ онъ съ тѣми же силами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ — татаръ. Татары успѣли уже покорить почти всѣ русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія нельзя было и думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ подъ власти татаръ, оставалось отдаться на великодушіе побѣдителей, кланяться имъ, признать ихъ господами и тѣмъ самымъ обезопасить Русь отъ окончательнаго разоренія. Это было тѣмъ легче, что татары, безжалостно истреблявшіе все, что имъ сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны къ покорнымъ. Александръ хорошо понималъ, что раздробленная и разоренная Русь не въ состояніи противиться татарамъ и безусловную покорность считалъ единственнымъ средствомъ спасти ее отъ окончательной гибели.

Громкая слава Невскаго героя дошла и до дикаго властелина—Батыя. Онъ послалъ сказать ему:

— «Александръ! Ты знаешь, что Богъ покорилъ мнѣ много народовъ. Неужели ты одинъ не хочешь мнѣ покориться? Если хочешь сохранить свою землю, то явись немедленно ко мнѣ и увидишь величіе царства моего».

Князь зналъ, что сопротивленіе немыслимо, и потому рѣшилъ покориться, чтобы не подвергать свое княжество опасности. Напутствуемый св. Дарами, благовѣрный князь отправился къ хану. Тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Орду, Ба-

тый велѣлъ привести его къ себѣ. Татары, приставленные къ князю, хотѣли было, по своему обычаю, провести его между двухъ огней и заставить поклониться солнцу и огню; но благочестивый князь наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе.

— «Я христіанинъ»,—говорилъ онъ,—«и мнѣ не подобаетъ покланяться твари. Я покланяюсь Отцу и Сыну и Святому Духу—Богу Единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо, и землю, и все, что въ нихъ находится».

Такая неустрашимость и твердость его въ православной вѣрѣ привела въ гнѣвъ татаръ и они тотчасъ пошли донести объ этомъ хану. Но Батый, желая видѣть поскорѣе князя, не велѣлъ принуждать его исполнять языческіе обряды и приказалъ привести его къ себѣ съ подобающей честью. Явившись къ грозному властелину, благовѣрный князь обратился къ нему съ слѣдующими словами»:

— «Тебѣ — царю покланяюсь, ибо Богъ почтилъ тебя царствомъ. А твари не покланяюсь, ибо она создана для человѣка. Одному Богу, Которому служу и Котораго чту, покланяюсь».

Послѣ продолжительнаго разговора съ Александромъ, изумленный Батый замѣтилъ своимъ приближеннымъ:

— «Правду сказали мнѣ, что нѣтъ подобнаго этому князю».

Почтивъ Александра богатыми дарами, ханъ съ великою честью отпустилъ его въ Новгородъ.

Въ 1246 году умеръ отецъ Александра, Ярославъ Всеволодовичъ. Смерть постигла его на возвратномъ пути изъ Орды въ Россію. По смерти Ярослава остались—родной братъ его, Святославъ Всеволодовичъ, и четыре сына: Александръ Андрей, Михаилъ и Ярославъ Ярославичи. Великокняжескій престолъ былъ утвержденъ Батыемъ за княземъ Святосла-

вомъ. Благочестивый Святославъ отдалъ племянникамъ во владѣніе назначенные имъ, по завѣщанію ихъ отца—Ярослава, . удѣлы. Александръ благодарилъ дядю и навсегда остался съ нимъ въ добрыхъ родственныхъ отношеніяхъ. Но властолюбивый братъ его, Андрей вопреки волѣ отца своего Ярослава, началъ хлопотать передъ Батыемъ о полученіи великокняжескаго престола. Такое повѐденіе Андрея заставило и Александра отправиться въ Орду. Это путешествіе было очень трудно и продолжительно; отъ Батыя Александръ и Андрей должны были ѣхать къ хану Менгу въ Великую Орду, въ глубь Азіи. Черезъ два года князья возвратились и привезли съ собой ярлыки на великокняжескія владѣнія: Александръ на Кіевское, а Андрей на Владимірское (въ 1249 г.).

Владимірское княжество въ то время было самое могущественное, а Кіевское, послѣ нашествія Батыя, все было разорено. Такое предпочтеніе, оказанное ханомъ слабосильному и легкомысленному Андрею передъ славнымъ и умнымъ его братомъ Александромъ, объясняется опасеніемъ хана потерять свое господство надъ Русью. Ханъ опасался дать Александру великое и въ то же время сильное княжество Владимірское. Дѣйствительно, имя Александра, грознаго побѣдителя шведовъ, нѣмцевъ и литвы, произвело могущественное дѣйствіе въ Ордѣ и даже было страшно для нея.

Именуясь княземъ Кіевскимъ, Александръ жилъ не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ или въ своихъ Суздальскихъ владѣніяхъ. Въ 1251 году благовѣрный князь впалъ въ тяжкую болѣзнь; повергшую въ ужасъ православныхъ, начавшихъ даже отчаяваться въ его выздоровленіи. Духовенство и народъ обратились съ теплыми молитвами къ Богу объ исцѣленіи князя, и Господь услышалъ ихъ и воздвигъ князя отъ одра болѣзни. Вскорѣ послѣ этого угрожавшая отечеству

опасность заставила Александра снова отправиться въ Орду. Опасность эта состояла въ слѣдующемъ.

Братъ св. Александра, Андрей достигнувъ своими происками престола великокняжескаго, задумалъ вступить въ борьбу съ татарами; въ случаѣ побѣды Андрей надѣялся быть великимъ княземъ всей Руси и заслужить себѣ славу спасителя своего отечества. Узнавъ объ этомъ, ханъ отправилъ противъ Андрея большое войско подъ начальствомъ Неврюя. Андрей вмѣсто того, чтобы покориться хану, осмѣлился съ ничтожнымъ войскомъ противиться огромнымъ ратямъ татарскимъ, потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Швецію. Послѣ этого Владимірское княжество подверглось страшному татарскому разгрому, и, Богъ знаетъ, что случилось бы съ Русской землей, если бы Александръ Ярославичъ не поѣхалъ въ Орду; покорностью и неотступными просьбами своими онъ укротилъ гнѣвъ Сартака, управлявшаго дѣлами въ Ордѣ за дряхлостью отца своего, Батыя. Александръ такъ расположилъ къ себѣ Сартака, что тотъ далъ ему въ награду за покорность ярлыкъ (грамоту) на великое княжество Владимірское. Это было въ 1252 году.

Съ великою и неподдѣльною радостью русскій народъ принялъ вѣсть о назначеніи благовѣрнаго Александра на великокняжескій Владимірскій престолъ. А когда неусыпный защитникъ и благодѣтель Русской земли подъѣзжалъ ко Владиміру, митрополитъ Кириллъ, духовенство и народъ, съ иконами и хоругвями встрѣтили его за главными золотыми воротами города. Свое мудрое и благодѣтельное правленіе Александръ началъ дѣлами государственнаго благоустройства и христіанскаго человѣколюбія. Онъ дѣятельно принялся уничтожать слѣды татарскаго разгрома во Владимірскомъ княжествѣ: возобновлялъ храмы, укрѣплялъ города, собиралъ бѣжавшихъ въ лѣса жителей и помогалъ разоренным, чѣмъ могъ.

Съ полученіемъ Владимірскаго престола Александръ сталъ великимъ княземъ всей Русской земли; мѣстопребываніе свое онъ имѣлъ во Владимірѣ, а для управленія другими удѣлами онъ назначалъ своихъ сыновей, чтобы такимъ образомъ тѣснѣе соединить съ Владимірскимъ княжествомъ остальные удѣлы и этимъ усилить ослабленную Русь. Въ Новгородъ Александръ назначилъ своего сына Василія. Но безпокойные новгородцы хотѣли имѣть своего особаго князя, независимаго отъ князя Владимірскаго, изгнали Василія Александровича и призвали къ себѣ княжить младшаго брата Александра, Ярослава Ярославича. Возмущенный этимъ поступкомъ, великій князь немедленно собралъ войско, двинулся къ Новгороду и безъ кровопролитія заставилъ новгородцевъ снова принять къ себѣ Василія.

Вскорѣ послѣ того Александру Ярославичу опять пришлось послужить Великому Новгороду. Въ 1255 году шведы, подстрекаемые папой, все еще старавшимся подчинить себѣ русскую церковь, напали на предѣлы новгородскіе и стали строить крѣпости на рѣкѣ Наровѣ, что бы отсюда начать завоеванія финскаго пребрежья. Узнавъ объ этомъ, святой Александръ двинулся къ Копорью и заставилъ шведовъ удалиться.

Теперь благовѣрному Александру предстояло заняться самымъ труднымъ и серьезнымъ дѣломъ: ему нужно было выгодно для отечества рѣшить вопросъ объ отношеніи покоренной Руси къ поработителямъ-татарамъ.

Въ Ордѣ въ это время произошелъ переворотъ: Батый умеръ, сынъ его, Сартакъ, былъ умерщвленъ дядею Берке, объявившимъ себя ханомъ. Послѣдній ввѣрилъ дѣла Руси своему намѣстнику Улагчи. Въ 1256 году пришла изъ Орды вѣсть, что ханъ хочетъ обложить Русь опредѣленной данью. Великій князь Александръ поспѣшилъ въ Орду, чтобы тамъ



Свято-Троицкій соборъ въ Александро-Невской лаврѣ.

лично обо всемъ переговорить съ ханомъ и окончательно опредѣлить отношенія Руси къ поработителямъ. И благовѣрный князь сдѣлалъ въ этомъ случаѣ для отечества все, что могъ.

Въ слѣдующемъ, 1257 году прибыли въ Русскую землю татарскіе численники, которые немедленно переписали Суздальскую, Муромскую и Рязанскую землю, не включая въ перепись только духовныхъ лицъ. Но весь строй государственнаго управленія и общественной жизни, благодаря ходатайству и заступничеству святаго Александра, былъ оставленъ неприкосновеннымъ: татары на этотъ разъ ограничились однимъ обложеніемъ покоренной страны опредѣленной данью, оставаясь по прежнему вдали отъ Руси. Благодаря этому у порабощеннаго нашего отечества остались свои собственные правители князья, свои законы, нравы и обычаи; у него остались неприкосновенными родной языкъ и святая православная вѣра. Но этого ничего бы не было и самое освобожденіе русской земли отъ татарскаго ига едва-ли бы было возможно, если бы татары жили въ Россіи и заправляли всѣмъ ходомъ народной жизни.

Въ слѣдующемъ году Александръ снова отправился въ Орду съ дарами благодарить Улагчи и увѣрить его въ исправномъ внесеніи наложенной дани. Кромѣ того причиной этой поѣздки служила также предстоявшая народная перепись во Владимірской и Новгородскихъ областяхъ. Александръ хорошо предвидѣлъ, что эта перепись должна будетъ возмутить необузданныхъ и своевольныхъ новгородцевъ и повлечетъ страшныя бѣдствія отъ татаръ. Дѣйствительно, при одномъ извѣстіи (1257 года) о народной переписи, новгородцы цѣлое лѣто бунтовали, при чемъ дѣло нерѣдко доходило даже до убійствъ. А когда, въ 1258 году, великій князь вмѣстѣ съ татарскими численниками отправился въ Новгородъ для

производства тамъ переписи, то оказалось, что и сынъ благовѣрнаго Александра, Василій, сталъ на сторону мятежниковъ, но, при приближеніи Александра, бѣжалъ во Псковъ. Этотъ поступокъ сына крайне опечалилъ Александра. Дѣло на этотъ разъ обошлось благополучно: хотя новгородцы наотрѣзъ отказались платить дань, но ласково приняли ханскихъ пословъ и отпустили домой съ честью и дарами. Александръ вызвалъ изъ Пскова виновнаго своего сына Василія и, въ наказаніе, отослалъ его въ Суздальскую землю, а его мятежныхъ совѣтниковъ на страхъ другимъ приказалъ судить по всей строгости законовъ. На мѣсто же Василія, Александръ послалъ на княженіе въ Новгородъ другого своего сына Димитрія. Новгородцевъ же Александръ съумѣлъ вразумить и убѣдить въ неизбѣжной необходимости оказывать поработителямъ полную покорность.

Но ханъ Берке не удовольствовался дарами, присланными ему новгородцами. Онъ вторично отправилъ къ нимъ своихъ численниковъ съ строгимъ приказаніемъ произвести перепись и въ Новгородской области. Если же Новгородъ не покорится и не приметъ къ себѣ численниковъ, то онъ грозилъ послать на него огромную рать. Въ 1259 году прибыли въ Новгородъ численники въ сопровожденіи великаго князя и стали до начала переписи съ обычною наглостью собирать дань. Новгородцы опять взбунтовались; вскорѣ бунтъ принялъ такіе размѣры, что опасность стала грозить самимъ численникамъ. Тогда Александръ вмѣстѣ съ татарскими численниками и съ своею дружиною выѣхалъ изъ Новгорода. Этимъ своимъ поступкомъ Александръ далъ понять Новгородцамъ, что онъ отказывается отъ нихъ и предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Тогда новгородцы, опасаясь дурныхъ послѣдствій, смирились и согласились на перепись. Изъ любви къ Новгороду и изъ опасенія новаго возмущенія новгородцевъ,

Александръ выхлопоталъ для него право доставлять дань или прямо къ хану или черезъ великаго князя, а не черезъ баскаковъ (такъ назывались татарскіе сборщики податей). Этимъ правомъ новгородцы совершенно избавлялись отъ необходимости постоянно видѣть среди себя татаръ, чѣмъ не пользовались остальные русскіе города, гдѣ для наблюденія за русскими и для сбора дани постоянно жили баскаки.

Послѣдующіе два года были единственными годами отдыха для Руси и Александра. Но вскорѣ чуть не стряслась надъ Русской землей новая бѣда.

Сначала татары сами собирали дань съ Русскаго народа. Но потомъ рѣшили отдать дань на откупъ хивинскимъ купцамъ, извѣстныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «бесерменовъ». Эти откупщики превосходили своею жестокостью татарскихъ баскаковъ. За неплатежъ дани они назначали публичное наказаніе кнутомъ на городской площади, продавали скотъ и домашнюю утварь, брали женщинъ и дѣтей и потомъ на своей родинѣ продавали ихъ въ рабство. Къ этому присоединялось еще кощунство бесерменовъ надъ православной вѣрой и святынями. Доведенный до послѣдней крайности жестокостями хивинскихъ откупщиковъ дани, Русскій православный народъ не въ силахъ былъ болѣе терпѣть и, безъ княжеской воли, поднялъ оружіе на своихъ притѣснителей откупщиковъ. Въ 1262 году, жители Владиміра, Суздаля, Переяславля, Ростова, Ярославля и другихъ городовъ, по звуку вѣчевыхъ колоколовъ, возстали на безчеловѣчныхъ притѣснителей и однихъ перебили другихъ изгнали. Ханъ уже поднялъ страшное ополченіе на Русь, съ приказаніемъ всю ее пройти съ огнемъ и мечомъ, но великій князь Александръ поспѣшилъ въ Орду — ходатайствовать передъ ханомъ за свой народъ, или, въ случаѣ неуспѣха сложить тамъ свою голову.

Такое дѣло отвратившее отъ Русской земли новое разореніе, которое напомнило бы времена Батыевы, было великимъ подвигомъ Александра и стоило большой побѣды. И не легко было устроить: много трудовъ, просьбъ, подарковъ, поклоновъ, переговоровъ стоило Александру перемѣнить гнѣвъ хана на милость. По просьбѣ Александра ханъ не только простилъ возмущеніе русскихъ, но и избавилъ ихъ отъ тяжелой обязанности поставлять татарамъ вспомогательное войско и воевать вмѣстѣ съ ними противъ своихъ же русскихъ. Безъ малаго годъ долженъ былъ прожить Александръ въ Ордѣ. Его крѣпкое здоровье не выдержало тяжкихъ заботъ и душевныхъ тревогъ: онъ заболѣлъ въ Ордѣ.

Спасши Русскую землю, благовѣрный Александръ поспѣшилъ въ свое отечество съ радостной вѣстью, но съ разстроеннымъ здоровьемъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ онъ почувствовалъ себя особенно нездоровымъ и потому остановился здѣсь на нѣкоторое время для отдыха. Затѣмъ, почувствовавъ небольшое облегченіе, Александръ отправился дальше, но, доѣхавъ до Городца (село Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда), заболѣлъ такъ тяжко, что принужденъ былъ остановиться въ Ѳеодоровскомъ Городецкомъ монастырѣ и здѣсь почувствовалъ приближеніе смерти. По обычаю благочестивыхъ князей, великій князь Александръ Ярославичъ передъ смертью принялъ Ангельскій образъ — монашество, съ именемъ Алексѣя. Съ истинно-ангельскимъ спокойствіемъ простился онъ съ постригшимъ его въ иночество игуменомъ, братіей и своими спутниками, съ рыданіемъ окружавшими его одръ. Пріобщившись св. Таинъ, Святой Благовѣрный Великій князь Александръ мирно отошелъ ко Господу, 14-го ноября 1263 года, на 44 году своей многотрудной и благодѣтельной для Русской земли жизни. Конечно, Александръ по своимъ годамъ могъ бы еще послужить Россіи, но съ раннихъ лѣтъ

постоянные его труды, безпокойства и огорченія, очевидно сломили его здоровье.

Глубочайшею скорбью поражена была Русская земля при вѣсти о кончинѣ великаго князя. Владимірцы узнали въ тотъ же день о кончинѣ незабвеннаго своего князя. Митрополитъ Кириллъ служилъ обѣдню, когда получилъ грустную вѣсть.

Онъ обратился къ народу и сказалъ:

— «Дѣти мои милыя! Закатилось солнце земли Русской!»

Голосъ святителя прервался отъ горячихъ слезъ; собравшись съ силами онъ прибавилъ:

— «Благовѣрный великій князь Александръ нынѣ преставился».

И князья, и бояре, и весь народъ на это скорбное извѣстіе, поразившее всѣхъ, какъ громомъ, отвѣчали однимъ восклицаніемъ: «погибаемъ!» никто не могъ удержаться отъ рыданій, узнавъ, что нѣтъ уже всегдашняго ходатая за землю Русскую, нѣтъ ея заступника и покровителя. Русскимъ людямъ того времени казалось, что со смертью Александра Невскаго къ нимъ вернутся всѣ невзгоды.

Когда погребальное шествіе приблизилось ко Владиміру, митрополитъ и все духовенство, бояре и весь народъ вышли на встрѣчу погребальнаго шествія за нѣсколько верстъ, въ Боголюбово. Не было слышно пѣвчихъ отъ плача народнаго, и сами пѣвчіе умолкали отъ рыданій: казалось, что стонала земля отъ всенародной горести. Во время отпѣванія князя Александра въ соборѣ Рождественской обители, на глазахъ всѣхъ совершилось чудо.

Когда святитель митрополитъ Кириллъ, по уставу Церкви хотѣлъ вручить усопшему разрѣшительную грамоту, блаженный князь, поднявъ свою руку, какъ будто живую, самъ принялъ грамоту и опять крестообразно сложилъ на груди руки. При видѣ такого чуда, сначала всѣхъ объялъ ужасъ,

а потомъ всѣ возблагодарили Бога за Его великія милости къ любимому ими князю и ко всей православной Руси. Это было 23 ноября 1263 года. Тѣло святаго Александра погребено было въ храмѣ Владимірскаго Богородице-Рождественскаго монастыря.

Говоря о смерти Александра Невскаго, писатель того времени прибавляетъ:

«*Много Онъ потрудился за землю Русскую, за Новгородъ, за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой и за вѣру православную*».

Этою-то готовностью всѣ силы свои приносить на пользу общую, земскую, благовѣрный князь Александръ и заслужилъ постоянную память народа Русскаго, который смотрѣлъ на него, какъ на ангела-хранителя. Съ этого же времени многіе стали призывать святаго князя въ молитвахъ, вѣруя, что онъ причисленъ къ лику святыхъ Божіихъ.

Александръ Невскій.

Сгинь ты, туча—невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко красное!
Вотъ сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло,
Что до самаго дна недостаннаго,
Бѣлъ—горючими камнями стланнаго...
Только вѣдаютъ волны разбойники,
Да тонулые въ весну покойнички,
Каково его сердце сердитое
О пороги и берегъ разбитое?
Вихремъ Ладога—озеро, бурей обвѣяно,
И волнами, что хмелемъ бродливымъ, засѣяно.
Колыхается Ладога, все колыхается,
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:

Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она, на просторѣ,
Погулять на Варяжскомъ родимомъ ей морѣ.
И съ Ижорой въ Обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру вслѣдъ имъ съ поклонами.
И бѣгутъ въ перегонку—Нева со Ижорою.

* *

Али нѣтъ въ Новогородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто-бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари, на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ, на свѣтлой недѣлѣ,
А владыка Филиппомъ нарекъ...
Вотъ стоитъ онъ—стоитъ
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ, раннею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной ладьею:
Подъ ладьей опрокинулись всѣ небеса;
Надъ ладьею, что̀ крылья, взвились паруса,
И стояли въ ладьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,
И, окутаны мглою, сидѣли гребцы. .
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святого Бориса и Глѣба.
Говорятъ межъ собою:
„На эту на ночь
Александру, любезному брату, намъ надо помочь!
Похваляются всуе кичливые шведы,
Что возьмутъ Новоградъ, да не вѣдать невѣрнымъ побѣды!
Ихъ ладьи и ихъ шнеки размечетъ Нева“...

* *

И запомнилъ Пелгусій святыя слова.

И пришелъ съ побѣлѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю, въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!"

* * *

А была наканунѣ за полночь у князя Александра бесѣда,
Потому бы, что въ Новгородъ прибыли три сановитые шведа,
Три посланника—прямо отъ Магнуса, ихъ короля,
И такой ихъ извѣтъ:
—„Весь вашъ Новгородъ—отчая наша земля!...
И теперь ополчаемся мы, королевскою силой:
Али дайте намъ дань, али будетъ вашъ городъ—могилою...
А для стольнаго вашего князя съ дружиною мы припасли
То цѣпей и веревокъ, что вотъ только бы шнеки снесли"...

* * *

—„Ну!"—Ратмиръ говоритъ,—„честь и слава заморской ихъ мочи,
Только мы до цѣпей и веревокъ небольно охочи!
—„Не слыхать, чтобы Новгородъ цѣпь перенесъ!"
—„На цѣпи въ Новѣгородѣ—развѣ что песъ,
Да и то, коли лютъ",—подсказалъ ему Миша.
—„Три корабля трупьемъ своимъ навалиша",—
Яковъ Ловчій промолвилъ:
—„И Господу силъ
Слава въ вышнихъ!"—Отъ юныхъ по имени—
Савва твердилъ.
А Гаврило Олексичъ:
„Да что тутъ! А спросту
Я по озеру къ нимъ доберуся безъ мосту!"..

* * *

Всталъ князь съ лавки—и всѣ позабыли Олексичій мостъ:
Что за станъ, что за плечи и ростъ!...
Знать не даромъ въ Орду его ханы къ себѣ зазывали,
Знать не даромъ же кесарь и шведскій король его братомъ назвали!

. . . .

—Да и правду сказать: благолѣпнѣе не было въ мірѣ лица,
Да и не было также нигдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ—самъ съ себя скинулъ
сорочку.
А подросъ, такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку.
И коня не сѣдлалъ, безъ сѣдла и узды,
Мчался онъ вихремъ съ нимъ, отъ звѣзды до звѣзды,
Да и вышелъ-же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду,
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ—то сила, то страсть, то мольба,
То—архангела страшнаго смерти труба...

* * *

—„Собирайтеся",—Молвилъ дружинникамъ князь,—со святой
благостынею!"
И пошелъ попроститься съ своею благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а также
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца: „О, Господи Боже,
О, Великій, и Крѣпкій и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
И да будетъ Твой судъ Правовѣрный щитомъ впереди!"

* * *

Собралися дружинники князя—кто пѣше, кто конно...
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
—„Други-братья, помянемъ—не кровь и не плоть,
А слова, что: „не въ силѣ, а вправдѣ Господь!"
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь—Александръ—Ярославичемъ двинулись въ поле
съ молитвою.

* * *

Воевода-то шведскій ихъ, Биргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто сажень кругомъ онъ раскинулъ шатеръ,
И подперъ его столпнякомъ глаженымъ, струженымъ, точенымъ,
Сквозь огонь главнымъ розмысломъ шведскимъ золоченымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая...
И было бесѣды
За полночь у нихъ... И рѣшили они межъ собой:

Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ
крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами...
Порѣшили—и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами...
Конченъ пиръ, провели Спиридона, епископа ихъ по мостамъ,
Только Биргеръ на шнеку безъ помощи выбрался самъ.
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь Александръ...
Заржали ретивые кони—
И Гаврило Олексѣичъ, сквозь темныхъ кустовъ
Сѣрой рысью прыгнулъ на ошалѣлыхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ, спросту,
По доскамъ, до епископской шнеки безъ мосту.
И учалъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексѣичъ куда былъ силенъ и строптивъ,
Да и конь его, Воронъ, куда былъ сердитъ и ретивъ...
Окунулся въ море—да мигомъ на шнеки опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечомъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода—епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Збыславъ Якуновичъ, тотъ сѣкъ эту чудь съ позѣвкомъ,
и съ плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ
меча;
Хоть вернулся къ дружинѣ, весь красный, и спереди онъ,
да и сзади,
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго ради...
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
. . . .
А Савва отрокъ осмысленный былъ
И у Биргера въ ставкѣ онъ столбъ золотой подрубилъ.
Да и враговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту...
А князь-то! О, Господи Боже!

Какъ наѣхалъ на Биргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ плеча, и печать кровяную булатнымъ копьемъ
Положилъ межъ бровей окаянному шведу.

* * *

Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ;
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ;
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою
дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно Единый...

* * *

И валилися шведы валежникомъ хрупкимъ, со смертной
тревогой,
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы, не путемъ не дорогой:
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли...

* * *

На зарѣ, крѣпкой тайной, съ дружиною близился князь
Къ Новугороду; только была имъ нежданная встрѣча;
Застоналъ благовѣстникъ, и громкіе крики раздалися съ вѣча,
И по Волхову къ князю молебная пѣснь донеслась,
И въ посадѣ встрѣчали его новгородцы...
А епископъ и клиръ ужъ стояли давно, предъ Софійскимъ
соборомъ,
И ужъ пѣли молебенъ напутственный князю съ дружиною
хоромъ,
И успѣлъ по поднебесью вѣтеръ развѣять побѣдную вѣсть:
—„Князю Невскому слава съ дружиной, и многія лѣта, и честь!“

* * *

Много лѣтъ прожилъ князь Александръ...
Не бывало на свѣтѣ
Преподобнаго князя мудрѣе—въ миру, и въ войнѣ, и въ совѣтѣ.
И хоругвью Божьею онъ осѣнялъ княженецкій свой санъ;
А затѣмъ и пословъ ему слали и кесарь, и папа, и ханъ,
И на письмахъ съ нимъ крѣпко любовь и согласье они заручали;
А король шведскій, Магнусъ, потомкамъ своимъ завѣщалъ,
Чтобъ никто ополчаться на Русь на святую изъ нихъ не дерзалъ.
Да и князь бы отъ мира со шведомъ не прочь.

Только годы уплыли,—
И преставился князь. И рыдали, рыдали, рыдали
Надъ усопшимъ и старцы и малыя дѣти съ великой печали
Въ Новѣгородѣ... Господи! Кто же тогда бы зѣницъ
Въ княжій гробъ не сронилъ изъ подъ слезныхъ рѣсницъ?

***

Князь преставился. Лѣтопись молвитъ:
Почилъ безъ страданья и муки,
И безгрѣшную душу онъ ангеламъ передалъ въ свѣтлыя руки.
А когда отпѣвали его, въ несказанной печали-тоскѣ,
Вся святая жизнь князя въ очью предъ людьми объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя десница раскрылась.
И понынѣ душевную грамоту крѣпко онъ держитъ въ рукѣ".

***

И почіетъ нашъ князь Александръ благовѣрный надъ синей
Невою,
И поютъ ему вѣчную память волна за волною.
И поютъ память вѣчную всѣ прибрежья ему
Да душевную грамоту онъ передастъ ли кому?
Передастъ! И крестомъ осѣнилъ чьи-то мощныя плечи,
И придется кому-то услышать святыя, загробныя рѣчи!..

***

Сгинь ты, туча—невзгодье ненастное!...
Выглянь, Божіе солнышко красное!...

Л. Мей.

Переселясь на небо, святый Благовѣрный Великій князь Александръ сдѣлался усерднымъ ходатаемъ и всегдашнимъ заступникомъ своего отечества. Покровительство его Русской землѣ особенно ясно обнаружилось въ 1380 году, когда на Россію двинулись огромныя полчища хана татарскаго Мамая, и великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому предстояло выступить на рѣшительный бой съ ними. Одинъ благочестивый инокъ Владимірскаго монастыря Рождества Пресвятой Богородицы, наканунѣ знаменитой Куликовской битвы, усерд-

но взывалъ къ святому Александру, у гроба его, о помощи противъ безбожныхъ татаръ. И вдругъ, среди усиленной молитвы, инокъ замѣтилъ что свѣчи у гроба зажглись сами собой и къ гробу подступили два благолѣпныхъ старца и сказали:

— «Возстани, Александръ, поспѣши на помощь сроднику твоему великому князю Димитрію: его одолѣваютъ иноплеменники».

Святый Александръ возсталъ, — и всѣ стали невидимы. Молившійся инокъ передалъ о видѣніи митрополиту Алексію, а митрополитъ великому князю. Видя въ этомъ дѣйствіе Промысла Божія, святитель Алексій, съ согласія великаго князя, прибылъ во Владиміръ, и здѣсь въ присутствіи всего освященнаго собора, съ молитвою откопавъ мѣсто, гдѣ погребено было тѣло Святого Александра, нашелъ его нетлѣннымъ, послѣ 117-ти лѣтняго пребыванія въ землѣ. Святыя мощи были положены съ подобающей честью поверхъ земли въ ракѣ, въ храмѣ Богоматери.

Много чудесъ совершилось предъ дивно прославившимися мощами угодника Божія; мы выберемъ наиболѣе изъ нихъ замѣчательныя.

1491 года, 23 мая, жители города Владиміра замѣтили утромъ, что надъ церковью, гдѣ были мощи святого Александра, поднимался къ небу блестящій, облачный столбъ, среди котораго видно было подобіе образа великаго князя, какъ будто на конѣ устремлявшагося къ небу. Всѣхъ жителей объялъ такой ужасъ, что они, предчувствуя какую-то страшную бѣду, стали звонить въ набатъ. И что-же? Дивное видѣніе служило предвѣстіемъ страшному пожару, въ тотъ же день охватившему весь городъ. Вскорѣ, попущеніемъ Божіимъ, загорѣлся и храмъ Пресвятыя Богородицы, гдѣ почивали мощи Благовѣрнаго Князя. Вся внутренняя об-

становка храма сгорѣла, мощи же святаго князя остались невредимыми, точно также, какъ и пелена, покрывавшая ихъ.

Въ 1541 году, послѣ праздника Успенія, по отпускѣ вечерни, сама собою въ присутствіи эклесіарха, зажглась свѣча, стоявшая у гроба святого Александра. Эклесіархъ, по простотѣ, погасилъ свѣчу, но увѣдомилъ о томъ архимандрита Евфросина, который поспѣшилъ въ церковь и осязалъ свѣчу еще теплою отъ огня.

Благочестивое преданіе разсказываетъ о многихъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, послѣдовавшихъ у раки Святого Благовѣрнаго Великаго князя Александра. Оно упоминаетъ объ исцѣленіи двухъ слѣпыхъ женщинъ, одного сухоногаго, трехъ разслабленныхъ, двухъ бѣсноватыхъ, инока Давида, боярскаго сына Головина и пр. Послѣ многократныхъ проявленій силы Божіей у гроба святого князя, по мысли митрополита Макарія, на Московскомъ соборѣ 1547 года, благовѣрный князь Александръ Невскій былъ причисленъ къ лику общерусскихъ святыхъ; до того же времени его почитаніе было только мѣстнымъ.

Святыя мощи благовѣрнаго князя Александра Невскаго пребывали во Владимірскомъ Богородице-Рождественскомъ монастырѣ болѣе 450 лѣтъ,—до временъ Императора Петра I. Устроивъ новую столицу на берегахъ рѣки Невы, прославленныхъ громкою побѣдою великаго князя Александра надъ шведами, Императоръ Петръ Алексѣевичъ рѣшилъ перенести въ нее нетлѣнные останки святаго Невскаго героя. Приготовивъ въ новоустроенномъ монастырѣ мѣсто новаго «покоища» для великаго угодника Божія, Императоръ, по совѣщаніи съ Святѣйшимъ Синодомъ, указомъ 29 мая 1723 года повелѣлъ: «обрѣтающіяся въ Владимірскомъ Рождественѣ монастырѣ

мощи святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго перенести въ Александро-Невскій монастырь».

Торжественное перенесеніе святыхъ мощей благовѣрнаго Александра начато было 11 августа того же 1723 года настоятелемъ Владимірскаго Богородице-Рождественскаго монастыря, Сергіемъ, которому «яко въ первостепенныхъ архимандритахъ россійскихъ третій градусъ имѣющему», приказано было сопровождать драгоцѣнную святыню вмѣстѣ въ особой комиссіей изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ до самаго Петербурга.

Это перенесеніе продолжалось болѣе года. Въ Великомъ Новгородѣ, древней отчинѣ благовѣрнаго Александра, святыя мощи поставлены были на богатоубранную лодку и продолжали шествіе внизъ по Волхову, какъ въ тѣ дни, когда святой Александръ плавалъ по этой рѣкѣ со своей славной дружиной. По прошествіи нѣсколькихъ дней плаванія, при устьѣ Ижоры святыя мощи встрѣтилъ самъ Императоръ съ государственными сановниками, перенесъ ихъ на великолѣпную галеру и самъ сталъ у руля. При приближеніи нетлѣнныхъ мощей къ Александро Невской обители, раздался колокольный звонъ и грохотъ орудій. Приставъ къ берегу, Петръ Великій, вмѣстѣ съ вельможами, понесъ съ честью раку ко вратамъ Александро-Невской обители. Послѣ торжественной здѣсь встрѣчи архіепископомъ новгородскимъ Ѳеодосіемъ и всѣми членами Св. Синода, нетлѣнныя мощи были внесены во вновь устроенный храмъ во имя святого Александра Невскаго и положены въ устроенную государемъ на собственныя средства раку.

Это было 30 августа 1724 года. Съ того времени наша православная церковь ежегодно празднуетъ 30-го августа перенесеніе мощей святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, а въ С.-Петербургѣ въ этотъ день еже-

годно совершается торжественный крестный ходъ изъ каѳедральнаго Исаакіевскаго собора въ Александро-Невскую лавру. И съ того времени великій князь, такъ много потрудившійся для русской земли, охраняетъ насъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и молится у престола Божія за всѣхъ, съ вѣрою его призывающихъ.

И послѣдующіе наши государи и государыни всегда чтили и чтятъ память святого князя Александра и украшали и обогащали Александро-Невскую лавру своими средствами. Въ 1725 году императрица Екатерина I, согласно съ волею своего державнаго супруга, учредила кавалерскій орденъ въ честь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, какой и до сихъ поръ существуетъ и почитается одной изъ самыхъ высшихъ наградъ за заслуги отечеству. Дочь Петра Великаго, императрица Елизавета Петровна, соорудила для святыхъ мощей благовѣрнаго Александра Невскаго великолѣпную серебряную раку. Императрица Екатерина II, Великая создала въ Александро-Невской обители величественный храмъ Святой Троицы и приказала перенести въ него святыя мощи благовѣрнаго князя Александра, что и было исполнено 30-го августа 1790 года. Въ этомъ-то храмѣ и почиваютъ до сего времени нетлѣнные останки великаго угодника Божія,—святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Въ настоящее время въ Лаврѣ находится 12 церквей.

1) Свято-Троицкій соборъ, имѣющій длину 35 саженъ, въ ширину до 20 саж., въ высоту 29 саж. (съ куполомъ, главою и крестомъ). Храмъ этотъ заложенъ былъ въ 1720 году; къ 1753 году онъ былъ уже почти готовъ, но вслѣдствіе открывшихся поврежденій въ стѣнахъ и сводахъ, былъ разобранъ; вновь заложенъ въ 1776 году, въ царствованіе

Екатерины Великой, по плану архитектора Старова, и окончена въ 1790 году; въ томъ же году, 30 августа, онъ былъ освященъ и сюда были торжественно перенесены мощи святого благовѣрнаго Александра Невскаго изъ Александро-Невской церкви.

Торжество это происходило слѣдующимъ образомъ.

30-го августа, въ 9-мъ часу утра, собрались въ Александро-Невскій монастырь, кавалеры ордена св. Александра Невскаго, въ орденскомъ уборѣ, и другія знатныя особы, и въ то же время начался изъ Казанскаго собора въ монастырь крестный ходъ, за которымъ шли два младшихъ изъ кавалеровъ ордена. Въ 10 часовъ изволила прибыть въ монастырь Государыня Императрица съ Государемъ Цесаревичемъ, Государынею Великою Княгинею и Великими Князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, въ сопровожденіи придворнаго своего штата. Государыня Императрица была въ въ гросмейстерскомъ уборѣ, имѣя на головѣ малую корону.

Митрополитъ Гавріилъ, съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ, встрѣтилъ Ея Величество передъ св. вратами и предшествовалъ ей со св. Крестомъ до Благовѣщенской церкви, въ которую наканунѣ изъ верхней Александро-Невской церкви были перенесены мощи св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, и откуда надлежало быть перенесенію святыхъ мощей въ соборъ.

Перенесеніе св. мощей совершено было въ такомъ порядкѣ: впереди съ св. хоругвями, иконами, Евангеліемъ и Крестомъ шло духовенство; передъ самыми св. мощами несли: духовникъ Ея Величества—великокняжескую корону св. Александра Невскаго, а архимандритъ Юрьева монастыря—жезлъ святаго Великаго Князя; потомъ слѣдовали кавалеры ордена, которые несли св. мощи. Балдахинъ надъ св. мощами несли четыре кавалера ордена св. князя Владиміра, третьей степени, а

шнуры балдахина держали четыре кавалера того-же ордена, второй степени. За св. мощами шла Государыня Императрица; по обѣимъ сторонамъ ея шли кавалергарды въ парадныхъ мундирахъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Зубова. За Императрицею шли ихъ Высочества—Великая Княгиня и Великіе Князья, за ними статсъ дамы; фрейлины и прочія знатныя особы обоего пола.

При перенесеніи мощей изъ Благовѣщенской церкви производился колокольный звонъ и пальба изъ пушекъ, а поставленныя на дворѣ монастыря рота пѣшей и конной гвардіи отдали честь ружьемъ, наклоненіемъ знамени, музыкою и барабаннымъ боемъ.

По внесеніи же мощей въ новую соборную церковь, началось ея освященіе. Освященіе церкви и затѣмъ литургія совершены были митрополитомъ Гавріиломъ, съ преосвященными: псковскимъ—Иннокентіемъ и бывшимъ херсонскимъ Евгеніемъ Булгаромъ, при чемъ, по назначенію св. Синода, юрьевскимъ архимандритомъ Иринеемъ произнесена приличная случаю проповѣдь. По окончаніи литургіи Ея Величество изволила прежнимъ порядкомъ идти въ домъ преосвященнаго митрополита и тамъ принимать поздравленіе какъ отъ высшаго духовенства, такъ и отъ кавалеровъ ордена, всемилостивѣйше пожаловавъ всѣхъ къ рукѣ. Послѣ того Императрица съ ихъ Императорскими Высочествами и съ кавалерами ордена имѣла обѣденный столъ, во время котораго была вокальная и инструментальная музыка духовныхъ концертовъ, и при питіи за здравія производилась пальба изъ поставленныхъ при монастырѣ пушекъ. По окончаніи стола, при возвращеніи Императрицы во дворецъ, кавалеры ордена предшествовали Ея Величеству до кареты.

Наканунѣ освященія собора Государыня пожаловала драгоцѣнный образъ «Моленіе о чашѣ» золотой, чеканной работы

на лаписъ-лазури, а митрополиту Гавріилу—алмазную панагію съ изумрудами.

Въ церковь ведутъ пять дверей: съ западной стороны устроена паперть съ колоннадою и въ ней три двери, а другія двери—съ южной и сѣверной стороны. Въ паперти, надъ средними западными дверями, два ангела держатъ золоченый щитъ или кругъ, на которомъ изображенъ орденскій знакъ св. Александра Невскаго, съ надписью по краямъ круга: «Знакъ Россійскаго Кавалерскаго ордена наименованія Св. Александра Невскаго». Надъ входными дверями сдѣланы лѣпныя изображенія событій изъ исторіи ветхаго завѣта.

Надъ всѣмъ зданіемъ Троицкаго собора возвышается одинъ большой куполъ, съ 16 продолговатыми окнами, и надъ нимъ — небольшая глава, устроенная въ видѣ малаго пирамидальнаго фонарика, и покрытая бронзовыми вызолоченными листами, съ такимъ же вызолоченнымъ крестомъ.

Къ западнымъ угламъ церкви примыкаютъ двѣ четырехъугольныя, двухъ-этажныя колокольни, украшенныя рядами фигурчатыхъ карнизовъ и по угламъ плоскими приставными полуколонками, съ фигурчатыми рѣзными и литыми капителями (верхушками). На сѣверо-западной колокольнѣ находится Никоновъ колоколъ (1658 года), привезенный по волѣ Петра Великаго изъ иверскаго монастыря.

Соборный иконостасъ сдѣланъ изъ итальянскаго мрамора; мѣстныя иконы на металлическихъ доскахъ—работы знаменитыхъ иностранныхъ художниковъ; на стѣнахъ иконы извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: въ алтарѣ за престоломъ «Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы»—Рафаэля Менгса; надъ южными алтарными дверями: «Спаситель, благословляющій» - Ванъ Дейка; надъ сѣверными дверями: «Богоматерь съ предвѣчнымъ младенцемъ»—Куверчино; за лѣвымъ клиросомъ: колос-

сальнаго размѣра «Воскресеніе I. Христа»—Рубенса, купленное Петромъ Великимъ въ Голландіи и пожертвованное изъ Эрмитажа Екатериною Великой. Много и другихъ художественныхъ произведеній находится въ Троицкомъ соборѣ Лавры; но главная его святыня—это мощи святаго Князя Александра Невскаго, почивающія за правымъ клиросомъ, въ полукруглой нишѣ.

Мощи благовѣрнаго князя Александра Невскаго почиваютъ въ великолѣпной серебряной ракѣ, устроенной въ 1750—52 г. усердіемъ и повелѣніемъ Императрицы Елизаветы Петровны изъ перваго серебра, найденнаго въ Колыванскихъ рудникахъ. Длина ея 3 арш. 7 вершк., ширина 1 арш. 7 вершк. Рака украшена чеканными барельефами (выпуклыми изображеніями), представляющими важнѣйшіе подвиги изъ жизни святаго князя Александра и его преставленіе.

На передней сторонѣ раки, у возглавія святаго, изображено прибытіе его въ болѣзненномъ состояніи въ Богородицкій Городецкій монастырь, гдѣ братія усердно и радушно его встрѣтила, и гдѣ онъ скоро преставился.

Съ правой стороны, въ кругу, вырѣзана слѣдующая надпись:

„Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
Являя Дщерь Его усердіе святое
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть“.

Вверху этого круга—два ангела, изъ которыхъ одинъ указываетъ перстомъ на написанное, другой трубитъ въ трубу. По бокамъ круга два символическихъ женскихъ изобра-

женія: первое держитъ въ рукѣ книгу; въ другой-факелъ, второе—въ одной рукѣ мечъ, въ другой-вѣсы.

На лѣвой сторонѣ раки—три барельефа, изъ коихъ одинъ—у изголовья, изображаетъ знаменитую битву святого Александра Невскаго съ ливонскими рыцарями, отъ которыхъ онъ возвратилъ Псковъ, второй, средній, барельефъ изображаетъ торжественный въѣздъ святого Князя во Псковъ послѣ счастливой побѣды надъ ливонцами; а третій—битву святаго Александра Невскаго на берегахъ Невы, при устьѣ Ижоры.

На задней сторонѣ раки, у ногъ святаго,—барельефъ, изображеніе преставленіе и погребеніе святаго Александра Невскаго.

Мѣста, не занятыя изображеніями, украшены чеканными цвѣтами и гирляндами.

На верхней доскѣ раки написанъ образъ святого Александра Невскаго на полотнѣ во весь ростъ.

Серебряная крышка раки утверждена надъ нею въ видѣ балдахина на четырехъ винтообразныхъ подставкахъ, обвитыхъ посеребренымъ газомъ, и окаймлена со всѣхъ сторонъ вызолоченною бахрамою и кистями. На крышкѣ—серебряная подушка, отливная, съ таковою же бахрамою и четырьмя кистями по угламъ, на которой утверждены княжескія регаліи: корона, держава и мечъ.

Императрица Екатерина великая пожертвовала на раку великолѣпный покровъ съ бриліантами.

Въ углубленіи, позади раки, сооружена высокая серебряная пирамида (вѣсомъ болѣе 42 пудовъ), съ чеканными изображеніями святаго Князя со знаменемъ въ рукѣ и супруги его—съ крестомъ въ рукѣ. Надъ этими изображеніями—чеканный накладной шлемъ, и подъ нимъ—чеканные воинскіе доспѣхи. По сторонамъ—отливныя вазы съ цвѣтами, а повыше ихъ—два литыя изображенія ангеловъ, съ серебряными щи-

тами (вѣсомъ около 11 пудовъ), изъ которыхъ на одномъ, съ сѣверной стороны написано: «Богу Всемогущему и Его угоднику Благовѣрному и Великому князю Александру Невскому, Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго, укротившему варварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство переселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго, на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ перенесенному 1724 года»; а на другомъ, съ южной стороны, написано слѣдующее: «Державнѣйшая Елизавета, отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя сію мужества и святости его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ сребра соорудить благоволила въ лѣто 1752».

По обѣимъ сторонамъ пирамиды поставлены литые изъ серебра трофеи святаго князя, съ воинскими доспѣхами и оружіемъ стараго времени.

На сооруженіе раки и ея украшеній употреблено всего серебра до 87 пудовъ.

Передъ ракою серебряная вызолоченная лампада—даръ Государя Императора Александра Александровича и Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ память священнаго коронованія Ихъ Величествъ. Лампада круглая, въ строго греческомъ стилѣ, мѣрою въ діаметрѣ 6 вершковъ, и въ длину, къ низу, съ шарикомъ и крестомъ 10 вершковъ. Внизу круга лампады, сдѣлана славянскими буквами надпись: «Отъ усердія Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 15 мая 1883 года». Другая надпись находится на лицевой сторонѣ круга, въ орнаментѣ, и сдѣлана также славянскими, но крупными, фигурными буквами: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ».

Близъ мощей святаго Александра Невскаго поставленъ

литой изъ серебра аналогій съ кивотомъ, въ которомъ хранятся св. иконы и малые ковчеги, со многими частицами мощей разныхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Аналогій этотъ — приношеніе (въ 1806 году) императора Александра Благословеннаго. Вѣсу во всемъ аналогіи около 7 пудовъ.

На правой сторонѣ пирамиды, передъ святою ракою — «Нерукотворенный образъ» съ частицею Живоносной ризы Господней. Образъ этотъ украшенъ серебряною вызолоченною ризой, съ таковымъ же вѣнцомъ, въ которомъ вложенъ красный яхонтъ, осыпанный брилліантами. Внизу образа на этой ризѣ вставлена часть ризы Господней и хранится подъ плоскимъ простымъ камнемъ, обложеннымъ вокругъ брилліантами, а сверху, надъ камнемъ, — небольшая брилліантовая корона, въ которой брилліантовъ числомъ: большихъ — четыре камня, среднихъ и малыхъ — 29, вокругъ ризы Господней — 28 камней. Святыня эта пожертвована въ 1782 году княземъ Д. М. Голицынымъ.

На лѣвой сторонѣ пирамиды передъ святою ракой — икона «Владимірской Божіей Матери». Икона эта, по преданію, принадлежала святому Александру Невскому и, вмѣстѣ съ мощами, принесена изъ Владиміра: глубокая древность этой иконы оправдывается древнимъ византійскимъ стилемъ живописи и величественною простотою, какая отпечатлѣна во всей ея внѣшней отдѣлкѣ. За исключеніемъ самаго изображенія, икона вся закрыта драгоцѣнною ризою изъ аравійской мѣди. Икона вставлена въ деревянную позолоченную раму.

Церковь внутри освѣщается многими паникадилами; изъ нихъ замѣчательны: большое, серебряное, находящееся посреди церкви, о 42 подсвѣчникахъ, расположенныхъ въ два ряда, вѣсомъ въ $12^1/_2$ пудовъ; другое, также серебряное, о 12 подсвѣчникахъ, находящееся въ алтарѣ предъ горнимъ мѣстомъ, вѣсомъ въ 1 пудъ 9 фунтовъ. Паникадила эти пожалованы императрицею Екатериной Великой (1791 г.)

2) Церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, по лѣвую сторону внутреннихъ монастырскихъ воротъ. Здѣсь погребены нѣкоторыя особы Царствующаго Дома: 1) царевна Наталья Алексѣевна, сестра императора Петра II; 2) царица Прасковья Ѳедоровна, супруга царя Іоанна V; 3) царевичъ Петръ Петровичъ, сынъ Петра Великаго, умершій въ младенчествѣ; 4) Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейгская; 5) царевна Екатерина Іоанновна; 6) великая княжна Анна Петровна; 7) великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга императора Павла I; 8) великая княжна Ольга Павловна; 9) дочери императора Александра I: Марія и Елизавета. Здѣсь-же былъ погребенъ и императоръ Петръ III, перенесенный въ 1796 году въ Петропавловскій соборъ. За лѣвымъ клиросомъ похороненъ фельдмаршалъ Суворовъ (въ 1800 году).

3) Церковь святаго Александра Невскаго (тамъ же).

4) Церковь святаго Сергія (тамъ же).

5) Церковь Сошествія Святаго духа, построенная въ 1819—1822 годахъ; здѣсь погребены С.-Петербургскіе митрополиты: Михаилъ, Серафимъ, Никаноръ и Григорій.

6) Церковь святаго Ѳеодора и святаго Николая Чудотворца; здѣсь погребены нѣкоторые архіепископы.

7) Церковь Архистратига Михаила и

8) Крестовая—въ домѣ митрополита.

9) Церковь праведнаго Лазаря, на старомъ, или Лазаревскомъ кладбищѣ.

10) Церковь во имя Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости, надъ лаврскими наружными воротами, съ сѣверной стороны.

11) Церковь святаго Николая, на новомъ кладбищѣ и

12) Церковь Богоматери Тихвинской, на Тихвинскомъ кладбищѣ.

На западной сторонѣ монастыря, противъ собора, нахо-

дятся покои митрополита; на той же сторонѣ, а также на сѣверной, южной и возлѣ собора—помѣщенія для монашествующей братіи, начальствующихъ монастыря и викарныхъ епископовъ; въ сѣверо-западномъ углу—ризница, въ юго-западномъ — библіотека; возлѣ собора—Комитетъ духовной цензуры.

Именнымъ указомъ Императора Павла I, въ 1797 году, Александро-Невскій монастырь переименованъ въ Лавру и занялъ по штатамъ этого года третье мѣсто, послѣ лавръ Кіево-Печеркой и Троицко-Сергіевской. Лавра состоитъ подъ начальственнымъ наблюденіемъ С.-Петербургскаго митрополита и управляется духовнымъ соборомъ, состоящимъ изъ намѣстника и другихъ начальствующихъ лицъ монастыря. Кромѣ суммъ, ассигнованныхъ по штату, она имѣетъ земельныя угодья по рѣкѣ Невѣ, значительное число каменныхъ домовъ по Невскому проспекту и набережной Невы и до 100 обширныхъ каменныхъ амбаровъ, отдаваемыхъ въ аренду подъ хлѣбные склады. Весь доходъ ея превышаетъ 300,000 рублей.

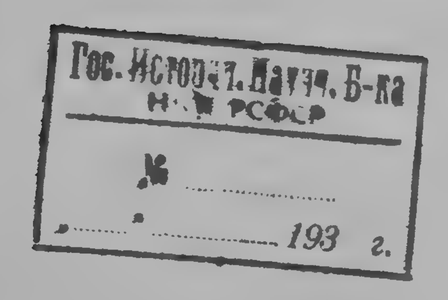
Въ ризницѣ монастыря хранятся драгоцѣнные сосуды, кресты Евангелія, иконы, дорогія архіерейскія облаченія, старинные антиминсы, великокняжеская шапка святаго Александра Невскаго, трость Петра Великаго и его же кровать, на которой спалъ онъ, говѣя на страстной недѣлѣ въ монастырѣ, драгоцѣнная бриллiантовая панагія, сдѣланная изъ звѣзды императрицы Екатерины II и пожалованная императоромъ Александромъ I, митра съ алмазами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, пожертвованная императрицею Екатериною I, и множество другихъ дорогихъ вещей.

Въ Лаврѣ три кладбища, на которыхъ похоронено много замѣчательныхъ русскихъ людей: 1) Старое, или Лазаревское, при входѣ въ монастырь налѣво; 2) Тихвинское—направо и 3) Новое, или Никольское, къ востоку отъ собора.

Благоговѣя къ святому Александру Невскому, наши Боговѣнчанные Государи многократно знаменовали усердіе и любовь къ святому предку своему и покровителю драгоцѣнными дарами и приношеніями соборному храму, въ коемъ почиваютъ его святыя мощи. И ежегодно, не только 30 Августа, но и въ другіе дни Они возносили и возносятъ молитвы свои передъ мощами святаго благовѣрнаго князя.

Благоговѣніе къ святому Александру Невскому Державныхъ Царей земли Русской отпечатлѣвается и во всѣхъ православныхъ сынахъ России. Благоговѣйное чествованіе памяти святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, особенно же соединенное съ торжественнымъ празднованіемъ дня перенесенія святыхъ мощей его въ столицу, всегда привлекало и привлекаетъ въ Свято-Троицкій соборный храмъ Лавры многочисленное собраніе молящихся передъ ракою святыхъ мощей угодника Божія.





ОГЛАВЛЕНЕ.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо, по Даніэлю-де-Фоэ, съ 8 хромолит. картинами. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Д-ръ Браунъ. Онанизмъ и половыя отправленія человѣка. Die Krankheiten des männlichen und weiblichen Geschlechtssystem's. Переводъ съ послѣдняго (19-го) нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 75 к

Коломійцева Н. Необходимая настольная книга для молодыхъ хозяекъ. Общедоступный, дешевый и вкусный столъ, общеупотребительныхъ постныхъ и скоромныхъ блюдъ. Рекомендована мѣстнымъ начальствомъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи къ пріобрѣтенію, какъ книга, весьма полезная для употребленія въ тѣхъ заведеніяхъ и для подарковъ воспитаницамъ. Изд. испр. и допол. 654 рецептами. Спб., 1891 г. Ц .3 р.

Оржешко, Е. Призраки. Повѣсть. Переводъ Домбровскаго. 1891. г. Ц. 7 к.

Боцольдъ, проф. Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству и техникѣ, соч. д-ра Вильгельма фонъ-Бецольда, ординарнаго проффессора физики при политехническомъ институтѣ въ Мюнхинѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Ламанскаго. Съ 65 рисунками въ текстѣ и 9-ю таблицами. Спб., 1877 г. Ц. 4 р.

Бѣлоручка и работникъ (Maitre de Forge). Романъ Жоржа Онэ. Спб., 1888 г. Ц. 75 коп.

Вальтеръ-Скоттъ. Айвенго. Романъ. Переводъ В. Д. Владимірова. Спб., 1860 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Морской разбойникъ. Романъ. Переводъ В. Д. Владимірова. Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Полевой, Н. А. Исторія князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, Генералиссимуса россійскихъ войскъ: съ портретомъ Суворова и 100 картинами. Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Полный письмовникъ., содержащій въ себѣ письма: поздравительныя, дѣловыя, обыденныя, коммерческія и другія необходимыя въ жизни для всякаго. Съ прибавленіемъ формъ прошеній судебнаго отдѣла и справочн. Спб., 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пономаревъ И. Н. Любовь злодѣя; романъ въ двухъ частяхъ, (изъ прилож. къ журналу „Лучъ". 1890 г.), ц. 40 к.

Соколовъ А. А Старые и новые коммерсанты, романъ въ 3 ч. Часть I. Сытыя птицы хлѣбнаго берега. Часть II. Медвѣди овсяники. Часть III. Пираты торговли. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Славная оборона Севастополя; популярный разсказъ, въ двухъ частяхъ, посвѣщается побѣдоносной русской арміи. Спб. 1887 г., ц. 1 р. 50 к.

Его же. На судъ присяжныхъ; романъ въ трехъ частяхъ. Изданіе пятое. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Бородино; историческій романъ, съ портретами дѣятелей 1812 г., съ приложеніемъ разсказовъ: а) съ Бородинскаго поля, б) на царской службѣ и в) статей и стихотвореній. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Веселая книга. Разсказы, сцѣны и анекдоты. Спб., 1889 г., Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Черная красавица сельца отраднаго; романъ. Спб. 1888 г., Ц. 1 р. 50 к.

Его же. По локоть въ золотѣ—по локоть въ крови; романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Два мужа; романъ. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Царь-баба. Историческій романъ. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Бѣлый генералъ, русскій народный герой Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й. Его жизнь, подвиги, храбрость и равнодушіе. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Крестникъ Петра Великаго. Историческій разсказъ. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Его-же, Устинья Федоровна (Устя). Атаманъ волжскихъ головорѣзовъ: историческій романъ; Атаманъ богатырь, быль изъ временъ царя Іоанна IV грознаго. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи; историческій романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Курсистка; романъ въ трехъ частяхъ. Разсказъ. Волостной старшина. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Соколова А. И. На смѣну былому; оригинальный романъ. (Изъ прилож. къ журн. „Лучъ") 1890 г. Ц. 75 к.

Ея же. Бездна; романъ изъ современной жизни. (Изъ приложеній къ журн. „Лучъ"). 1890 г. Ц. 75 к.

Хрущевъ А. П. Генералъ-Адъютантъ. Исторія обороны Севастополя. Ц. 1 р.

Тогольскій, Д. Д. (Дядя Митяй). Благополучные россіяне. Сборн. веселыхъ и забавныхъ разсказовъ, сцѣнокъ съ натуры и очерковъ. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Его-же. Въ родномъ болотѣ. Сборникъ разсказовъ, сценокъ и картинъ съ натуры. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Трачевскій, А. Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ историческое изслѣдованіе. М. 69 г. Ц. 3 р.

Бураковскій, С. З. „Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, біографіяхъ и характеристикахъ. П. 80 к. — „Горе отъ ума" Грибоѣдова, разборъ комедіи. Изд. 2-ое, ц. 40 к. — „А. С. Пушкинъ", біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 2-ое, ц. 60 к. — „Ревизоръ", Н. В. Гоголя, разборъ комедіи. Изд. 3-е, ц. 35 к. — „Мертвыя души" разборъ поэмы Гоголя. Изд. 2-ое, ц. 45 к. — „М. Ю. Лермонтовъ", біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 2-ое, ц. 45 к. — „Тарасъ Бульба", разборъ повѣсти Гоголя. (печатается).

Степановъ, А. Н. Ветеринарскій врачъ лечебникъ домашнихъ животныхъ, составленный для сельскаго населенія, изданіе 2 е, ц. 15 к. Книга эта— одно изъ лучшихъ руководствъ для излѣченія животныхъ при деревенскихъ нуждахъ и полномъ отсутствія врачей-ветиринаровъ.

Шпильгагенъ, Ф. Новый фараонъ, въ папкѣ. Ц. 1 р.

Оболенскій, Л. Е. Послѣднія поэмы не вошедшія въ первый томъ).— Варварушка.—Дѣвкина пора.—Воронъ.—Отступникъ.—Мюнцеръ.—Рожденіе любви. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Животовъ, Н. Странники: 1-я Ксенія, 2-й Александръ Михайловъ Крайневъ. Спб., 1891 г. Ц. 30 к.

Грѣхи молодости. Съ изложеніемъ какъ предупредить себя отъ истощенія силъ, преждевременной смерти и дурныхъ наклонностяхъ, ведущихъ къ ослабленію организма и душевному разстройству. Составлено по источникамъ авторитетныхъ врачей и изслѣдованіямъ. Одесса, 1891 г. Ц. 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій, съ біографіею автора, портретомъ, снимкомъ съ его рукописи и одной иллюстраціей. Цѣна. въ папкѣ 60 к. въ коленк. перепл. 1 р. 10 к

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій съ біографіей автора, портретомъ, снимковъ съ его рукописи, съ семью иллюстраціями (исполненными фототипіею). Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. въ коленк. перепл. тисн. золотомъ 1 р. 75 к,

Свят. Евстафій Плакида, его жизнь, подвиги и страданія. Съ 4-мя картинами. Ц. 25 к.

Родная Рѣчь. Азбука русская и церковно-славянская съ приложеніемъ первой книжки для чтенія, сост. Невскій. Ц. 15 к.

Волховскій М. Г. Какъ жили наши предки тысячу лѣтъ до нашего времени. Съ 7-ю политипажами. 1892 г. Ц. 30 к.

Отъ Спб. духовн. цензурн. комит. печатать дозволяется Спб. 15 іюля 1893 г.
Цензоръ протоіерей *А. Автономовъ*.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.